

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817

ARTES SCIENTIA VERITAS

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
И
ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ПИШКОВА

*Россійской Императорской Академии Президента
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

Ч А С Т Ъ Х.

С. П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академии.

1827.

D.T. Kant
16V
116

891.78
\$557.27
1818a
v.10

61-372188

~~PG 3361~~
~~345~~
~~1818~~

П Е Ч А Т А Н О:

По определению Императорской Россійской Академіи.

МАІЯ 12 ДНЯ 1817 ГОДА.

Slavic Division

461919

Am 15, 34

ОГЛАВЛЕНІЕ

Д е с я т о й ч а с т и .

	Стр.
1) Тассовы бдѣніи, перев. съ Итал. подлин.	
2) Краткая и справедливая повѣсть о на-
губныхъ Наполеона Бонапарте помы-
слахъ, о войнахъ его съ Гишпанією и
Россією, о истребленіи войскъ его и о
важности нынѣшней Нѣмецкой войны.
Перев. съ Нѣм.	11
3) Описаніе рѣзныхъ изображеній съ меда-
лей, представляющихъ знаменитѣйшія
воинскія дѣйствія, происходившія въ
1812, 1813 и 1814 годахъ	21
-

ТАССОВЫ БДѢНІЯ.

ПЕРЕВОДЪ

СЪ ИТАЛІЯНСКАГО ПОДЛИННИКА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

*Италіянскаго издателя Г. Компаніони, при
первомъ изданіи въ Парижѣ.*

Слава творца *Освобожденнаго Іерусалима* не позволяетъ сомнѣваться, чтобъ рукописное сего стихотворца сочиненіе не было принято съ такимъ благопріятствомъ, о какомъ имя *Тассово* удостовѣряетъ.

Сіе издаваемое нынѣ сочиненіе найдено въ *Феррарѣ*, 1794 году, въ развалинахъ одного древняго зданія. Подлинность его не подвержена никакому сомнѣнію. Докторъ *Ангелли* сличалъ оное съ другими *Тассовыми* рукописаніями, находящимися въ *Бароттіевской* книгохранилельницѣ. Великаго труда стоило разобрать содержаніе онаго; письмо было не чотко, и буквы отъ времени такъ изветшали, что во многихъ мѣстахъ чуть приметны были нѣкоторыя черты. Не иначе какъ съ помощію Доктора *Ангелли*, весьма искуснаго въ древнихъ писаніяхъ, и удостоивающаго меня своею дружбою, довелъ я ру-

Часть X.

1

копись сію до такого состоянія, что могъ оную прочитать, списать и напечатать.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что сіе писаніе, содержащее въ себѣ не иное что, какъ выраженіе пылкой, отъ самаго начала своего воспрепятствованной любви, сочинено было, когда Герцогъ *Феррарскій* осудилъ *Тасса* на безсрочное заточеніе, послѣ страннаго поединка его съ однимъ изъ своихъ друзей, которому открылся онъ въ страсти своей къ Княжнѣ *Елеонорѣ*, сестрѣ Герцоговой *), и которой по нескромности своей расказалъ о сей тайнѣ.

Въ книгохранилищахъ Италіянскихъ, а особливо въ *Моденской*, находятся многія сего стихотворца рукописи, которымъ Аббатъ *Серасси* въ сочиненной имъ *Жизни Тассовой* прилагаетъ списокъ. Въ семъ списокѣ о сей издаваемой нынѣ рукописи ничего не упоминается.

*) Тассъ во многихъ мѣстахъ Вдѣній своихъ называетъ ее дочерью его. Примѣч. Переводчика.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

*Италіянскаго издателя Г. Компаніони, при
второмъ изданіи въ Медиоланѣ (1803).*

Бдѣнія сін, о подлинности которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, въ первый разъ изданы въ Парижѣ,

Не можно изобразить съ какимъ всеобщимъ удовольствіемъ приняты онѣ были во Франціи, гдѣ Тассъ изъ всѣхъ Италіянскихъ стихотворцевъ есть тотъ, о которомъ наиболѣе говорятъ и разсуждаютъ. Во всѣхъ журналахъ съ великимъ жаромъ возвѣщаемо было о *Бдѣніяхъ Тассовыхъ*.

Г. Митотъ перевелъ оныя на Французской языкъ, съ перваго обнародованнаго въ Парижѣ изданія. Другой ученый мужъ присовокупилъ къ тому *Извѣстія о жизни Тассовой*, извлеченныя весьма кратко изъ книги сочиненной Петромъ Антоніемъ Серасси *).

*) Жизнь Тассова, сочиненная Петромъ Антоніемъ Серасси, посвящена Беатриксѣ Эстской, Эрцъ-Герцогинѣ Австрійской, напечатанная въ Римѣ въ 1785 году, въ одномъ томѣ въ четвертку. Книга сія есть богатый источникъ, откуда всѣ Французскіе о Тассѣ писатели почерпають свои извѣстія.

Г. Гишаръ читалъ въ *Филотехническомъ Обществѣ* переведенное вольными стихами XIV бѣніе, которое принято было съ великими похвалами. Другіе Французы покушались и нынѣ еще покушаются, въ стихахъ и въ прозѣ, возвысить языкъ свой до стихотворной Тассовой прозы, сдѣлавшейся для нихъ образцемъ ученія и подражанія.

Въ первомъ изданіи, сдѣланномъ въ Парижѣ, изъ тринадцати четырехъ Бѣній, находящихся въ подлинникѣ напечатано только тринадцать. Четыре изъ оныхъ совсѣмъ пропущены; да и въ тѣхъ, которыя напечатаны, многія мѣста противъ подлинника сокращены. Въ нынѣшнемъ же изданіи нашемъ все оное дополнено и приведено въ цѣлость и порядокъ.

Издатель старался даже и въ самомъ разстройствѣ мыслей соблюсти естественное ихъ печеніе: ему казалось, что пропустя нѣкоторыя мѣста, онъ нарушитъ сцѣпленіе и связь умствованій.

Не его дѣло доказывать сколько сіи Бѣнія должны нравиться чувствительнымъ душамъ и людямъ любящимъ словесность. Онъ не долженъ ни чьего мнѣнія ни предубѣждать, ни предвѣщать.

Можно однакожь не обинуясь сказать, что Бдѣнія сіи имѣють необычайность имѣ однимъ свойственную: мы въ первый разъ слышимъ въ нихъ какъ говоритъ сумасбродный.

Вѣрить ли, что самъ Тассъ дѣйствительно въ разныя времена выражалъ различныя чувствованія свои, заключающіяся въ сихъ Бдѣніяхъ, какъ то неоспоримо доказываетъ сличеніе сей рукописи съ другими почною рукою его начертанными письменами; или полагать, что другой кто нибудь изобразилъ бредъ сего великаго человѣка, полными нещастіями обремененнаго, (какъ то многіе неимовѣрные люди полагають, думая проицать оное въ слогъ сихъ Бдѣній); но то однакожь извѣстно и вѣрно, что въ первый разъ издается въ свѣтъ языкъ человѣка, отъ унынія и нещастій поврежденнаго въ умѣ.

Итакъ съ того времени, какъ словесность Греческая, Латинская, Италіанская, и другихъ новѣйшихъ просвѣщенныхъ державъ, упражнялась въ описаніи всѣхъ нравственныхъ склонностей человѣческихъ, и утвердила съ точностію всѣ степени оныхъ, Италіанская словесность пріобрѣла себѣ новое достоинство, изобразивъ живыми красками самое нещастнѣйшее состояніе, въ какомъ человѣкъ находится можетъ, и пред-

оставя намъ онаго съ такимъ величіемъ души и съ такою силою сердца; то есть, съ удачнѣйшимъ выборомъ въ мысляхъ.

Не трудно предвидѣть, что въ краткое время сей родъ писанія найдетъ подражателей. Тогда-то *Бдѣнія Тассовы* прославятся по достоинству. Тогда конечно отдадутъ полную справедливость попеченію издателя въ обнародованіи сего творенія.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Отъ переводившаго на Руской языкъ.

Вообще Италіянскія сочиненія мало намъ извѣстны: естли и имѣемъ мы нѣкоторые переводы, то оныя сдѣланы почти всѣ съ Французскихъ переводовъ. Знаменитѣйшіе стихотворцы ихъ, таковые, какъ Аріостъ и Торкватъ Тассъ, или по ихъ окончанію, Аріосто и Торквато Тассо, не столько извѣстны намъ какъ Расинъ и Волтеръ, потому что Италіянской языкъ у насъ несравненно меньше Французскаго употребителенъ. Издаваемая нынѣ мною *Тассовы Бѣгнія* (le veglie di Tasso) дѣйстви-тельно, какъ говоритъ Италіянской изда-тель, есть особаго рода твореніе, новое и небывалое въ словесности. Почти не лзя назвать онаго сочиненіемъ; ибо писав-шій ихъ кажется не сочинялъ, не думалъ, какъ обыкновенно при сочиненіи чего нибудь думаютъ; но безъ всякаго размышленія, или умственнаго соображенія, изливаль мысли

VIII

свои на бумагу, такъ какъ бы только записывалъ то, что онъ въ какую минуту чувствовалъ, или что ему тогда слышалось и казалось. По словамъ Италіянскаго издателя нѣкоторые сомнѣваются въ подлинной Тассу принадлежности сихъ Бдѣній, но мнѣ кажется легче было написать ихъ самому Тассу, волнуемому различными спраспиями, нежели другому такъ хорошо и правдоподобно подѣ чувствованія его поддѣлаться. Я перевелъ ихъ съ подлинника, желая тѣмъ услужить любителямъ словесности. Впрочемъ сохранилъ ли я достоинство оныхъ, и умѣлъ ли погрузить въ нихъ ту высокоумную горячку, томъ великолѣпный бредъ, и ту пріятную странность мыслей, какими преисполненъ подлинникъ, о томъ не мнѣ судить, но просвѣщенному читателю. Для лучшаго и подробнѣйшаго о Тассѣ и жизни его свѣденія, прежде нежели приступлю я къ изданію его Бдѣній, прилагаю при семъ два перевода, одинъ съ *Историческихъ о немъ записокъ* Италіянскаго издателя Г-на *Компаніони*, а другой съ *Изслѣдованія о Тассѣ*, сочиненнаго Французскимъ переводчикомъ Бдѣній Г-мъ *Бареромъ*.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

о

ТОРКВАТЪ ТАССЪ,

*Сочиненныя Италіянскимъ издателемъ для
лучшаго разумѣнія Тассовыхъ бдѣній.*

Торквашъ Тассъ, уроженецъ Бергамскій, родился въ Сорентѣ 1544 году. Отецъ его, Бернардъ Тассъ, былъ дворянинъ и любитель словесности.

Повѣствуютъ чудесныя вещи о младенчествѣ Торквашовомъ. Сказываютъ, что онъ будучи шестимѣсячнымъ робенкомъ говорилъ уже по латынѣ. Много подобныхъ басенъ читаемъ мы въ жизняхъ великихъ людей.

Но то съ достовѣрностію извѣстно, что онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ началъ учиться, сперва въ Римѣ подъ руководствомъ

Морица Катанео, которому препорученъ онъ былъ на десятомъ году своего возраста; попомъ въ Падуѣ, куда весьма еще юнаго взялъ его съ собою *Сциліонъ Гонзаго*. Имѣя не болѣе семнаццапи лѣтъ отъ рожденія, Тассъ, по обыкновенію тогдашняго времени, съ великимъ успѣхомъ защищалъ философическія и богословскія положенія, такожь права гражданскія и духовныя.

Однакожь спихотворство предпочипалъ онъ всѣмъ симъ скучнымъ наукамъ. Ни что не доказываешь сего лучше, какъ поэма его *Ринальдъ*, которую сочинилъ онъ въ сіе время, и посвящилъ *Эстскому Кардиналу*. Сія Поэма прославила его между Италіянскими писателями, которые изъ сего перваго опыта заключали, какихъ великихъ успѣховъ ожидать отъ него должно. Нѣкоторые изъ нихъ пригласили его ѣхать въ Болонію. Онъ не долго тамъ былъ и возвратился въ Падуу. Здѣсь-то приступилъ онъ къ первому изложенію великой своей Поэмы, которая въ послѣдствіи долженствовала содѣлать имя его полъ громкимъ. Слава, какою наслаждался тогда *Аріостъ*, была сильною пружиною, побуждавшею его къ трудамъ. Говорить будто оказывалъ онъ нѣкое неуваженіе къ сему великому спихотворцу *),

*) Мы лучше можемъ судить о мнѣніи, какое Тассъ имѣлъ объ *Аріостѣ*, изъ собственныхъ словъ его, сказанныхъ въ XIX и XXV бѣніи. Примѣч. переводчика.

и что напрошивъ весьма высоко цѣнили умъ *Камюенсовъ*. Еслии это такъ, то можешь было сіе по двумъ причинамъ, первое по строгому его суду о правилахъ эпического стихотворенія, а второе по соперничеству, которое рѣдко позволяешь быть справедливымъ.

Кардиналъ Эстскій призывалъ его въ *Феррару*, блиставшую тогда великолѣпіемъ. Городъ сей былъ обителію просвѣщенныхъ, благовоспитанныхъ обою пола княжескихъ лицъ, и славныхъ мужей во всѣхъ родахъ наукъ, словесности и художествъ. Тассъ принявъ былъ съ великою честію и щедрію.

Вскорѣ послѣ того *Кардиналъ Эстскій* прибылъ во Францію въ качествѣ посла отъ Папы Григорія XIII. Онъ взялъ съ собою Тасса, которому сдѣланъ былъ самый лестный пріемъ отъ ученыхъ, давно уже о великомъ достоинствѣ его предваренныхъ. *Карль IX* оказалъ къ нему ошличное уваженіе: государь сей объявля, что онъ не приметъ ни чьей прозбы о пощадѣ нѣкоего знаменитаго Французскаго стихотворца впадшаго въ пресупленіе и осужденнаго на смерть, перемѣнилъ намѣреніе свое по ходатайству о немъ Тассову. Средство употребленное симъ послѣднимъ для убѣжденія короля, было весьма странное: государь,

сказалъ онъ ему, я прошу васъ безъ всякаго помилованія казнить несчастнаго, которой постыднымъ преступленіемъ своимъ показалъ ясно, что слабость теловѣтская насмѣхается надъ наукою любомудрія.

Въ сіе время языкъ Италіянскій былъ въ великомъ употребленіи при дворѣ Францускомъ, и словолубители Францускіе чувствовали всѣ красоты Италіянскихъ писателей. Сему распространенію языка нашего много способствовали двѣ жены изъ дома *Медицисъ*, бракосочетавшіяся съ двумя королями Францускими. Когда попомъ въ царствующій домъ спали поступать Гишпанскія или Австрійскія жены, тогда Французы рѣдко насъ понимали.

Тассъ оставилъ въ Парижѣ имя до нынѣ еще почтенное. Трудно увѣришь что онъ въ то время дѣйствительно предвидѣлъ великую совершившуюся нынѣ революцію. Однакожъ онъ точно предсказалъ о ней; всякъ можешь это увидѣть, кто прочитаетъ *Завоеванной Іерусалимъ* (*Gerusalemme conquistata*).

Тассъ не прежде какъ ужѣ по возвращеніи изъ Франціи написалъ *Аминту* свою, родъ стихотворенія, въ которомъ послѣ одинъ только *Гварини* могъ состязаться съ нимъ о пальмовой вѣтви. Сіе пастушеское стихотвореніе было въ такой чести, что Герцогиня *Урбинская* просила *Алфонза II*,

прислать къ ней списокъ съ онаго , и самъ Тассъ поднесъ ей оный въ *Пезарѣ*. Веселости сего двора не препящствовали Тассу продолжашъ свою поэму. Онъ многія пѣсни читалъ сей княгинѣ, кошорая удобна была судить объ оныхъ.

Тассъ окончилъ трудъ свой въ 1575 году, и посвяшилъ оный *Алфонзу*. Государь сей былъ вкупѣ совѣшникомъ его и главнымъ покровителемъ, безпрестанно поощрявшимъ его къ трудамъ ; ибо какъ Тассъ не былъ никогда искусенъ въ воинской наукѣ, то князь сей, служившій во Франціи при *Генрихѣ II* съ великимъ успѣхомъ прошивъ *Карла V*, сообщалъ ему всѣ нужныя для Поэмы его свѣденія.

Прежде изданія въ свѣтъ сего великаго шворенія , Тассъ хошѣлъ подвергнушь оное суду знаменитѣйшихъ своего времени людей. Онъ послалъ списокъ съ онаго къ *Сципіону Гонзагу*, князю сохранявшему къ Тассу прежнюю свою дружбу, и заступавшему тогда знаменитое мѣсто въ Римѣ. *Сципіонъ Гонзаго* созвалъ къ себѣ всѣхъ славившихся въ Римѣ мужей, дабы прочиташъ и разсмотрѣшъ Тассову Поэму, записывая всѣ примѣчанія, какія будутъ сдѣланы. Тассъ нѣкопорыми изъ нихъ воспользовался, другія же оставилъ безъ уваженія, не потому чшобъ онъ не любилъ свободныхъ сужденій,

ибо ни мало не оскорбясь шѣмъ, искалъ новыхъ судей по всей Италіи.

Между шѣмъ какъ онъ симъ занимался, Герцогъ препоручилъ ему продолжашъ исторію *Этскихъ* Князей, начиная отъ *Пинія*. Сіе было началомъ мрачной его задумчивости, въ кошорую ппалъ онъ, и кошорая пошомъ отъ извѣстныхъ причинъ, о коихъ мы шеіперъ же увѣдомимъ, весьма усилилась.

Сія новая предпріяшая имъ работа преплшсшвовала ему продолжашъ исправленіе своей поэмы, единсшвенной вещи, лежавшей у него на сердцѣ; но болѣзнь его возоблала имъ сперва по случаю, что поэму его украдкою издали въ свѣтъ по невѣрнымъ спискамъ; сіе показалось ему посшупкомъ, учиненнымъ къ запмѣнію его славы. Пошомъ лишился онъ ошца своего, кошорого любилъ съ великою горячностію. Зависшъ сшхосшворцевъ произвела многихъ явныхъ и шайныхъ ему непріяшелей, такъ что онъ прешерпѣлъ все то, что ненависшъ и зложелашельсшво удобны изобрѣсшъ во вредъ шому, кто углубясь въ миролюбивыя свои науки знаешъ шолько, что однимъ совершенсшвомъ искусшва можетъ онъ снискашъ желаемую славу, впрочемъ не вѣдаешъ и презираешъ подлыя происки и наглыя козни, гнусныя пособія надменной посредсшвенности.

Но всѣ сія огорченія, доспапочныя сами собою повредили умъ челоѡка, сложенія нѣжнаго, чувствительнаго, и копорой не столько воображеніемъ своимъ, сколько воображеніе имъ управляетъ, получили отъ нѣкопорыхъ несчастныхъ приключеній еще новую силу.

Молодой челоѡкъ въ почпении удвора, гдѣ онъ жилъ съ давняго времени, пылкій и поспоянно прилѣпленный къ наукамъ, привыкшій по роду упражненія своего къ высокимъ и славнымъ мыслямъ, онъ не умѣлъ преждевременно зашпишить сердца своего отъ любви, вдругъ при самомъ рожденіи ея возраспшей, и попомъ поспепенно еще болѣе усилившейся. Наконецъ въ крайнемъ безпокойствѣ почувспвовалъ онъ, сколько высокъ и опасенъ предметъ спраспи его, и сколько обманчивы были для него первые виды. Онъ влюбился, какъ кажется, въ сестру Герцогову; а всего опаснѣе по видимому было то, что онъ сію важную пайну открылъ другу своему, копорой не умѣлъ ее сохранить. Отсюда произошла между ими ссора и поединокъ. Братья нескромнаго друга, прошивъ всѣхъ правилъ чести, напали на Тасса, за что всѣ были сосланы. Герцогъ опасаясь, что злора и месть сильнаго семейства не были пагубны для

Ча с ш ь Х.

2

Тасса, заключилъ его въ шемницу, и держалъ долгое время.

Не вѣрили тогда, и нынѣ конечно вѣришь не можно, чѣмъ долговременному заоченію Тассову было причиною охраненіе его отъ угрожавшихъ ему опасностей; ибо разсуждая съ одной стороны о молвѣ, къ какой приключеніе сіе подало поводъ при дворѣ, а съ другой видя великія похвалы, кошорыя Тассъ во многихъ стихахъ дѣлалъ нѣкопорою *Елеонорѣ*, и знаки благосклонности оказываемые сею принцессою стихотворцу, можно легко подумашъ, что Герцогъ подъ предлогомъ шокмо избавленія Тасса отъ возникшей прошивъ него вражды посадилъ его въ шемницу; но чѣмъ въ самомъ дѣлѣ шайная и сильнѣйшая причина побудила его къ шаковому поступку.

Всѣ писавшіе о приключеніяхъ въ жизни Тассовой кажутся чрезъ цѣлые два вѣка повторяющъ клеветы придворныхъ, сомнѣваясь въ дѣлахъ, о кошорыхъ они говорили, какъ о государственныхъ шайнахъ. Нѣкоторые изъ нихъ полагающъ, что это была Графиня *Скандиньяно*, женщина любезная, изъ Княжескаго рода при дворѣ *Феррарскомъ*, опличная прелестями своими, острошою ума и пріятноштію обращенія. Другіе думаютъ, что сія *Елеонора*, любимая Тассомъ, была шпалсь-дама принцессина,

ушверждався въ шомъ на нѣкопрыхъ его стихахъ, въ копрыхъ онъ говоритъ, что успрема любовь свою къ весьма высокому предмету, онъ съ лучшею надеждою обрашися пошомъ къ женщинѣ ближайшаго съ нимъ сосоянїя. Въ самомъ дѣлѣ мы находимъ въ бдѣнїяхъ его *Елеонору*, шпашсь-даму принцессину. Однакожъ она шамъ не иное что, какъ вводное лице.

На что же сполько труда сокрышь дѣло само по себѣ ясное! конечно ужѣ Герцога ни для шпашсь-дамы, ни для графини *Скандиньяно*, нижѣ для другой какой инорвнкой съ нимъ женщины, не поступилъ бы шакъ жестокосердо съ чловѣкомъ, котораго онъ любилъ.

Легче вообразить, нежели описать унынїе души Тассовой, и попрясенїе ума его опъ шолїкихъ скопившихся на главу его золь. Всѣ шѣлесныя силы и душевныя способности его пришли въ совершенное разспройство. Онъ ни о чемъ не помышлялъ больше, какъ шокмо о средспвахъ избавишься опъ сего нещасшнаго сосоянїя, въ шоромъ онъ испаявалъ.

Щаспливый случай предспавилъ ему способъ уйши. Онъ долго скишался никому неизвѣшенъ; напослѣдокъ пришелъ въ Туринъ, гдѣ познанъ былъ *Филиппомъ Эстскимъ*, издавшимъ его въ *Феррарѣ*. Сей добро-

*

душный Князь представилъ его Герцогу Савойскому. Живучи во дворцѣ, увѣренный въ благоволеніи Герцога, почитаемый всѣми знаменитѣйшими въ городѣ людьми, могъ бы онъ вести жизнь спокойную. Но онъ всегда мучимъ былъ страхомъ, чтобъ Герцогъ *Феррарскій* не потребовалъ его выдачи. Онъ не смѣлъ полагаться на вѣру новаго своего покровителя, испытавъ жестокимъ образомъ вѣру Герцога *Феррарскаго*, которой также былъ его покровителемъ. Онъ уѣхалъ тайно изъ Пиемонта, и направилъ путь свой къ Риму. Римъ одинъ казался ему безопаснымъ убѣжищемъ.

Тамъ Кардиналъ *Альбани* принялъ его весьма благосклонно. Онъ увидѣлся съ *Морицемъ Катанео*, первымъ своимъ наставникомъ, которой былъ ему родственникъ и другъ. Всѣ знаменитѣйшіе господа, и ученѣйшіе мужи, оказывали ему всякаго рода ласки и уваженія. Народъ самый изъяслялъ ему торжественныя почести, и сбѣгался толпами видѣть человека пріобрѣтшаго себѣ широкое имя и славу.

Но Тассъ не могъ болѣе обладать воображеніемъ своимъ. Римъ не удовольствовалъ его; онъ уступилъ силѣ желанія своего идти въ *Сорренту*, чтобъ взглянуть на родину свою и повидаться съ сестрою. Образъ, въ какомъ онъ представился ей, показы-

наешь, что голова его была повреждена. Переодѣвшись такъ чѣмъ его не узнали, онъ предсталъ передъ нею въ видѣ человѣка, принесшаго къ ней письмо отъ ея брата. Въ письмѣ семъ написано было, что онъ находится въ крайней опасности лишиться жизни, если она не найдетъ ему сильного защитника. Сестра его, утраченная симъ извѣстіемъ, стала спрашивать о подробностяхъ сего приключенія. Тассъ описалъ ей оныя такими живыми красками, что *Корнелія*, сестра его, упала въ обморокъ. Онъ бросился тотчасъ помогать ей, и потомъ просилъ извиненія въ приключеніи ей такой печали, говоря что онъ это сдѣлалъ для испытанія дружбы ея, опасаясь вездѣ находить враговъ и предателей.

Но уединеніе *Сорренты* не сходствовало съ нравственнымъ расположеніемъ Тасса. Каждый день раны сердца его расправлялись, поелику сугубая спрасъ любви и славы въ немъ владычествовала. Онъ помышлялъ токмо о *Феррарѣ*, вспоминая больше о благѣ, какимъ наслаждался въ семъ городѣ, нежели о злѣ, какое претерпѣлъ въ ономъ. Онъ написалъ письмо къ Герцогу и къ Принцессѣ. Просилъ также о ходатайствѣ за него Герцогиню *Урбинскую* сестру Герцогову; но ни отъ кого не получилъ отвѣта.

Онъ въ отчаяніи оставилъ *Сорренту* и домъ сестры своей, и не взирая ни на какія опасности отправился въ *Феррару*. Друзья его въ Римѣ старались отвратить его отъ сего неблагоприятнаго поступка. Ничто не могло переменить его намѣренія. Тогда обратили они вниманіе свое на то, чѣмъ доставить ему хорошій пріемъ, и привести его въ безопасность отъ всякаго несчастнаго приключенія. Въ самомъ дѣлѣ *Алфонсъ* принялъ его милосивно, и возвращалъ ему прежнее мѣсто его при себѣ; но почитая въ немъ человека болѣе умомъ нежели тѣломъ спраждущаго, не хотѣлъ отдавать ему рукописныхъ сочиненій его, копорыхъ онъ не преспавалъ пребывать. Оныя по отпѣздѣ его изъ *Феррары* сохраняемы были съ великою строгостію. Увѣрили Герцога, что Тассъ неспособенъ больше поправлять сочиненій своихъ, копорыхъ онъ для сего самаго пребывалъ, и что онъ скорѣе испортилъ ихъ, нежели исправилъ. Тщешно Тассъ вопіялъ на сію несправедливость, и жаловался въ письмахъ своихъ Герцогинѣ *Урбинской*. Раздраженный и доведенный до отчаянія сими препяшствіями, вторично уѣхалъ онъ изъ *Феррары*, ища по всей Италіи Князя, копорой бы предшательствовалъ за него у *Алфонза*. Надежда его была суешна.

Онъ нашель въ *Мафе Веніеро*, Венеціанскомъ дворянинѣ, хорошаго себѣ друга, копорой пекся о немъ, и снискаль ему доброхотство Герцога *Флорентинскаго*. Онъ могъ бы удалишся въ сей городъ, жить тамъ спокойно, и пользоваться всѣми уваженіями и пособіями, копорыя всякъ въ несчастномъ состояніи его не опрেকся бы ему оказывать. *Веніеро* не скрыль ошъ Герцога *Медицисъ* обладавшихъ Тассомъ безпокойствъ и поврежденія головы его; но онъ не упустиль также внушить ему, что тѣ клеветушъ на него, копорыя ушверждають, будшо спихотворческій умъ его ослабъ.

Тассъ ожидаль ошвѣща ошъ Герцога *Медицисъ*, и былъ ужё у Герцога *Урбинскаго*, на копорого полагаль послѣднюю свою надежду. Онъ не обманулся въ томъ: сей Князь поступалъ съ нимъ такъ благопріятно, что онъ выздоровѣль, и голова его въ краткое время совсѣмъ исправилась.

Не знаютъ точно, какія внезапныя обстоятельствова снова привели его въ разстройство. Извѣстно только, что онъ взяль подозрѣніе на Герцога *Урбинскаго*, и уѣхаль опять въ *Піемонтъ*.

Въ *Туринѣ* нашель онъ въ *Филиппѣ Эстскомъ* и супругѣ его *Маріи Савойской* шужъ благопріятность къ себѣ, какую видѣль прежде. Ешъли бы возмогъ онъ спокойно

наслаждався нарочитымъ имуществомъ, то Князь сей конечно предложилъ бы ему оное, и Тассъ былъ бы щасливъ. Кардиналъ *Альбани* писалъ къ нему въ сіе время письмо, въ которомъ напоминалъ ему о всѣхъ его неосновательныхъ поступкахъ и пустыхъ спрахахъ. Онъ подавалъ ему благіе совѣты и опыты разумной дружбы. Сіе письмо имѣло великой успѣхъ: Тассъ успокоился, и обратился къ обыкновеннымъ своимъ упражненіямъ. Онъ сдѣлалъ многія сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ, изъ коихъ главные два разговора о *благородствѣ* и *достоинствѣ*. Сіе сочиненіе доказываетъ, что умъ его не былъ поврежденъ, какъ шолько повременно.

Но память о потерѣ рукописныхъ его сочиненій не выходила у него изъ ума. Думать должно, что любовь такъ же глубоко въ сердцѣ его была вкоренена: сіе понудило его снова ѣхать въ *Феррару*.

Филиппъ Эстскій старался отвратить его отъ онаго, но по щепетномъ уговариваніи хотѣлъ по крайней мѣрѣ исходатайствовать ему у Герцога *Альфонза* позволеніе явиться при его дворѣ, которое и получилъ съ условіемъ, чтобы ему было тамъ, какъ простому жителю, и шолько пещися о поправленіи своего здравія.

Тассъ прибылъ въ *Феррару* въ то самое время, когда праздновали бракосочетаніе Герцога съ *Маргаритою Гонзаго*. Онъ думалъ испросить уединенное свиданіе съ симъ Княземъ, и по прежнему имѣвъ входъ къ Княжнамъ; но времена перемѣнились: онъ не былъ допущенъ; самые градоправители и придворные чиновники не лучше обходились съ нимъ, какъ и самъ Князь. Не сомнѣваясь болѣе въ своей опалѣ у двора, видя себя оставленного старыми друзьями своими, и преданного больше нежели когда нибудь непримиримымъ своимъ врагамъ, раздраженный, вышедшій изъ себя, онъ неушерпѣлъ однажды сказать о Герцогѣ и о дворѣ его все то, что расперзанное сердце его и воспаленная голова ему повелѣли. Слова сіи ушами завѣспи и клеветы пересказанныя Герцогу съ прибавленіями ядовитѣйшихъ подробностей, подвигли его на такой гнѣвъ, что онъ велѣлъ Тасса, какъ безумнаго, запереть въ больницу *Святыя Анны*, беречь его ламъ и строго за нимъ смотрѣть.

Сіе происшествіе не уمدлило увеличить успѣхи болѣзни, которая была плодъ разгорченного воображенія, безпрестаннаго глубокумствованія, и постояннаго отказа въ возвращеніи ему рукописей его; болѣзни, умножившейся отъ его любви, и которая,

при совершенномъ его опъ всѣхъ людей оспавленіи, сдѣлалась неизлѣчимою.

Когда онъ такимъ образомъ опъ всего свѣта опчужденъ и въ шоль печальное состояніе вверженъ былъ, враги его сочли, что обстоятельствва сіи благопріятствующъ имъ опияшъ у него то, чего ни власшъ Герцогова, ни хипросши придворныхъ не могли у него похипишъ; то естъ безсмерпную славу, какую поэма его принесть ему долженствовала. Тогда - то Академія *Дела-Круска* побуждена была издашъ сужденіе и шоль свой на поэму *Освобожденный Іерусалимъ*. Не извѣстно усердіе ли нѣкоторыхъ друзей, или ненавистъ непріятелей Тассовыхъ, доставила ему сіе *соллетеніе Флорентинское*, прошивъ котораго однакожъ многие любители словесности въ защиту его возспали. Самъ онъ защищаль дѣло свое съ такимъ здравымъ судомъ, что кажешся по образу сего писанія и разсужденій его невѣрояшно, чтобъ можно было счешъ его поврежденнымъ въ умъ и посадить въ домъ сумасшедшихъ.

Тассъ писалъ къ Папѣ *Григорію XIII* и къ Императору *Рудольфу*, жалуясь на жестокіе съ нимъ поступки. Всѣ Италіянскіе Князья вступились за него, и просили Герцога о дарованіи ему свободы. Герцогъ былъ неумолимъ. Однакожъ *Винцентъ Гонзаго* не

ошсшупными прозьбами своими исходапай-
сшвоваль позволеніе взяшь его съ собою
въ *Мантуу*.

Но воздухъ сей спраны былъ вреденъ
Тассу. Болѣзнь его возобновилась, и пользо-
ванія ему не помогали: онъ выпросился
ѣхать въ *Бергамъ*, гдѣ опъ родсшвенниковъ
и пріятелей своихъ былъ съ радостію при-
нятъ. Здѣсь-то окончилъ онъ шрагедію свою
Торрисмонду, которую началъ въ первую
бышность свою въ *Феррарѣ*, и которую
въ знакъ благодарности посвящилъ *Винцен-
ту Гонзаго*.

Между тѣмъ наскучили ему переѣзды
изъ мѣста въ мѣсто. Онъ любилъ незави-
симость, чувсшво есшесшвенное и нужное
человѣку упражняющемуся въ словесности.
Онъ опправился попомъ въ *Неаполитанское*
королевство, и думаль спокойно жишь въ
Монте Оливетто. Тамъ имѣль онъ единсш-
венное попеченіе о поправленіи своего здра-
вія. Умоошсшсшвіе его время опъ времени
къ нему приходило и было шакъ сильно,
что онъ, подобно *Сократу*, думаль бесѣдо-
вашъ съ духами и разговариваль иногда съ
ними о самыхъ глубокомысленныхъ вещахъ.
Другъ его *Мансо*, написавшій жизнь его, по-
вѣсшвуешъ, что однажды, какъ онъ смѣялся
надъ его видѣніями, Тассъ обѣщаль ему по-
казашъ духа. Онъ началъ съ великимъ красно-

рѣчіемъ говорить о такихъ высокихъ предметахъ, что *Мансо* не смѣлъ его прервать. По окончаніи рѣчи своей *Тассъ* спросилъ у него: еще ли онъ сомнѣвается о бытіи духовъ? На что *Мансо* отвѣчалъ: больше нежели когда нибудь, потому что онъ слышалъ удивительной красоты рѣчь, но что со всѣмъ не слышалъ духа, котораго онъ ему показать хотѣлъ.

Наконецъ укоренившееся въ *Тассѣ* безпокойство не позволило ему долго наслаждаться пріятною жизнію въ *Монте-Оливетто*. Онъ поѣхалъ опять въ Римъ, гдѣ *Сикстъ V*, мало благосклонный къ стихотворцамъ, принялъ однакожь его съ оплочною честію. Сіе самое побудило *Тассу* прославлять въ стихахъ и въ прозѣ великолѣпіе сего Папы.

Тассъ нашелъ въ Римѣ Герцога *Флорентинскаго*, съ которымъ онъ имѣлъ личное знакомство, когда Князь сей былъ Кардиналомъ. Герцогъ приглашалъ его поселиться у него въ *Тосканѣ*, и чтобы лучше въ томъ успѣть, просилъ Папу присовѣтовать оное *Тассу*.

Тассъ поѣхалъ, но пребываніе его во *Флоренціи* было весьма кратко; ибо худые *Феррарскаго* двора съ нимъ поступки безпрестанно ему напоминались. Онъ отправился въ *Неаполь*, поселился въ домѣ у *Манса*, которой поступалъ съ нимъ такъ дру-

желюбно, что припадки глубокой задумчивости его истребились. Тамъ-то прудился онъ надъ перемѣнами и поправками великой поэмы своей, обращая въ пользу оной всѣ сдѣланныя о ней сужденія. И какъ вмѣсто прежняго заглавія ея *Годфридъ* (*Gofreddo*) называлъ онъ ее *Освобожденный Іерусалимъ* (*Gerusalemme liberata*), шакъ потомъ и сіе названіе перемѣнилъ въ *Завоеванный Іерусалимъ* (*Gerusalemme conquistata*). Но высокій умъ имѣешь нѣчто свое собственное, и не можешь покаряться всѣмъ тѣмъ правиламъ, какія холодными грамашиками предписываются. Сего ради *Завоеванный Іерусалимъ* не могъ заступитъ мѣсто прежняго.

Тогда *Клементъ VIII* избранъ былъ въ Папы, и Кардиналъ *Свят. Георгія*, племянникъ его, любитель наукъ и словесности, созывалъ къ себѣ всѣхъ славныхъ талантами и дарованіями мужей въ Италіи. Кардиналъ сей зналъ нѣкогда Тасса. Онъ съ величайшими для него выгодами убѣждалъ его пріѣхать въ Римъ. Тассъ не могъ опказатьсь. Однакомъ онъ съ великимъ сожалѣніемъ оставилъ жилище, гдѣ съ такою пріятностію и пишиною провождалъ дни свои. Папа, племянникъ его, и весь Римскій дворъ, сдѣлали Тассу такой пріемъ, которой могъ всѣ потери его привести въ забвеніе.

Но скоро возникли при дворѣ такого

рода козни и навѣшны, копорыя могли возмушитъ доброе согласіе, господствовавшее въ семействѣ Папы, и какъ Тассъ былъ невиною тому причиною, то и рѣшился онъ уѣхать изъ Рима, подъ предлогомъ домашнихъ дѣлъ и пляжебъ, копорыя ему окончить надлежало.

Въ сіе-то время Кардиналь *Святаго Георгія*, опасаясь лишиться собесѣдованія Тассова, предложилъ дядѣ своему Папѣ Римскому увѣнчать въ *Капитоліи* Тасса, какъ увѣнчанъ былъ *Петраркѣ*. Сдѣлали всѣ приготовления къ сему знаменитому и рѣдкому торжеству, о копоромъ великіе погдашняго времени люди никогда не думали, чѣмъ оно могло до такой распочительности быть унижено, какъ нынѣ. Тассъ возвратился въ Римъ; но болѣзнь шихо изнурявшая жизнь его вдругъ оказалась, и онъ умеръ на канунѣ увѣнчанія своего, 23 Апрѣля 1595 году.

Такова была несчастная жизнь единого изъ величайшихъ умовъ, блиставшихъ въ Италіи и въ цѣломъ свѣтѣ. Таковы были несправедливыя гоненія, часто безчестящія родъ человѣческій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ТАССѢ, КАСАТЕЛЬНЫЯ ДО СЛОВЕСНОСТИ,

сочиненныя

Французскимъ переводчикомъ Бдѣній.

„Враги Тассовы сдѣлали изъ жизни его „цѣль несчастій.“ — (Волтеръ въ письмѣ къ Ж. Ж. Руссо, 30 Августа 1755).

Сочинитель прочтенныхъ нами *Историческихъ записокъ* увольняетъ меня входить въ подробности, нужныя для разумѣнія Бдѣній. Ипакъ я ограничусь здѣсь только нѣкоторыми изслѣдованіями, соотвѣствующими сему сочиненію, по есъ, опносительными къ правдоподобію любви Тассовой, къ причинамъ умоповрежденія его и къ существу золъ, копорые претерпѣлъ онъ отъ своихъ непріятелей.

Соперничество ли посредственныхъ вѣка его людей; или зависть, спрасъ обыкновенная придворныхъ; или чувствованія сердца его, успремившіяся къ особѣ весьма высокаго сана, были причиною долговременнаго започенія его въ шемницѣ, глубокой

задумчивости, расстройств ума, и беспокойной жизни; но по несомненной правде, что *Тассово* несчастіе было весьма продолжительное и нимало имъ не заслуженное. При всѣхъ сихъ обстоятельствевахъ, кто можетъ больше возбуждать къ себѣ любопытства и жалости, какъ не *Тассъ*?

Надлежитъ, прежде прочтенія сего сочиненія, сдѣлать себѣ понятія о свойствахъ, душѣ и спрассяхъ *Тассовыхъ*. Когда нибудь нѣкто искусный писатель, нѣкто глубокий наблюдатель, начертаешь признаки *естествосложенія* великихъ мужей и людей одаренныхъ высокимъ умомъ. Во ожиданіи, доколѣ появится шоль важное для бытописанія разума человѣческаго сочиненіе, я соберу здѣсь нѣкошорыя чершы, изображающія сего безсмертнаго спихопворца.

Рожденный въ спранѣ исполненной подземными огнями и подъ прекраснѣйшимъ небомъ, онъ получалъ отъ природы всѣ потребности къ приобрѣтенію славы дарованія, и чувствительность, почти всегда дѣлающую насъ злополучными.

Благородное происхожденіе его, и неслыханныя несчастія, претерпѣнные опцемъ его, сдѣлали, что молодой *Тассъ* очутился при дворѣ великолѣпномъ, гдѣ вскорѣ испыталъ онъ бури, колеблющія возникающую славу, и гоненія сильныхъ. О koliko

душа его свободолубивая и гордая долженствовала спрадась! Великій стихопворецъ долженъ былъ унижаяся играшь лице просишеля, и человекъ высокаго ума не могъ избѣгнушь превратносшей царедворца!

Тассѣ былъ спроенъ и высокъ ростомъ; въ черпахъ лица его сіяли красота и благородство; но онъ былъ нѣсколько неловокъ и не доспавало въ немъ пріятныхъ ухвашокъ.

Онъ говорилъ съ великимъ огнемъ и краснорѣчіемъ, но и съ шакою при томъ важностію, которая походила на педаншство. Онъ отъ природы заикался и эшо мѣшало ему свободно разговаривать.

Онъ былъ сложенія сухаго и гнѣвливаго, имѣлъ воображеніе пыльное, чувствительность чрезвычайную. Сильнѣйшія спрасши его были любовь и слава.

Онъ имѣлъ мрачный и задумчивый нравъ; душу спрасшоперпную, но щедрую и благодарную. Въ свойствахъ его было много необыкновеннаго. Въ любви пылокъ, нѣженъ, и успремляющъ всегда желанія свои на отличные предметы. Время погда было такое, что всѣ княжескихъ домовъ знаменитѣйшія и ученѣйшія во всей Италіи женщины ободряли науки и словесность; погда стихопворцы, шаковые какъ *Аріостъ*, *Бембо*, *Тассѣ* и другіе, каждый сочиненія свои посвящаль своей красавицѣ. Время сіе блиспашельное

Ч а с т ь X.

3

и сказочное было нѣкоторымъ родомъ рыцарства въ стихотворствѣ и словесности.

Тассъ, еще въ дѣтствѣ своемъ, удивилъ Италію успѣхами своими въ языкахъ; онъ съ неупомимымъ поспоянствомъ прилѣжалъ къ наукамъ. Спавъ на осьмнадцатомъ году сочинилъ поэмъ, называемой *Ринальдъ* *), онъ принявъ былъ при дворѣ *Феррарскомъ* (можетъ быть слишкомъ ласково для сердечнаго спокойствія сердца его) двумя принцессами *Лукреціею* и *Елеонорою Эстскими*. . . . Во многихъ сочиненіяхъ его видно, что онъ имѣлъ сердце чрезвычайно чувствительное и душу весьма страстную. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ выражаетъ онъ нѣжныя чувствованія къ красотѣ, не смѣя назвать оную. Въ одномъ сонетѣ даетъ онъ имя *Елеоноры* той, кошую тайно любитъ; и по сему-то случаю подозрѣніе упадаетъ на *Елеонору Эстскую* **).

*) Напечатанной въ Венеціи въ 1562 году, по старанію и покровительству Кардинала *Людвика Эстскаго*, брата *Альфонза*, Герцога Феррарскаго.

**) Между тѣмъ *Тассъ* о сей самой принцессѣ сказалъ сіи два стиха:

..... Da vagheggiatori ella s'invola
Alle lodi, agli sguardi, inculta e sola.

то есть:

„Отъ похвалъ любовниковъ, отъ взглядовъ, она удаляется, безстрастна и всегда уединенна.

Новое обстоятельство подкрѣпило сіе подозрѣніе; онъ сочинилъ другой сонетъ, въ кошоромъ уподоблялъ себя *Икару* и *Фаетонту*, погибшимъ яко жертвы дерзновеннаго честолюбія. „Но, присовокупляешь спихотворецъ, какая оласность можетъ устрашить ободряемаго любовію? *Діана*, пылающая къ смертному, не вознесла ли на небо молодого пастуха горы *Иды*?“

Италіянскіе бытописатели и повѣствователи о жизняхъ великихъ людей всема разногласны въ томъ, что была подлинная любимая *Тассовъ* особа *). Одни оприцають, чтобъ то была Герцогиня *Урбинская*, сестра Герцога *Феррарскаго*; другіе спорятъ, что

*) *Елеонора* и *Лукреція*, сестра Герцога *Феррарскаго*, бывшая попомъ Герцогиня *Урбинская*, обѣ весьма умныя и столько же любезныя сколько прекрасныя женщины, совокупно покровительствовали молодого спихотворца, ващающая его отъ зависти придворныхъ и отъ соперниковъ, соспизавшихъ съ нимъ въ почестяхъ и славѣ. Но чтобъ кошорая изъ нихъ была влюблена въ него, или онъ къ нее, таковое мнѣніе нѣкошорые описатели жизни его во вся опровергаютъ. По сіе время почивающа эта басня, трудами *Аббаша Серасси* въ сочиненной имъ поэмой и весьма подробной жизни *Тассовой* такъ оспоренною, что не оспаривается въ томъ никакого сомнѣнія. Есть однакожъ другія о семъ записки, присланныя къ *Ж. Б. Пикаю*. Безпрекословно же то, что злые люди, завистники и лукавцы, таковыя какъ *Мальдадо* или *Медальо Фресси*, Феррарецъ, мучили его съ немилосердымъ ожесточеніемъ. (Выписано изъ историческаго словаря).

принцесса *Елеонора*, женщина ошмѣнно благочестивая, спрогая во нравахъ и гордая, не могла быть шюю, кошорая очаровала сего несчастнаго стихошворца *). Иные думаютъ, что онъ былъ влюбленъ въ графиню *Скандіано*. Самое вѣрное шо, что ощущаемая *Тассомъ* спрасъ была сильнѣйшая, какая высокимъ и пылымъ умамъ обыкновенно бываетъ свойспвенна; нѣтъ также никакого сомнѣнія, что онъ любилъ женщину весьма высокаго роду при дворѣ *Феррарскомъ*. Я прилагаю здѣсь *лѣсню* или *оду*, кошорую *Тассъ* сочинилъ къ комнатной дѣвицѣ любимой имъ княжны. Въ сихъ стихахъ жалуется онъ на холодную гордость, на суровую несклонность и на мученія, причиняемыя ему красошою ея. Сіе стихошворное сочиненіице мало извѣстно, и можешъ

*) Жанъ-Баптистъ Мирабо, непремѣнный секретарь Француской Академіи, въ жизни *Тассовой*, напечатанной имъ въ заглавіи перевода своего поэмы *Освобожденный Іерусалимъ*, не приѣмлетъ сомнѣнія нѣкоторыхъ Италіянскихъ писателей, и послѣдуетъ мнѣнію, что *Тассъ* былъ щастливой любовникъ *Елеоноры Эстской*, хотя не представляетъ никакихъ настоящихъ шому доводовъ, ни изъ стихошвореній его, ни изъ писемъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ *Тассъ* издавна имѣлъ весьма нѣжную привязанность къ одной придворной женщинѣ, называемой *Лукреціа Бендидіо*. Извѣстно, что *Тассъ* въ поэмѣ своей подъ именемъ *Софроніи* изобразилъ *Елеонору Эстскую*. Жизнь *Тассова*, сочиненная Аббатомъ Серасси, стр. 197.

бышь нѣсколько лишено пріятностей симъ
слишкомъ замысловатымъ слогомъ, и сими
умоизгнаніями (concetti), бывшими тогда въ
великомъ употребленіи. Въ тѣ времена лю-
били ихъ, и шворецъ *Освобожденнаго Іеруса-*
лима, не могъ конечно опъ нихъ избѣгнуть;
однакожъ *Буало* съ несправедливою весьма
строгостію обвиняетъ его за оныя въ семь
стихѣ своемъ, кошорой часшо приводяшъ
въ прошивурѣчіе шѣмъ, кои предпочитаютъ,
какъ онъ говоритъ, *мишуру Тассову всему*
золоту Виргиліеву :

Et le clinquant du Tasse à tout l'or de Virgile.

Вопъ ода сочиненная Торкватомъ Тас-
сомъ *) :

C A N Z O N E

A O L I M P I A

Cameriera d'onore leggiadra e vaga di *Eleonora*
Sanvitale, Contessa di Scandiano.

O colle Grazie eletta e con gli Amori,
Fanciulla avventurosa,
A servir colei che a Dea somiglia;
Poichè'l mio sguardo in lei mirar non osa

*) Сія пѣсенка находится въ книгѣ *Италіянскихъ стихо-*
швореній, изданной въ Лондонѣ 1802 года, подъ заглавіемъ:
Componimenti lirici de' più illustri poeti d'Italia, scelti da T. J.
Mathias, vol. primo, in Londra.

I raggi, e gli splendori,
 E'l bel seren degli occhi e delle ciglia,
 Nè l'alta meraviglia,
 Che ne discopre il lampeggiar del riso,
 Nè quanto ha di celeste il petto e'l volto;
 Io gli occhi a te rivolto,
 E nel tuo vezzosetto e lieto viso
 Dolcemente m'affiso.
 Bruna sei tu, ma bella,
 Qual Vergine viola, e del tuo vago
 Sembliante io si m'appago,
 Che non disdegno signoria d'ancella.

Mentre teco ragiono, e tu cortese
 Sguardi bassi e furtivi
 Volgi in me, del tuo cor mûte parole,
 Ah dove torci i lumi alteri e schivi?
 Da qual maestra apprese, e'n quai barbare scole?
 Così mostrar si suole
 La tua donna superba incontra Amore,
 E fulminar dagli occhi ira ed orgoglio;
 Ma tu del duro scoglio,
 Ch'a lei cinge ed inaspra il freddo core,
 Non hai forse il rigore:
 Non voler semplicità
 Dunque imitar della severa fronte
 L'ire veloci e pronte,
 Ma, s'ella ne sgomenta, or tu n'alletta.

Mesci co'dolci tuoi risi e co'vezzi
 Solo acerbetti adegni,
 Che le dolcezze lor faccian più care;
 Ned ella a te gli atti orgogliosi insegui,
 E i superbi disprezzi,
 Ma da te modi mansueti impare.
 Oh se tu puoi destare,
 Scaltra d'Amor ministra e messaggiera,

Fra tante voglie in lei crude e gelate
 Scintilla di pietate,
 Qual gloria avrai dovunque Amor impera!
 Tu voce hai lusinghiera
 E parole soavi,
 Tu i mesti tempi e lieti, e tu dei giochi
 Sai gli opportuni lochi,
 E tieni di quel petto ambe le chiavi.

So ch'ella affissa ai micidiali specchi,
 Suoi consiglier fedeli,
 Sovente i fregi suoi varia e rinnova,
 E qual empio guerrier, ch'arme crudeli
 A battaglia apparecchi,
 Le terge ad una ad una e ne fa prova,
 Tal ella affina e prova
 Di sua bellezza le saette e i dardi,
 Se siano acuti, e saldi; al cor non giunge
 Questo, ma leggier punge;
 Quest'altro, dice, uccide sì, ma tardi;
 Da questo uom, che si guardi.
 Può schermirsi e fuggire;
 E inevitabil questo; or tu, che intanto
 Il crin l'adorni e'l manto,
 Così le parla, e così placa l'ire.

O dell'armi d'Amor adorna e forte,
 Guerriera ribellante,
 Che lui medesimo, che t'armò, disfidi:
 Qual petto é di diaspro e di diamante
 Che di strazio e di morte
 Al balenar degli occhi tuoi s'affidi?
 Chi non sa, come uccidi?
 Ma chi sa come sani, e come avvive?
 Dell'armi tue sol le virtù dannose
 Son note, e l'altre ascose.
 Perchè di tant'onor te stessa privi?

Ah, luci belle e dive,
 Ah voi non v'accorgete
 Ch' a'vostri rai rinnovellar vi lice
 Un cor, quasi Fenice,
 E le piaghe saldar ch'aperte avete.

Or che tutti son vinti i più ritrosi,
 E i più alpestri e selvaggi,
 Scoprite altro valor in altri effetti,
 Dolci gli strai vibrare, e misti i raggi
 De'folgori amorosi
 Sian con tempre di gioje e de'diletti;
 Sani i piagati petti,
 E ne'cor per timor gelati e morti,
 Desti spirto di speme aure vitali.
 O fortunati mali!
 Diranno poscia; o liete e care morti!
 Nè più gli amanti accorti
 Temeran di ferita,
 Ma di morir per si mirabil piaghe
 Farà l'anime vaghe
 Un bel desio di rinnovar la vita.

Così le parla, e con faconda lingua
 Lusinga insieme e prega,
 Ch'alfin si volge ogni femmineo ingegno.
 Ma che rileva a me, sebben si piega?
 Cresca pure, ed estingua
 Gl'illustri amanti il suo superbo sdegno,
 Me nel mio stato indegno,
 L'umil fortuna mia sicuro rende.
 Vil capanna dal ciel non è percossa;
 Ma sovra Olimpo ed Ossa
 Tuona il gran Giove, e l'alte torri offende:
 Quinci ella esempio prende.
 Ma tu, mio caro oggetto,
 Non disdegnar che la tua fronte lieta

Del mio, desir sia meta,
E fa de' colpi tuoi segno il mio petto.

Vanne oculata, canzone,
Nata d'amore e di pietoso zelo,
A quella bella man, che con tant'arte
L'altrui chiome comparte,
Di, che t'asconda fra le mamme e'l velo
Dagli uomini e dal cielo.
Ah, per Dio, non ti mostri;
E se scoprir ti vuol, si scopra solo
All' amoroso stuolo,
Nè leggano i severi i detti nostri.

П Ъ С Н Я

К Ъ О Л И М П И И

Придворной комнатной дѣвицѣ, пріятной и
любезной, служащей при Елеонорѣ Санви-
таль, Графинѣ Скандіано *).

„О щасливая дѣвица, избранная вмѣ-
стѣ съ Прелесными и Лелями служишь шой
„которая подобна богинѣ; когда взоръ мой
„не смѣешь устремляться на блиспаніе

*) Переводя стихи сіи прозою, я общаю читателю сохра-
нить въ точности смыслъ оныхъ; чтожь касается до лег-
кости оборотовъ, до пріятности сладкозвучія стиховъ и
риемъ, до выражений особенно свойственныхъ Италіян-
скому языку, и до искусства пера Тассова: все сіе долженъ
онъ искать въ самомъ подлинникѣ. (Прим. Рускаго перев.).

„красотъ и на свѣшлые лучи прекрасныхъ
 „ея очей, ни на умильную и обворожающую
 „усть ея улыбку, ниже на все то, что
 „грудъ и лице ея имѣють въ себѣ небесна-
 „го; въ шакомъ случаѣ на тебя обращаю я
 „глаза мои, и на миленькое, и веселое личи-
 „ко твое съ удовольствіемъ смопрю. Ты
 „смугла, но прекрасна, какъ распусшившая-
 „ся недавно фіялка, и приманчивой видъ
 „твоей такъ мнѣ нравится, что я подъ го-
 „сподствомъ служанки быть не оприцаюсь.

„Когда я разговариваю съ тобою, и ты,
 „ласковая, пошупленные взоры свои, сердца
 „твоего нѣмая слова, украдкою на меня
 „бросаешь; ахъ! откуда же заимствуешь
 „ты гордые и суровые взгляды? Въ какомъ
 „жестокостомъ училищѣ переняла ты безчело-
 „вѣчные обычаи, и яко была твоя насшав-
 „ница? Таковою всегда является госпожа
 „твоя, презирающая любовь, и мещущая
 „изъ очей своихъ молніи гнѣва и гордоспи;
 „но ты не имѣешь можешь быть той пвер-
 „докаменной крѣпости, какою обведено
 „сердце ея хладное и недоступное; не же-
 „лай же, протосердечная, суроваго чела ея
 „скорому и всегда готовому подражать
 „гнѣву; но естли она устрашаетъ имъ,
 „ты прельщай.

„Мѣшай съ сладкими смѣхами и прелес-
 „стями одинъ только такой лукавой гнѣвъ,

„кошорой бы сладости ихъ дѣлалъ еще при-
 „яшнѣйшими; не ты у нее спрогнмъ обы-
 „чаямъ и поступкамъ гордымъ учись, но ее
 „нѣжноспи и мягкосердечію научи. О когда
 „бы могла ты, хитрая служительница и
 „посланица Лелина, въ шакомъ суровомъ и
 „хладномъ нравѣ возжечь хоть одну искру
 „жалоспи, какую бы нажила ты себѣ славу
 „во всемъ царствѣ любви! голосъ швой убѣ-
 „дигелень и слова швой сладки; ты знаешь,
 „когда она весела, когда скучна; умѣешь какъ
 „и гдѣ заводишь игры и смѣхи; ты дер-
 „жишь отъ груди ея оба ключа.

„Знаю, что смотрясь въ убійственныя
 „зеркала, вѣрные ея совѣтники, часто пе-
 „ремѣняешь и обновляешь она свои укра-
 „шенія; и какъ люшый воинъ, кошорый при-
 „готовляя грозныя къ брани оружія, чи-
 „спитъ ихъ одно по одному и примѣри-
 „ваетъ; такъ она изощряетъ и испытуетъ
 „красоты своей копья и стрѣлы, крѣпки ли
 „онѣ и остры: сія не достигнешъ до серд-
 „ца, но только легко поранишь; сія другая,
 „говоришь она, умершвишь, но не скоро;
 „отъ сей человекъ оспорожный можешь
 „уйти и спасшися; отъ этой ужѣ никакъ
 „не избѣгнешъ. Ты же упваряющая власы
 „ея и одежду, такъ говори ей, и такъ укро-
 „щай ея суровость:

„О преукрашенная оружіями любви силь-
 „ная и непобѣдимая воинспвенница, шому
 „самому, кшо вооружилъ тебѣ, не покоряю-
 „щаяся! какую грудь ясповую или адаман-
 „товую молнію очесъ швоихъ не раздробилъ?
 „Кшо не знаетъ, какъ шы убиваешь? Но
 „кшо знаетъ, какъ шы исцѣляешь и ожив-
 „ляешь? оружіемъ швоихъ шолько вредоносная
 „сила извѣстна, другая же сокрыта. По
 „чшо сама себя лишаешь шы такой чеспи?
 „Ахъ! очи прекрасныя, очи божешвенныя,
 „ахъ, вы шого не примѣчаете, чшо ваши-
 „ми жъ шолько согрѣтое лучами, сердце,
 „какъ Фениксъ, можетъ перерождаться и
 „данныя вами исцѣлять раны.

„Теперь, когда ужѣ всѣ самые упорные,
 „самые швердосердые и дикіе прошивники
 „побѣждены, являй по инымъ причинамъ
 „иную и храбросшь: кидай сладкія спрѣ-
 „лы, и да будущъ лучи любовныхъ перуновъ
 „укрощены смѣшеніемъ ихъ съ радостями
 „и ушѣхами. Исцѣли пронзенныя груди, и
 „въ сердца опъ спраха оледенѣлыя и мерш-
 „выя, вложи воскресшею надеждою духъ
 „жизни. О щасливое зло! спанушь гово-
 „ришь послѣ; о пріятная и драгоцѣнная
 „смершь! проникашетьные любовники не
 „будущъ больше бояться поражений, но
 „пріятное желаніе возобновишь жизнь про-

„изведешъ въ душахъ ихъ страшную охоту
„умирашъ отъ такихъ чудныхъ ранъ.

„Такъ говори и сладкорѣчивымъ язы-
„комъ ласкай вмѣстѣ и проси, зная, что
„всякъ женскій умъ перемѣчивъ. Но что
„мнѣ пользы, естли она и склонится?
„пусть гордый гнѣвъ ея расщепъ и уби-
„ваетъ знавшихъ любовниковъ: убогое ща-
„стіе въ моемъ низкомъ состояніи дѣ-
„лаетъ меня безопаснымъ. Небо не ме-
„щепъ молнію на шалаши; надъ Олимпомъ
„и Оссою гремитъ Юпиперь, и высокія
„сокрушаетъ башни. Она съ него беретъ
„примѣры. Но ты, моя любезная не сердись,
„что я на веселое личико твое люблю смо-
„трѣшь, и пусть грудь моя будетъ цѣль,
„въ которую ты смѣляешь.

„Слунай тайно, пѣсенка, рожденная
„любовію и умиленными чувствами, слухай
„въ тѣ прекрасныя руки, которыми съ та-
„кимъ искусствомъ власы другой убираютъ,
„скажи, чтобъ спряшала шебя между груди
„и полошномъ отъ людей и отъ небесъ.
„Ахъ! ради бога не показывайся; и ежели
„уже хочешь показаться, покажись однимъ
„любовникамъ, да не чашають сиротіе люди
„словъ нашихъ.“

Въ послѣднихъ строфахъ сей оды вид-
но уже, что голова *Тассова* была въ нѣко-
шоромъ разстройствѣ. Когда любовь и умъ

въ одно время владычествующъ, тогда дѣйствіе ихъ бываетъ весьма сильно. Какая голова, какъ бы она ни устроена была твердо, можешь долгое время противустояшь имъ, особливо когда чрезмѣрное углубленіе въ науку съ чрезвычайнымъ несчастіемъ совокупно потрясать ее будущъ.

Весьма любопытно, какъ для исторіи словесности, такъ и для исторіи сердца человѣческаго, примѣшшь, что съ сими двумя спрасьями ко славѣ и любви, соединены еще были продолжительныя огорченія отъ придворныхъ предашелей, вооружившихся противъ сего высокаго ума, также досада видѣшь у себя похищенными великую поэму свою и разныя драгоцѣнныя рукописи *), а наконецъ и всѣ душевныя и шѣлес-

*) Вотъ письмо Веніерова къ великому Князю Тосканскому, Франциску Медицисъ, писанное Іюля 12 дня 1578 года.

„Тассовъ умъ въ великомъ безпокойствѣ; но хотя и „говоряшь, будто голова у него повреждена, однакожъ „въ немъ видны больше слѣды печали нежели безумства. „Желанія его суть слѣдующія: главное, что ему хочется „быть въ службѣ Вашего Высочества, прося только о шаккомъ содержаніи, чтобъ ему было чѣмъ жить просто и „въ уединеніи. Второе, онъ желаетъ, чтобъ Феррарскій „Герцогъ возвратилъ ему поэму его, съ кошорой онъ не „оставилъ у себя списка. Онъ безпрестанно твердишь „объ эпикѣ двухъ вещахъ, и предаётся мечтамъ своихъ „воображеній. Сомнѣніе, что онъ не получитъ своего шворенія, много приключаетъ ему печали; однакожъ онъ „узнренъ, что можешь въ шри года сочинишь другое,

ныя злы, сопряженныя съ долговременнымъ започеніемъ и крайнимъ опчаяніемъ, до котораго онъ многожды доводимъ былъ.

Какимъ образомъ *Тассъ*, которой, какъ и всѣ славныя люди, чувствовалъ превосходство ума своего *), и больше собственнымъ воображеніемъ своимъ перзаемъ былъ, чѣмъ клеветами придворныхъ ласкашелей, могъ вопрошивишься совокупнымъ горестямъ несчастливой любви, похищенія *Освобожденнаго Іерусалима* своего, и започенія въ больницу Святыхъ Анны **)?

„еще лучшее; и я этому весьма вѣрю, потому что спихворный умъ его ни мало не поврежденъ. Онъ хотѣлъ ѣхать во Флоренцію, но я удержалъ его съ шѣмъ, чтобъ предваришельно васъ о томъ увѣдомишь, и чтобъ въ случаѣ принятія вами въ немъ участія, могъ я упѣшишь его однимъ изъ вашихъ писемъ. Все это дѣлаю я единшвенно ошъ искренняго сожалѣнія о семъ несчастномъ, которой естли бы не боролся съ бѣдспвіями, то можешь бышь не увлекался бы и воображеніями своими; пакже и для того, что я хотѣлъ бы видѣшь шрудъ и плоды сего превосходнаго ума, имѣющаго шоликое дошюинштво и славу.“ (спран. 265 въ жизни *Тассовой*, сочиненной Аббатомъ Серасси).

*) „Я весьма привязанъ (писалъ онъ къ его Преосвященству Панигаролу, Епископу Ашскому) къ новой моей поэмѣ (*Освобожденный Іерусалимъ*): „она вышла изъ моего ума; какъ Минерва изъ мозга Юпишера.“ (сочиненія *Тассовы*. Томъ 10, спран. 73).

**) Во всѣ времена безсловесіе, невѣжештво и бѣсновѣріе, будучи въ силѣ, почитали безумными людей одаренныхъ великимъ разумомъ. Галилей въ шемницѣ Инквизиціи въ Римѣ, Бамль изгнанный и ушедшій въ Голландію,

Тассѣ былъ смиренномудръ и глубоко-мысленъ. Придворныя пустоши и вѣспродумства, такъ мало сходствовавшія съ высо-

Вольеръ посаженный въ бастилію въ Парижѣ, Ж. Ж. Руссо по шайному повелѣнію (par des lettres de cachet) со-сланный и убѣгающій отъ гоненія духовныхъ и свѣшскихъ судилищъ, Рейналь обезчещенный Парламентомъ Парижскимъ, были въ вѣкъ свой, копорой они вознесли и прославили, почитаемы за безумныхъ. Тассѣ, осужденный природою бытъ славнымъ, долженствоваль шой же участи подвергнуться. Но сіи времена неправды и неблагодарности прошли, конечно; гонимые и гонители скрылись, и ничего въ памяти людей не оспазеся больше, какъ шолько сшѣдъ первыхъ и слава вшорыхъ. Высокія шворенія ума не боялся вѣковъ, подобно какъ высокія посреди Океана горы не боялся бурь. (Разсужденіе сочинителя) — Не лзя отрицать, чшобъ люди, одаренные великимъ разумомъ, не потерпѣли иногда несправедливыхъ гоненій отъ невѣжества или суевѣрія: Галилей и Тассѣ могутъ бытъ шому примѣрами. Но еще болѣе не лзя отрицать и шого, чшобъ люди, при великомъ разумѣ своемъ, не впадали въ заблужденіе и не упошребляли шаланша своего во зло. Разумъ, написанный правилами вѣры, предписующей чловѣку самонужнѣйшія для него добродѣтели, кротость, смиреніе и обузданіе шрасшей своихъ, конечно почтенъ, полезенъ и благошворенъ. Но разумъ возносивый, напыщенный гордостью, суемудрствующій по внушенію порочныхъ чувствъ, шѣмъ вреднѣе, чѣмъ больше одаренъ краснорѣчіемъ. По нещастію шакowychъ писателей было много. Высокія шворенія ихъ хошя и не боялся долговременности, но одно шолько здравое и доброе въ нихъ пошпили дшопочтенно; худое же, развшашное, соблазнительное, по справедливости было гонимо, всегда достойно презрѣнія, и даже зашмишъ и шу ихъ славу, которую бы они осшальнойю доброю частію шрудовъ своихъ приобрѣсть могли. (Примѣчаніе переводчика).

шою ума его; и уничижительныя должности царедворца, столь противныя гордости нрава и независимости души его, довели огорченіе его до такой степени, что неизвѣстность участи и безпокойство духа произвели нѣкое расстройство въ его воображеніи, которое наполнилось злобными ужасами и печальными подозрѣніями.

Запеченный по повелѣнію Герцога *Феррарскаго* въ монастырь Святаго Франциска, онъ уходитъ изъ онаго 20 Іюня 1577. По безплодномъ испытаніи разсѣять глубокую задумчивость свою въ *Неаполитанскомъ* прекрасномъ климатѣ и посреди своихъ родныхъ и друзей, желаніе возвратиться въ *Феррару* преодолѣло всѣ долженствовавшія опеклять отъ того сильныя причины.

Но какъ Герцогъ отказалъ ему въ возвращеніи рукописной его поэмы, и запретилъ входить въ покои къ Принцессамъ, то впалъ онъ въ великое опечаленіе и вшорично уѣхалъ тайно изъ *Феррары*.

Не зная въ какомъ мѣстѣ найти убѣжище, онъ прѣзжаетъ въ *Мантуу*, гдѣ за старинную службу отца своего надѣлся быть хорошо принятъ. Но умъ и несчастіе не имѣютъ друзей. *Тассѣ* при дворѣ Герцога *Мантуанскаго* не нашелъ ничего кромѣ сухости и презрѣнія. Онъ продалъ все, что имѣлъ у себя драгоцѣннаго, дабы добхать

Ч а с т ь X.

4

до области Герцога *Урбинскаго*, мужа *Лукреции Эстской*, одной изъ двухъ сестеръ Герцога *Феррарскаго*.

На сей разъ надежда не обманула *Тасса*: ласковой и великодушной приѣмъ Герцога *Урбинскаго* подкрѣпилъ ослабшій духъ и унылую душу безсмертнаго пѣвца *Годфридова*. Сія неожиданная встрѣча съ почестями и щастіемъ внушили въ него исполненную унынiя иносказательную пѣснь, которую мы съ переводомъ здѣсь прилагаемъ. Первые слова стихотворца изъясляютъ благодарность за убѣжище, найденное имъ въ княжествѣ *Урбинскомъ*, остальная же часть пѣсни относится къ личнымъ его несчастiямъ, и къ печальному или прiятному воспоминанiю о писателяхъ того времени.

CANZONE LUGUBRE DEL TASSO

SOPRA SE STESSO

Al Metauro, fiumicello del contado d'Urbino.

O del grand' Apennino
Figlio picciolo si, ma glorioso,
E di nome più chiaro assai che d'onde!
Fugace peregrino,
A queste tue cortesi amiche sponde
Per sicurezza vengo, e per riposo.
L'alta quercia che tu bagni e feconde

Con dolcissimi umori, (ond' ella spiega
 I rami si ch' i monti e i mari ingombra),
 Mi ricopra coll' ombra;
 L'ombra sacra, ospital, ch'altrui non nega
 Al suo fresco gentil riposo e sede,
 Entro al più denso mi raccoglie e chiuda:
 Si ch'io celato sia da quella cruda
 E cieca Dea, ch'è cieca e pur mi vede,
 (Bench'io da lei m'appiatti in monte o'n valle,
 E per solingo calle
 Notturmo io muova sconosciuto il piede);
 E mi saetta sì, che ne' miei mali
 Mostra tanti ochj aver quanto ella ha strali.

Ohime! dal dì che pria
 Trassi l'aure vitali, e i lumi apersi
 In quella luce a me non mai serena,
 Fui dell' ingiusta e ria
 Trastullo e segno; e di sua man soffersi
 Piaghe che longa età risalda appena.
 Sassel la gloriosa alma Sirena
 Appresso il cui sepolcro ebbi la cuna:
 Così avuto v'avessi o tomba, o fossa
 Alla prima percossa!
 Me dal sen della Madre 'empia Fort'una
 Pargoletto divelse: ah! di que' baci,
 Ch'ella bagnò di la grime dolenti,
 Con sospir mi rimembra, e degli ardenti
 Pregghi, che sen portar l'aure fugaci,
 Ch'io giunger non dovea più volto a volto
 Fra quelle braccia accolto
 Con nodi così stretti e sì tenaci.
 Lasso! e seguii con mal sicure piante,
 Qual Ascanio, o Camilla, il padre errante.
 In aspro esiglio, e in dura
 Povertà crebbi in quei sì mesti errori;
 Intempestivo senso ebbi agli affanni,
 Ch'anzi stagion matura

*

L'acerbità de'casi, e de'dolori
 In me rendè l'acerbità degli anni
 L'egra spogliata sua vecchiezza; e i danni
 Narrerò tutti, or che non sono io tanto
 Ricco de'propri guai, che basti solo
 Per materia di duolo:
 Dunque altri ch'io da me dev'esser pianto?
 Già csarsi al mio voler sono i sospiri,
 E queste due d'umor sì larghe vene
 Non agguaglian le lagrime alle pene.
 Padre, o buon padre! che dal ciel rimiri,
 Egro e morto ti piansi, e ben tu'l sai,
 Se gemendo scaldai
 La tomba c'è letto: or che negli alti giri
 Tu godi, a te si deve onor, non lutto,
 A me versato il mio dolor sia tutto!

M a n c a.

То есть:

ПЛАЧЕВНАЯ ПѢСНЬ ТАССОВА,

НА САМАГО СЕБЯ.

Къ Метаурѣ, малой рѣчкѣ въ княжествѣ
Урбинскомъ.

„О великаго Апеннина дитя малое, но
„славное, и несравненно больше именемъ,
„нежели водами, свѣтлос! скипаящійся
„спранникъ прихожу я для безопасности
„и покоя на берега твои благоспѣнные и
„дружеслюбивые. Высокій дубъ, орошаемый
„и питаемый живописными твоими вла-
„гами (опъ чего толико распространилъ онъ
„вѣтви свои, что освѣняетъ ими горы и
„моря), покрываетъ меня своею тѣнію; сія
„тѣнь священная, гостепріимная, и неопри-
„цающая никому прохладъ своихъ и покол-
„приняла меня въ самое густое нѣдро свое,
„дабы укрыть опъ той жестокой и слѣпой
„богини, которая хоща слѣпа, однако ви-
„дишь меня; и хоща я опъ ней въ горахъ
„и долинахъ скрываюсь, и по ночамъ въ уединенныхъ
„скипаюсь пущыныхъ, однакожъ
„она попадаетъ въ меня мешко, и кажеся
„для содѣланія несчастій моихъ столько
„имѣетъ у себя очей, сколько смерѣлъ.

„Увы! съ тѣхъ поръ какъ я дышу, и
 „какъ впервые увидѣлъ свѣтъ сей, никогда
 „радостями для меня не свѣтлый, всегда я
 „былъ игрищемъ и цѣлю сей жестоко-
 „сердой и несправедливой богини, нанесшей
 „мнѣ такія раны, которыя долгое время не
 „зашвораются. Знаешь по благословенная и
 „блаженная та Сирена, при коей гробъ ко-
 „лыбель моя была. О для чего сей первый
 „ударъ не погрузилъ меня въ утробу земли!
 „Злая судьба ошпоргла меня въ младенче-
 „ствѣ отъ груди матери моей: ахъ! съ гла-
 „бокимъ вздохомъ воспоминаю я о тѣхъ по-
 „цѣлуяхъ, при коихъ обливала она меня горь-
 „кими слезами, и о тѣхъ горячихъ моли-
 „вахъ, быстрыми вѣтрами развѣянныхъ:
 „не суждено мнѣ было болѣе, объявляемъ
 „рукъ ея оплеченному, лице къ лицу ласко-
 „во быть прижапу. Бѣдный! подобно Аска-
 „нію или Камиллу, долженъ я былъ нешвер-
 „дыми стопами слѣдовать за опцемъ мо-
 „имъ скипающимъ.

„Въ жестокомъ изгнаніи и горькой ни-
 „щетѣ росъ я посреда сихъ злоключеній;
 „преждевременно позналъ чувство нещастія;
 „безпрерывныя бѣдствія и времена лютыя
 „въ незрѣлыхъ еще лѣтахъ моихъ облекли
 „меня недугами и старостию лица моего.
 „Я расскажу всѣ наши бѣдствія, теперь ко-
 „гда я собственными печальми моими не

„шакъ удрученъ, чшобъ довольно было и
 „объ одномъ себѣ плачевную писать по-
 „вѣсть. Такъ естъ и кромѣ меня, о комъ
 „я слезы проливать долженъ? Уже оску-
 „дѣвшіе въ груди! вздохи не могутъ болѣе
 „повиноваться волѣ моей, и въ сихъ очахъ
 „моихъ, шоль многоводныхъ источникахъ,
 „недостаешь слезъ къ оплакиванію моихъ
 „нещасній. Ошче благій, ошче мой! шы,
 „взираешь на меня съ небеси! я оплакивалъ
 „удрученную старость швою и смерть, и
 „шы знаешь, согрѣвалъ ли я рыданіями мо-
 „ими одръ швой и могилу: днесъ вкушаю-
 „щему въ вышнихъ спранахъ блаженство,
 „не слезы подобають шебѣ, но честь и
 „поклоненіе: на меня. единого вся печаль.
 „моя да изліется!

конца платевой пѣсни сей не достаетъ.

„In lenocinio commendationis dolor est manus,
 „dum id ageret, oppressae.“

шо естъ:

Здѣсь печаль ошановила перо Тассова.

Кшо не почувствуешь жалости, видя
 въ стихахъ сихъ, что воображеніе и чув-
 ствительность Тассова, разгоряченныя бо-
 лѣзнію, и спѣсняемая нещасіемъ, не мо-
 гли болѣе разсудкомъ его бышь умѣряемы?

Ему снова показалось, что онъ окруженъ сѣтями и опасностями у своего благодѣтеля, и онъ рѣшился идти къ Герцогу Савойскому, просить покровительства опъ враговъ, какъ настоящихъ такъ и мнимыхъ. Идучи пѣшкомъ, безъ денегъ, и почти безъ одежды, пришелъ онъ къ воропамъ *Туринскимъ* въ такомъ бѣдномъ состояніи, что часовые не хотѣли пустить его въ городъ.

Нѣкто любящій науки и словесность, издавшійся съ нимъ въ *Венеціи*, узналъ его и помогъ ему въ помъ. Онъ вошелъ въ *Туринъ*, и вскорѣ представленъ былъ князю *Піемонтскому*, который украшалъ собою престоль, покровительствуя талантамъ, наукамъ и художествамъ. Онъ съ опмѣнною ласкою принялъ знаменитаго и нещастнаго стихотворца. Но воображеніе и сердце *Тассово* влекли его всегда къ *Феррарѣ*, гдѣ проводилъ онъ нѣкогда сладоспѣйшіе часы своей жизни. Тамъ была колыбель любви его и славы. Воспоминаніе о прекрасной женщинѣ, любимой имъ съ такою горячностію, и потеря рукописей, которыхъ славу онъ предчувствовалъ, безпрестанно его занимали; ибо посреди спраспныхъ сердца чувствованій, потрясавшихъ въ немъ твердость ума, видно изъ писемъ его, что желаніе славы и чрезвычайность нещастій еще сильнѣйшимъ образомъ его тревожили.

жно проспишь Герцогу *Феррарскому* уничижительныя оскорбленія и недостойныя поступки, какими съ непрестающею злобою преогорчалъ онъ человѣка больнаго, несчастнаго, и копорый, даже и въ этошъ зависшлый и неблагоприятный вѣкъ, былъ гордо-спію Италіи и славою ума человѣческаго?

Какимъ образомъ память сего князя можетъ освободиться отъ обвиненій, заключающихся въ письмѣ *Тассовомъ*, копорое мы ниже сего увидимъ. Сіе письмо свидѣтельствуетъ, что великій стихотворецъ сей, шолко прославившій дворъ *Феррарскій*, споналъ долговременно въ домѣ сумасшедшихъ, оставленъ всѣми, и въ такомъ совершенномъ недостаткѣ, что нѣсколько мѣсяцевъ лишенъ былъ самонужнѣйшихъ въ жизни вещей, и кажешся имѣлъ причины подозрѣвать и шу малую помощь, въ копорой ему отрицать не могли.

Кшо не возгнушается видя, что сей самый Альфонсъ, копорого *Тассъ* шолко почпилъ посвященіемъ ему своей поэмы, есть шотъ самый князь, копорый опнялъ у него свободу, помрачилъ умъ его, и похилилъ у попомства превосходное швореніе, какое славный писатель сей въ намѣреніи своемъ имѣлъ *).

*) См. ниже сего въ письмѣ *Тассовомъ*.

„Ахъ, какъ я несчастливъ! я имѣлъ
 „въ намѣреніи сочинить двѣ другія герои-
 „ческія поэмы, о самыхъ благороднѣйшихъ
 „и полезнѣйшихъ предметахъ; четыре пра-
 „гедіи, которыми у меня и расположеніе
 „сдѣлано было; также многія нравоучи-
 „тельные сочиненія въ прозѣ, и думалъ со-
 „единить любомудріе съ краснорѣчіемъ такъ,
 „чтобъ оставить по себѣ въ свѣтѣ вѣчную
 „и досточестную память. Но теперь изне-
 „могающій подъ бременемъ столькихъ пече-
 „лей и несчастій, я оставилъ помышленіе
 „объ имени моемъ и славѣ. Я почиталъ бы
 „себя довольно благополучнымъ, естли бы
 „могъ; безъ подозрѣнія и опасности, упо-
 „лялъ помящую меня безпрестанно жажду,
 „и естли бы, подобно простолудину, могъ
 „свободно вести жизнь мою въ бѣдной хи-
 „жинѣ, хотя не наслаждался здравіемъ (ибо
 „я ужъ лишенъ онаго), по крайней мѣрѣ безъ
 „посылокъ; хотя не въ почестяхъ, по крайней
 „мѣрѣ не обруганъ; хотя не по законамъ
 „людей, по крайней мѣрѣ по законамъ жи-
 „вотныхъ, могущихъ въ ручьяхъ и рѣчкахъ

Говоря о семъ, не можно воздержаться, чтобъ не упо-
 мянуть о странной противуположности, въ какой нахо-
 дились стихотворецъ и разбиратель его твореній; *Гали-*
лея въ Римѣ инквизиціа заочила въ темницу, а *Тассу*
 въ Капиноліи приговарялся вънецъ. Но *Тассъ* пѣлъ кре-
 сшвыя походы, а *Галилей* открылъ движеніе земли.

„утоляшь жажду свою, которая (не безъ
 „причины повшоряю) жжетъ всю мою вну-
 „шренность. Я не столько боюсь велико-
 „сти спраданія, какъ долговременности
 „онаго, пѣмъ паче, что уже въ такомъ со-
 „стояніи неспособенъ я ничего дѣлать.
 „Спрахъ вѣчнаго започенія умножаетъ мою
 „печаль; онъ увеличиваетъ уничиженіе, ко-
 „торымъ хощаешь меня угнѣсти. Всклоко-
 „ченность волосъ и обрасненіе бородою,
 „грязная одежда и происходящая отъ того
 „нечислота доводяшь меня до чрезвычай-
 „наго омерзѣнія: а особливо крушитъ меня
 „природной непріятель мой уединеніе, ко-
 „торое и въ добрую пору мою было мнѣ
 „такъ иногда неспосно, что я не дожидался
 „времени хаживаль искашь сообщества лю-
 „дей.“

Таково слѣдовательно было несчастное
 состояніе души *Тассовой*, что онъ желалъ
 уединенія, когда былъ при дворѣ или въ го-
 родскомъ шуму, и сожалѣлъ о городской
 жизни, когда былъ въ уединеніи. Онъ по не-
 волѣ ненавидѣлъ сообщество людей, кошо-
 рое приключило ему столько золъ, и не могъ
 забыть о немъ, когда непріятелями своими
 посаженъ былъ въ започеніе.

Тассъ находился цѣлые два года въ го-
 рестномъ состояніи, какое онъ самъ въ
 письмѣ своемъ намъ описалъ. Въ 1581 году

ностію можемъ мы чипашъ *Бдѣнія Тассовы*. Оныя вновь и вполнѣ изданы въ Медіоланѣ господиномъ Компаніони. Я дѣлаю переводъ мой съ сего послѣдняго изданія, и предлагаю оный Французамъ, которые во многомъ богатствѣ чужестранной словесности отличали всегда сего великаго стихотворца.

Вездѣ въ *Бдѣніяхъ* его, а особливо въ послѣднихъ, видны всѣ измѣненія самой сильнѣйшей спрасти сердца человѣческаго. Тамъ видимъ мы любовь съ ея неравенствами, движеніями, спраданіями, бредящую и остроумную. Сіи *Бдѣнія* суть нѣкоторой родъ пѣсней, стихотвореній, одъ: пожъ самое вдохновеніе и безпорядокъ одушевляешъ ихъ. Иногда оныя суть гимны. . . .

О ты! первый изъ эпическихъ стихотворцевъ, какихъ произвела сія *Классическая* земля воображеній и художествъ *), прими отъ одного изъ постоенныхъ почишателей твоихъ сей приносимый тебѣ слабый даръ! *Іерусалимъ* твоя естъ твоя незыблемая слава **).

*) Италія имѣетъ больше осьмидесяти Эпическихъ поэмъ. Она съ постоеннымъ просвѣщеннаго ума удовольствіемъ чипаетъ изъ нихъ пять или шесть. Но какой языкъ можетъ представишь такую громаду стихотворческаго богатства?

**) Аббатъ Серасси считаешъ по 1785 годъ сто двашцать пять изданій *Тассовой* поэмы, показывая всѣхъ оныхъ за-

„гдѣ чувствованіе пушеводительствуетъ,
„гдѣ.“

Не могу сносить сего убійства. Ахъ!
подамъ новый бытописанію примѣръ.

Но гдѣ сей совмѣстникъ? сей
бракъ? — ничего не бывало. Слава Богу,
что это мнѣ почудилось только.

Издеремъ эпохъ лисъ. Да не оспа-
нешся ниже слѣда моихъ сомнѣній, моихъ
мечтаній. — Нѣтъ, нѣтъ. Сохранимъ сей
лисъ. Нѣкогда она его прочтетъ. Увидишь
какъ много сокрушался я объ ней.

Б Д Ъ Н І Е XXV.

Боже мой! боже мой! ахъ! погибла вся надежда. Злодѣи! побѣдили. — Постойте. — Тщешно. Пламень все пожралъ.

Вонъ немногіе лиспки въ черномъ дымѣ носятся по воздуху!

Двадцатишлѣтніе шруды! миліоны лѣтъ славы! все въ крапкій мигъ погибло!

Все? нѣтъ: враги мои не будутъ шѣмъ величаться. Срамъ покроетъ ихъ вѣчный срамъ Зоилы безумные! чѣмъ больше разверзаете вы челюсти свои на меня, шѣмъ больше будетъ слава моя. Вы, да, вы исчезнете. Не пройдушь два поколѣнія, какъ имена ваши будутъ забыты.

Ахъ! пусть останутся сіи гнусныя имена; пусть швердятся изъ рода въ родъ, во всѣ вѣки; и да будутъ, какъ того достойны, въ поруганіи у всѣхъ временъ, и всѣхъ вѣковъ.

Я соспязался съ первѣйшими вѣка моего умаи, и не упалъ духомъ. Самая швердосць моя есть уже великій для меня опытъ — *Аріостъ*.

Великъ *Аріостъ*! жилиши *Феррары*! когда Италіянскіе города спорить будутъ о славныхъ мужахъ, каждый присвоая себѣ съ гордосцію чesть рожденія ихъ, вы

оставьте длинную роспись своихъ : назови-
те только пѣвца *Неистоваго Орланда*! При-
семъ имени всѣ умолянушъ.

Но онъ въ поляхъ своенравнаго вообра-
женія носился подобно своему герою. Мѣ-
шалъ низкое съ высокимъ, странности съ
рапоборствами; и какъ новый *Дедалъ* соз-
далъ *Лабиринтъ*, опъ котораго можешь быть
не инымъ чѣмъ спяжалъ себѣ славу, какъ
тѣмъ, что умѣлъ выдти изъ онаго.

Рабъ развращеннаго двора, онъ искалъ
только угодить гордому Князю, который
послѣ былъ ему неблагодаренъ. Такимъ об-
разомъ посрамилъ лучшее швореніе музъ.
Оставилъ грядущимъ временамъ сожалѣніе
о худомъ употребленіи шоль велевыспрен-
няго ума.

Торквато! къ лучшему усремлялся пы
намѣренію, и лучшую получишь славу.

Одинъ въ вѣкѣ семъ совмѣстникъ мо-
жешь спорить со мною о вѣнцѣ. — Ахъ!
скажи мнѣ: такъ ли пы, какъ я, былъ не-
щасливъ, о доблѣй пѣвецъ величайшаго изъ
предпріятій, на какое соотечественники
швои поступили? слава о томъ достигла и
до насъ. Бѣдный! однако не столько, какъ
я. Область Индійская выдешъ изъ рукъ по-
томковъ *Емануиловыхъ*; гордый *Лиссабонъ* не
увидишь болѣе приспаяющихъ въ приспани
его Азіатскихъ и Африканскихъ сокровищъ;

но первая слава обширныхъ завоеваній швоихъ всегда будетъ свѣшла и лучезарна въ стихахъ *Камоенса*. Послѣдніе роды родовъ увидяшъ въ *Лузіадѣ* невѣроятное мужество горсти людей, которые, покоривъ несмѣнные народы, и прошивуборсшвуя новымъ, безчисленнымъ, спрашнымъ опасностямъ, принесли на край свѣша добродѣтель свою, и законъ ошцевъ своихъ.

Важное предпріятіе, самое величайшее, какое народы Европейскіе произвели въ дѣйство, взялъ я для сосшавленія моей поэмы. *Іерусалимъ* мой будетъ для Христіанскихъ народовъ то, что *Иліада* для Грековъ, *Энеида* для Римлянъ; то, что *Лузіада* для Португальцевъ.

Воспаленные во всѣхъ спрахахъ свяшою ревностію цари и народы ополчились ишпоргнушъ изъ рукъ нечестивыхъ мѣста вѣрою освященныя. Полишика съ шого времени перемѣнилась въ Европѣ. Свѣшъ наукъ возникъ, и ошъ заблужденій суевѣрія проишшла щасшлиявая перемѣна въ обычаяхъ, нравахъ, законахъ:

Бышописатели въ лѣшописяхъ новѣйшихъ державъ ознаменушъ дошпомяшность сего славнаго времени. Оно шожѣ, что въ древнихъ державахъ переходъ изъ Греціи въ Трою. Я больше сдѣлалъ: увѣковѣчилъ оное въ стихахъ моихъ.

Ахъ! спросяшь, но какая же участь стихошворца? *Камоенсѣ*! мы оба нещасливы! и кто же шомъ не былъ такимъ, кто наименьше того достоинъ? однако неправосудіе царшвуешь одинъ шолько мигъ; пошомъ исчезаетъ, и съ нимъ исчезающъ дѣлатели, шворцы онаго.

Ахъ! ешъли бы также скоро исчезли изъ ума Государя моего злощасливыя, вооружившія его противъ меня подозрѣнія! ежелибъ онъ съ лучшею справедливостію рассудилъ о чистотѣ моей склонности!

Но о чемъ я говорю? можетъ ли любочестіе сильнаго разсуждать справедливо?

Маломощные въ началѣ своемъ, поддерживаемые обстоятельствомъ, слабостію другихъ и собственною своею дерзостію, распространяя въ междоусобныхъ браняхъ опчасу болѣе власъ свою, и будучи иногда подпорами, иногда бичами и даже мучителями своего опечесства, вознеслись они на высоту, на какой видишь ихъ Ипалія.

По этому время дѣлаешь различіе между участію людей? ешъли бы, когда они у подошвы Эвганскихъ горъ жили въ вѣпхихъ палахахъ, одинъ изъ предковъ моихъ взялъ себѣ жену изъ ихъ семейства, онъ почиался бы опъ нихъ великоименинымъ человекомъ, достойнымъ ихъ родства. Можетъ бытъ они искали бы его и постав-

Ч а с ш ъ Х.

ляли союзъ съ нимъ за нѣкое приобрѣтеніе. Нынѣ одинъ изъ потомковъ ихъ помыслъ о такомъ бракѣ поставляетъ мнѣ въ пресупленіе : какая колдовашность !

Ну чпожъ ! я останусь при моей уча-сти. Доволенъ буду несчастною моею любовію. По крайней мѣрѣ нѣкопоря оной слѣды останутся на свѣтѣ.

По двумъ причинамъ имя мое будетъ въ почтеніи. Имя же гонителя моего, о какъ будетъ ненавистно !

В Д Ъ Н І Е XXVI.

О! какой это худой хлѣбъ! черствѣетъ въ моемъ желудкѣ и превращается въ ядъ. Прочь съ нимъ не приносите мнѣ его никогда. Знаю злодѣйскую руку, посылающую ко мнѣ оный. Можетъ ли злоба посылать иное, какъ не ядъ?

Мнѣ даюшъ этошъ хлѣбъ для того, чѣмъ бѣдная жизнь моя, ежедневно снѣдаемая печалію, ежедневно укрѣплялась въ силахъ сносить печаль свою. — Жестокіе! это новаго рода мучительство. Каждый день приключашъ мнѣ смерть!

Два широкихъ пути предлежашъ мнѣ, дабы избѣгнушъ наконецъ ошъ сего ихъ душепагубнаго намѣренія. Или отвергну сей ядовитый хлѣбъ, и ошъ мучителей избавлю жертву; или сшану питашъся сладкою надеждою увидѣшъ нѣкогда ту, для которой шеперь страдаю, и углубленный въ шоль прекрасную мысль сдѣлаю шщепными злоумышленія моихъ враговъ. — По которому изъ сихъ путей, о Торквато, хочешъ ты шествовашъ? одинъ изъ нихъ долженъ ты непременно избратъ. Великое превеликое мужество пошребно для того и другаго.

Изберемъ первый. — Теперь ты, Торквато, при послѣднемъ издыханіи.

*

Но какъ же она, чей образъ всегда передъ тобою; она, чье имя ты съ такою радостію произносишь; она, все для тебя составляющая она! ты не увидишь ее больше; не вспомнишь о ней больше ты будешь мертвъ для ней.

Нѣтъ, нѣтъ, всегда несчастливый, гонимый перзаемый всѣмъ, что ненависть имѣетъ въ себѣ жесточайшаго но живъ; но способенъ помнить о ней; называть ее, представлять себѣ образъ ея божественный. Она моя жизнь мое все. Какъ отречься отъ ней? нѣтъ, нѣтъ, не умру.

Спанемъ продолжать сію несчастную жизнь. Спанемъ каждый день плакаться печалію, и приготавливать себя сегодняшнимъ перпѣніемъ къ перпѣнію завтра, и послѣ завтра, и въ будущій попомъ день, и всегда, куда не наспанетъ перемѣна.

Ахъ! предпріятіе жестокое весьма жестокое. Но за то получимъ награду. Сіи немилосердые хотятъ убить меня, и не удастся имъ. Буду жить, да, въ горести, чтобы не сдѣлать по ихъ, чтобы доказать имъ, что они со всѣми своими силами ничего не могутъ: Торквашо превыше всей ихъ власти.

Сколько выгодъ совокуплено въ одной сей мысли! ошмцаю и люблю.

Такое посшоянство расперзаетъ душу враговъ моихъ, а въ сердце мое прольется небесная роса, роса, имѣющая неимовѣрную доброту, помощію которой утомленныя силы мои возобновятся и вознесутся еще выше, чшобъ обожать женщину сію божественную женщину, которая достойна и предостойна того, чшобъ всякое для неѣ претерпѣть спраданіе. —

Для того избираю жишъ.

В Д Ъ Н І Е XXVII.

Слава зовешъ меня въ *Калитолій* : буду увѣнчанъ аки первый вѣка моего стихотворецъ. Пойдемъ, нѣтъ больше у меня враговъ. Нѣтъ больше въ любви моей препятствій. Могу говорить о ней; могу о ней говорить свободно, безумолчно, сколько хочешь сердце мое, наполненное ею.

Герцогъ не будетъ тѣмъ оскорбляться: завистники придворные его не станутъ мнѣ поставлять того въ пресупленіе. — На послѣдокъ вы умолкните: и злость ваша, шель доселѣ для меня пагубная, обратится вамъ въ ядъ — а мнѣ будетъ виною шоржества.

Торжествуй! бодрствуй, сноси настоящее несчастіе: скоро наступитъ свобода, побѣда, благоденствіе.

Что по сей часъ было препятствіемъ? то, что я не царской крови. Дѣти царскіе должны сочелаваться съ царевнами. Такъ гордость раздѣляетъ родъ человѣческій на степени.

Хорошо: пускай такъ. Я уже больше не простой, не частной человѣкъ. Чело мое увязаетъ также вѣнецъ, который есть плодъ моихъ трудовъ, а не наслѣдство, безъ заслугъ доставшееся и случайное. Куда помѣстите вы меня? съ кѣмъ соедините?

сдѣлаюсь и я гордъ, когда гордосшь надобна.

О божественная дѣвица! о ты, единая, могущая дашь цѣну моему возвышенію! иѣтъ ты не станешь любви моей стыдись. Бытописаніе будешь именовашь двухъ женщинъ, сдѣлавшихся безсмертными чрезъ своихъ любовниковъ. Кто та, которая не позавидуешь участи *Лауриной*? ты будешь по порядку времени вшорая, но по истинному щасію первая непрекословно.

Такъ. Соединенная со мною ты будешь щаслива. Бывъ супругою князя, о! какихъ бѣдствъ долженствовала бы ты спрашиваться! ахъ! ты не знаешь какое сердце имѣешь всякой князь, и для кого имѣешь оное. Жестокое желаніе властвовать надъ всѣми: вошь его душа. Ему надобны одни рабы, и первый изъ нихъ его супруга.

Зависъ другихъ сильныхъ честолубцевъ, возмущеніе, война, могушь похитишь у себя мужа, у дѣшей твоихъ царство. *Сфорца* и *Бентиволіо* суть не весьма древнія имена въ росписи князей несчастныхъ. Родственница твоя . . . въ домѣ своемъ имѣешь ты примѣры. Съ какою пышностію, съ какими надеждами отправилась она въ *Болонію*? чшожь потомъ? видѣла свекра своего умирающаго пѣнникомъ въ *Медіоланѣ*,

мужа своего скидающагося безъ пристанища, и дѣшей своихъ изгнанныхъ и не смѣющихъ приближиться къ шому граду, кошорой долженъ сповалъ бытъ ихъ наслѣдіемъ.

Величеству Князей положенъ конецъ. Но ставъ супругою Торкваша ты будешь въ безопасности наслаждаться моею славою : она вся въ цѣлости перейдетъ къ швоимъ дѣшямъ. Никто не можетъ ее похитить у меня.

Она слышала. Поспѣшимъ, время веселія близко.

Б Д Ъ Н І Е XXVIII.

Съ шѣхъ поръ, какъ заперли меня въ сіе мѣсто, не вижу я ни одного изъ моихъ друзей. Неблагодарные! не придти ни разу меня провѣдать, ни разу! — Какая дружба ваша? — дружба людей.

Не спѣши осуждашь ихъ, о Торквато! можешь быть они хлѣбли придти. Кто знаешь сколько разъ покушались на шо. Но было ли имъ позволено?

О друзья мои! когда бы вы знали въ какомъ бѣдномъ состояніи вашъ Тассо! худо ему очень худо. Ночь и день одно для него. Ночью не смыкаю глазъ, день прохождишь шихо, шихо; свѣтъ его такой блѣдной, что въ мѣсто радости, приносимой имъ всякому дыханію, онъ умножаетъ печаль мою, рождаетъ во мнѣ черныя воображенія, и повергаетъ въ уныніе о какія безобразныя мечты восстаютъ въ умѣ моемъ, и меня утѣшаютъ! Я стараюсь разогнать ихъ, но онѣ нагло возвращаются, и при новыхъ усиліяхъ моихъ возрастаютъ какъ исполины. Самая надежда, сіе утѣшеніе несчастныхъ, надежда спановилсъ бичемъ моимъ. Какъ могу я положиться на ея прельщеніе! На какомъ основаніи утверждаясь могу повѣрить, что найду наконецъ, есть ли не правосудіе въ людяхъ, зложелашель-

спвующихъ мнѣ, по по крайней мѣрѣ жалость въ шой, кошорая одна виною золь моихъ !

О любезные друзья ! вы, кошорые въ прошекшія времена сполько для меня жершвовали ; вы, къ кошорымъ имѣлъ я шакую довѣренность, покажите мнѣ свою услугу. Нѣтъ, вы не знаете высокаго ея достоинства ! — Подите къ ней. Вы, когда пожелаеете, можете увидѣть ее : за вами не примѣчаютъ, какъ за *Тассомъ*.

Ни одна женщина не внушала такой довѣренности. Вы увидите на лицѣ ея благость. Голосъ ея ободришь васъ говорить съ нею, и подасъ вамъ смѣлость съ надеждою за меня ходайтшвовать. — Скажите ей : *Княжна ! гдѣ твой Торквато ?*

Она при имени моемъ шопчасъ пошупишь глаза. Примѣчайте хорошенько. Цѣбшь лица ея перемѣнишь. Можеть быть въ очахъ навернушь слезы ; глаза сдѣлаються красны. Тогда говорите смѣло. Скажите : *Торквато залертѣ въ жилищѣ величайшаго бѣдствія теловѣтескаго. Однако невѣрь, княжна, будто онѣ повредилъ въ умѣ ; это клевета. Онѣ безпрестанно о тебѣ думаетѣ. О тебѣ одной думаетѣ. О тебѣ одной разсуждаетѣ. Инаго не пребуетѣ, ни о тебѣ другомѣ не въздыхаетѣ, ты у него все. . . .*

Иногда посреди мукъ своихъ веселится, для того что терпитъ ихъ за тебя. Иногда же, княжна, петаль преодолюваетъ его, и онъ предается унынію, для того что не видитъ нималѣйшаго луга утѣшительной надежды. Что будетъ съ другомъ нашимъ? мы желаемъ ему свободы; онъ о свободѣ своей не петется, ежели не можетъ видѣть тебя, тебя одну, къмъ умъ его напоенъ, сердце пренаполнено. Говоритъ что онъ тебѣ милъ, и говоритъ это, извини княжна, такимъ голосомъ, что непримѣтно, отнюдь непримѣтно никакого поврежденія въ умъ, ниже дерзости въ его мысляхъ. Можетъ быть слишкомъ много льститъ. Но развѣ не можетъ быть въ тебѣ такая высокая добродѣтель.

Нѣшъ, умолкните, рѣчь эта не такъ сказана, какъ мнѣ хощлось. Вы не можете такъ говорить, какъ достойно величественному ея сердцу и моей любви. — Друзья слабые! — подише, наслаждайшесь своею свободою, своимъ щасіемъ, оставыше меня въ моемъ бѣдствіи: я въ бѣдствіи моемъ больше, нежели вы въ великомъ благополучіи своемъ. — Подише.

Б Д Ъ Н І Е XXIX.

Солнце всходишь. Ремесленники въ сообществѣ моемъ приступили къ работѣ; а трудолюбивый земледѣлецъ давно уже ихъ предупредилъ. — Ахъ! какой бы ни лилъ съ лица вашего потъ, вы не можете назваться злополучными. Вечеръ возвращаетъ вамъ и конецъ трудовъ вашихъ, и покой возстановляющій силы.

Я по истиннѣ злополученъ! Нѣкогда вспавалъ и я также рано, и часто еще ранѣе васъ. Углублялъ въ размышленіе умъ мой, даръ драгоценный и несчастный, какимъ небо при рожденіи моемъ надѣлило меня; и сочинялъ въ веселіи стихи стихи, которые составляли славу мою послѣ жизни моей, и будутъ славою Италіи во всѣ времена! — Я не чувствовалъ никогда усталости: ничто слѣдовъ ея въ стихахъ моихъ не примѣтишь. Останавливался правда; но для исправленія, для украшенія того, что пылкость воображенія мгновенно мнѣ внушила. Пошѣмъ наславалъ полдень. — О! сколько разъ не примѣчалъ того, и въ сладкомъ восторгѣ продолжалъ снѣшно работу мою, не прежде прерывая оную, какъ съ наступленіемъ вечера.

Тогда посреди друзей моихъ громкимъ гласомъ повсорялъ сладкозвучную пѣснь,

сложенную мною въ пишинѣ уединенія. Не было для меня прекраснѣе дня, какъ пошъ, въ который прешель я знашное въ пуши моемъ поприще.

О! какая перемѣна. Заключенный многе ужѣ мѣсяцы здѣсь, не вижу я ни единого шаковыхъ дней блистающаго луча. Не чувствую въ себѣ болѣе ни силы къ сему пѣнію, ни желанія начать оное. Безмолвный ужасъ, хладная пишина меня окружають. Чувства мои пришупѣли: душа моя заснула, уснула.

Уснула! пусть бы такъ. Я сказалъ бы . . . ты совершила великій пушъ, и больше сдѣлала одна, нежели вкупѣ тысяча людей, не безпріятныхъ музамъ. Покойся. Время швое пришло.

Но увы! душа моя совсѣмъ въ иное низверглась состояніе. Бѣдственное игрище прекраснѣйшей и купно злополучнѣйшей спраспи, колеблемая въ безъизвѣстности носится она по кипящему морю, вѣроломствомъ обуреваемому и опчасу больше волнуемому, безъ всякой къ ушшенію надежды. Холмящіяся волны скопляются, ударяются одна съ другою, и грозно ревущія несутъ меня разразить. О небо! ты знаешь куда: я не знаю, пошому что оглушенный шумнымъ плескомъ, исчезающій въ ужасахъ бурной ночи, не вижу ни берега, ни камня,

и окружающая меня смерть кажется сама
опъ меня бѣжишь, довольствуясь тѣмъ,
что зришь меня обуянна страхомъ.

Ахъ! долго ли продолжашься будешь сіе
состояніе! однако есть въ небѣ удивитель-
ной свѣтлости звѣзда, которой лучъ, есть-
ли густыя облаки пропускашь его сквозь
себя, освѣтивъ не шокмо пущь мой, но
всю вселенную; и вскорѣ вещи въ новомъ,
смѣющемся видѣ появляшя, и ясность бу-
дешь постоянная, и день день жизни
и радости наспанешь.

О звѣзда! съ шолікою довѣренностію
призываемая мною! о ты, единая надежда
и единое благо печальной сей души! Я знаю
тебя. Знаю, появившюся на воспокрѣ; ужъ
ты великую часть неба прошекла, и ушвер-
дилась въ мѣстѣ опредѣленномъ тебѣ, и
шамъ сіяешь съ безопасностію, и шасшіе
мое въ себѣ заключаешь. Пройдушь конеч-
но шуманы, скрывающіе тебя опъ очей мо-
ихъ. Когда нибудь лучъ швой возблистаешь
снова. Я возвращусь въ жизнь, въ веселіе.

Кшо будешь тогда благополучиѣ меня?
Крашки минушы, въ которыя видѣлъ я те-
бя, но весьма помню, въ какомъ блаженствѣ
ушопала душа моя: ничто иное, какъ сила
красоты швоихъ, влагала въ меня тогда и
духъ и разумъ. Великъ восторгъ, произво-

димый совершенством предмета: чувство любви отъ того необходимо рождается.

Теперь я далеко отъ себя, и за то, что тебя люблю. Сей отдаленности, по жестокосердому повелѣнію содѣланной, чувствую я всю лютость. За то почувствую несказанную радость, когда тебя увижу; когда дверь гнуснаго жилища сего отперется, и я, какъ того воздыхающее сердце мое алчешъ, свободенъ буду соединиться съ тобою. Внезапный восторгъ мой и ослабленіе, въ которое упаду, ясно будетъ тебѣ свидѣтельствовать великость претерпѣннаго мною спраданія и любви. . . . О! любви, какой доселѣ не было на свѣтѣ, и не будетъ.

Торквато! придетъ, такъ, придетъ минута, въ которую ночь, нынѣ тебя окружающая, уступая лучу благопріятствующей тебѣ звѣзды, рассыплется. Увижу опять дни свѣтлые и красные, какіе бывали прежде. Еще свѣтлѣйшіе еще прекраснѣйшіе увижу ихъ; и возвратится ко мнѣ духъ стихотворства; и воспою достойно небесной женщины, достойно любви моей.

О солнце! щеки скорѣе, спѣши принесть желанную мною минуточку. — Ты знаешь съ какимъ жаромъ я ее ожидаю.

Я говорю солнцу! несчастный!
Увы! природа отвращаетъ слухъ свой отъ моихъ взываній.

В Д Ъ Н І Е XXX.

Я спасъ честь: прудился для славы. —
 Несчастіе не пощадило меня: моя ли шовина? — Непріятели мои не могли простишь мнѣ шой вины, что природа ущедрила меня своими дарами. Горе тому, кто получишь такое злополучное прощеніе.

Перемены государственныя. . . . Приключенія несчастнаго князя. . . . Ахъ! родишель мой: щасіе обоимъ намъ неблагопріятствовало.

Оплученный отъ тебя съ самыхъ юныхъ лѣтъ моихъ соединенный съ шоброу на крапкое время, и потомъ осужденный на всегда жишь далеко отъ тебя. . . . Корабль безъ кормчаго на бурномъ морѣ оспавленный! онъ подспавляя шо одинъ, шо другой бокъ ярымъ, отчасу болѣе свирѣпѣющимъ вѣштрамъ, борется нѣсколько времени съ волнами; но какимъ образомъ, ешьли бы и не разбился напоследокъ о камень, какимъ образомъ можешь до безопаснаго достигнуть пристанища?

Зри на корабль семь сына швоего. —
 О! да не произнесушь уста мои жалобы. Но ты зналъ мою сыновнюю къ тебѣ горячность. Въ немерцающемъ живущій свѣтъ ты видишь ее во всей цѣлости. О ро-

дитель мой! Торываю швой несчастливъ, но не виненъ.

Дерзнулъ излишно. . . . Не я возродилъ въ сердцѣ моемъ сіе несчастное дерзновеніе. Сила превышая меня сотворила оное. Я не могъ ей вопрошивишься.

Возстань, божественная женщина. Ты должна оправдать меня; ты, которая не оскорбилась моимъ дерзновеніемъ.

Кто знаетъ какъ далеко простеръ я оное? — Вотъ превеликій листъ, на коемъ изображены мечтанія человѣческія. Мои шупъ же означены. Хорошо: чей перстъ покажетъ мнѣ черту, за которую не позволено мнѣ было пресступать?

Священъ высокій сей предметъ. Обезчестилъ ли я оный? ошче! ошче! да изрекушъ святыя уста швой. —

Ахъ! наступишь день, когда соединясь съ побою въ небесномъ обихалищѣ, гдѣ ты безсмертенъ пребываешь, услышу я судъ швой. Ожидаю; зову шопъ день. Увы! ешь-ли можешь ты молишвами своими спосѣшествовать благу сына швоего, испроси, да наступишь онъ скорѣ. Я часъ шебя: и какъ же оставишь ты меня на пуши неизвѣстномъ и бѣдствennomъ, на кошоромъ я погибну, ежели укуснишь ты подать мнѣ руку помощи! Зри ужасное состояніе мое! колико бѣдъ обрушилось на главу швоего

Ч а с ь Х.

10

Торкваша! не говорю шебѣ о сердцѣ моемъ. Бѣдное! сколькими спрѣлами пронзено! говорю объ умѣ моемъ. Чшо оспашеся челоуѣку, у кошораго разумъ опниашъ? —

Ложь эшо. Мучишель сплелъ ее. — Но слухъ прошелъ по всей Ишалии. Я по нещасію пребываю въ мѣстѣ, опредѣленномъ для шѣхъ, кошорые сами себя не знаютъ.

Проклятые! подъ такимъ подлымъ предлогомъ скрываете вы черное свое злоумышленіе.

О! ежели естъ въ небѣ заспуна за добрыхъ, почшо медлишъ оно ниспослать призываемую мною праведную меснь? и ежели частъ заспуны сей состоишъ въ избавленіи меня ошъ прешерпѣваемыхъ мною недосшойныхъ поруганій, почшо, боже всемогущій, не позовешъ шы меня къ себѣ?

Тассо! надѣйся. Надежда усладишъ швою горесшь.

Б Д Ъ Н І Е XXXI.

Торквашо! гдѣ ты? — гдѣ? я прежде былъ при дворѣ. Желаніе узнать людей, и показашъ имъ себя; честолюбіе снискашъ ихъ уваженіе; жадность приближишся къ великимъ, и бышъ у нихъ въ милости въ милости у великихъ!

Такъ! вся Италія прославляла домъ князей *Этскихъ*. Тамъ, говорили, хощя и надъ меньшимъ проспранствомъ земель, но царствуетъ *Августъ*, не обезславившій имени своего никакими изгнаніями. Черпоги его полны превосходнѣйшими сего вѣка умами. Онъ принимаетъ ихъ съ честью, привѣтствуетъ, ласкаетъ. — Пойдемъ туда. — Будемъ *Виргилиемъ* у шаковаго *Августа*.

Я пришелъ. — О какъ люди удобособлазнительны! изобиліе, великолѣпіе, добродушіе. — Чего не казалось мнѣ видѣшь! тамъ нашелъ я сто ученыхъ мужей, изъ коихъ довольно было двухъ для прославленія вѣка своего. — Тамъ спа другихъ сохранялась память. — Пошомки также будущъ обмануты, и назовушъ нашъ вѣкъ споль же прекраснымъ, какъ *Перикловъ*.

Я не знаю бышописаній *Периклова* двора. Но конечно нигдѣ и никогда не чипалъ, чшобъ мудролюбець, красноглаголатель, спихошворецъ, пришедшій въ *Аѳины* для

*

прославленія добродѣтелей князя сего, былъ
вверженъ отъ него въ темницу. — Не тем-
ница ли это, несчастный, гдѣ ты сидишь?
выди изъ ней, ежели можешь.

Увы! темница конечно! — за что ты
въ ней? развѣ умышлялъ измѣну? дѣ-
лалъ заговоры? я? никогда на умѣ
того не бывало.

Изъ семейства его видѣлъ дѣ-
вицу, прекраснѣйшую. — Правда. Ахъ! по-
что я видѣлъ ее! развѣ видѣть ее есть
преступленіе? — но всѣ придворные вмѣ-
стѣ со мною ее видѣли. — Я осмѣлился
любить ее. — Развѣ любить ее есть пре-
ступленіе? развѣ она не долженствовала
быть любимой? Ахъ! небо для того созда-
ло ее столь прелестною. — Царедворцы!
развѣ вы ее не любили? — нѣтъ, нѣтъ; я
одинъ любилъ, я одинъ. Вотъ мое преступ-
леніе. Возьмите меня, свяжите, мучьте,
убейте. Я спою упорно въ этомъ престпу-
пленіи: я любилъ ее люблю — погиб-
ну; но буду любить покуда дышу. И ежели
сокращеніемъ дней моихъ хопяшь прервать
мою любовь, я умножу ее, дабы кратчай-
шее время вмѣщало и содержало въ себѣ
все чувствованіе долгихъ лѣтъ. Любовь
есть огонь. Воспаю въ крови моей пожаръ.
Увидяшь изъ сей груди исходящій пламень,
распространяющійся окрестъ меня, объем-

лющій сію 'комнашу, все сіе мѣсто. Я испѣлю въ пепель, и кшо придетъ пошомъ взглянушь на сей пепель, прочтешъ въ немъ чрезвычайную любовь мою, и будетъ сморѣшь на него въ священномъ ужасѣ; никогда не подумаешь, чшобъ онъ простылъ, даже и погда, какъ цѣлый вѣкъ пройдетъ.

Но чшо! шакъ ты умрешъ, Торквато! любовь твоя окончися! — Какая черная мысль! любовь спремишся къ вѣчности. Умерешъ! какое для спрасшнаго сердца воображеніе! мысль о концѣ любви гораздо хуже смерти.

Моя любовь безсомнѣнія не будетъ имѣть конца. Есть во'мнѣ часъ, которая побѣдишь всѣ времена. Совекшися бренной одежды, въ какую нынѣ облаченна, полепишь она въ безпредѣльное нѣдро вѣчности, гдѣ посполнно сама себѣ подобна, и въ чувствіи своемъ непоколебима, не будетъ знашь ни мѣры ни степени. Одна мысль будетъ ея жизнию; одна мысль ни съ какою другою не смѣшенная, ни какою другою не прерванная, швердая, вѣчная, единшвенная мысль о превосходнѣйшей любимой мною женщиנѣ. Сія мысль будетъ спрасъ; а жизнь моя будетъ чувствованіе, или какая нибудь другая лучшая вещь, сосшавляющая жизнь, удовольствіе, блаженство: сосшавляющая все — мое все — и всегда.

Когда шакъ, жестокосердые! умножьше муки мои. Опнимите у меня воздухъ, копорымъ я дышу, шакъ какъ вы, злодѣи, опняли опъ глазъ моихъ шо, что меня увеселяло. Вы шѣмъ лишь только ускорите минушу моего благополучія. Уже я смопрю на высошу.

О шы, выпренній желаній моихъ предметъ! но прежде нежели опыду созерцать себя въ шомъ мѣспѣ, гдѣ всякой земной красоты хранишся изображеніе, увы! да увижу себя еще единожды! правда, шы всякую минушу предо мною: божешвенныя чершы швои, небесная осанка, лице превышающее человѣческую красоту, шѣлодвиженія швои, миловидность, прелести, все передъ глазами моими, хопя шы далеко опъ меня; но увидѣшь себя еще разъ принесло бы мнѣ величайшее удовольствіе. Врѣжущся въ сердцѣ моемъ, глубже врѣжущся, и образъ швой любезнѣйшій и обращеніе швое шоль пріятное и сіи мановенія, небесную природу изъявляющія, опъ которыхъ съ тѣхъ поръ, какъ я себя увидѣлъ, познала душа моя шакое живое ощущение, шакое сладкое препешаніе, что еще волненіе шо не утишилось, еще удары онаго слышны.

Ой мнѣ! я не увижу ее никогда болѣе не увижу.

Дворъ лукавый! вошь за чѣмъ я пришелъ въ *Феррару*! — Кто вложилъ въ меня эту проклятую мысль?

О вы, кошорыхъ сердце природа одарила нѣжностію, далѣе, далѣе ошъ сей земли. Она врагъ роду человѣческому и любви.

Б Д Ъ Н І Е XXXII.

Мѣрило дней, время, не для всѣхъ людей равномѣрными грядеть стѣпами. Царедворцу часы кажутся крашки и лепшучи. Послушай жалобъ его. Онъ хотѣлъ бы медленно, капля за каплею, пить сладость своего блаженства; но между тѣмъ шепчетъ предчувствуя приближеніе той минуты, въ которую щастіе обращая колесо свое, съ высоты, на которую вознесло его, броситъ немилосердо внизъ.

Для меня напротивъ время въ пущи своемъ печетъ лѣниво. Долги дни, долги часы. И о! какъ тихо идетъ минута моего освобожденія.

Освобожденія! небо! такъ и невинный долженъ слово сіе употреблять въ спранѣ мучительства! Я молюсь каждый вздохъ мой есть молитва; и минута сія не приходитъ. Чѣмъ оспалось мнѣ дѣлать? Умереть умереть.

Какія черныя тѣни окружаютъ меня оповсюду! какіе ужасные призраки стоятъ предомною! смерть шутъ. Они ея предпечи. Торквашо! лягъ — возьми положеніе приличное твоей печали. Положи руки сіи на грудь. Нѣтъ, нѣтъ, на лѣвую сторону. Тамъ, гдѣ сердце шепчетъ. — Голову свѣсь на шуже сторону. Но держи ее прямо.

прошивъ дверей, такъ чѣмъ всякой, кто войдешь, могъ всего тебя видѣть.

Я воображаю ту первую минушу, когда придешь на меня сморѣшь. . . . Придешь, да, какъ скоро услышишь о моей смерти.

Небо! не дай чѣмъ я былъ одинъ изъ тѣхъ мертвыхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего выражающаго. — Эхъ! нѣтъ: я не буду таковъ.

Видъ обезображеннаго лица моего, я увѣренъ, представитъ живыя черты горести. — Скажешь: мертвые не печалятся; но какъ у этого чело наморщено, ланиты въ содроганіи, уста препенны. Въ какомъ онъ ужасномъ положеніи!

Да развѣ вы не знаете жестокаго мученія, снѣдавшаго душу его? развѣ не знаете, что онъ любилъ превыше силы человѣческой; любилъ, какъ любящъ души отъ смертной одежды освобожденные, и что сія смертная одежда служила ему токмо къ раздраженію той самой любви, которая людьми и небесами гонимая, превратилась попомъ въ глубокую печаль, приключившую мнѣ смерть?

Тѣло мое несущъ. — Пришворно шужаешь обо мнѣ. Какое пышное погребеніе! сколько свѣчь горитъ! какое спеченіе народа! вся *Феррара* сбѣжалась. *Пойдемъ смотреть Тасса.*

Вспомняшъ, что я былъ почтенный дворянинъ при дворѣ Герцоговомъ; что здѣсь и въ другихъ Испаліанскихъ городахъ жилъ въ немаломъ уваженіи; что почиался имѣющимъ щасливыя дарованія; что увеличилъ блиспаніе словесности; что прославилъ вѣкъ свой.

Попомъ скажущъ, что никогда никому никакого не сдѣлалъ зла; что многимъ дѣлалъ добро; что хотя иногда горячъ былъ нравомъ, но пошчасъ, опяшъ просшивалъ; что мечшы воображенія моего были невинны.

Молчите. Не нужны мнѣ ваши похвалы. Вы же ни одной изъ нихъ не сказали достойной меня. Какъ? вы ничего не говорите о любви моей! ничего не говорите о злости моихъ враговъ! ничего не говорите о убійствѣ, повергшемъ меня во гробъ!

Льстецы! такъ вы и съ мершвыми пошупаете несправедливо?

Скорѣе, опустише меня въ темную могилу, гдѣ члены мои должны разрушиться. Опнимите у меня сей ядовишый воздухъ. Въ сихъ мракахъ я васъ не увижу больше. Ештли не буду имѣшъ покоя, такъ по крайней мѣрѣ не буду шерпѣшъ поруганія.

О Торквато! вошъ ужѣ доспигъ шы до вѣчнаго жилища швоего. Несчасшый! для чего шы жилъ.

Голосъ меня разбуждаешъ. — Ахъ! я еще не умеръ. Слышу голосъ. — Но тихій, и не вразумительный. — Возвысься благодатный голосъ и будь погромче. — Милый голосъ приближается. Великій Боже! не дай чѣшобъ я обманулся. — Не ужъ ли будетъ эшо вправду, что ошъ самага дна нещаспія поднимусь я вдругъ на самый верхъ благополучія!

Чѣшо слышу? глаза мои не могушъ распознашъ предмета, кошорой спойшъ передомною сердце мое узнаешъ его ахъ! эшо пы! пы! — я дышашъ не могу. — Прощани ко мнѣ руку. — О! какъ сладка въ эшу минушу смерть!

Б Д Ъ Н І Е XXXIII.

Поди! засвидѣтельствуй міру. Ты былъ пораженъ необъятымъ свѣтомъ, внезапно разсѣявшимъ мраки минувшей ночи. Ты видѣлъ — можешь быть проспонародные глаза и грубыя чувства твои не позволили тебѣ наслаждаться симъ божественнымъ зрѣлищемъ?

Оно мнѣ живо представляется, я созерцаю его, и былъ самъ участникомъ.

Духъ покровитель Тассовъ наконецъ признался, что совсѣмъ меня оставилъ, и устыдился того.

Рука свыше человѣческой влечетъ меня съ одра, глухаго свидѣтеля безполезныхъ воздыханій моихъ и слезъ. Все вокругъ меня перемѣняется. Стѣны сей комнаты падаютъ какъ мягкій воскъ. Свѣтъ окружаетъ меня, спокрашно яснѣйшій солнечныхъ посреди лѣта лучей, и столь крошкѣй и пріятный, что нѣжа сладостно чувства, наполняетъ и уполяетъ ихъ неизреченною роскошью.

Приди. — Я сижу на огненной колесницѣ. *Феррара*, шолко гордящаяся пространствомъ окрестностей и величествомъ башенъ своихъ, исчезаетъ во взорахъ моихъ. Высоковыйный *По*, дерзающій препираться съ моремъ; *По*, пріемлетъ видъ узкой бѣлой сбези; пошомъ шеряется во мракѣ. Колес-

ница между тѣмъ возносілся быспро сквозь облака; я пребываю въ безмѣрной обширности воздуха — единственной стихіи достойной великихъ умовъ.

Пойдемъ куда насъ лучшая судьба зоветъ. Наконецъ, о Тассъ, день торжества швоего долженъ возсіяшъ. — Такъ, я съ побою; небо даровало мнѣ сію блаженную участь, о кошорой я шоль долговременно воздыхалъ; и шы знаешь, достоинъ ли я шого.

Она обращаетъ на меня взоръ свой: душа въ очахъ ея вся душа. — О! истинный огомъ шотъ, кошорымъ, заключа въ объятія свои, жжешь шы меня, жена божественная! на земли, гдѣ много я горѣлъ, никогда не испыталъ я шоль оштраго, шоль сладоспρασшнаго чувсшва. Молчи, вознесемъ еще выше; и долгое дышаніе воздухомъ сихъ небесныхъ спранъ очиспишъ все, что оспаешся еще земнаго въ швоемъ любовникѣ.

Радуга прекрасныхъ цвѣшовъ Иридиныхъ близко уже. Бѣлые кони, влекущіе колесницу, несутся на скорыхъ крилахъ своихъ быспрѣ къ сей радугѣ. Пучина новаго свѣша льетъя внезапно отъ ея средошочія, и прорванное облако въ ошверсшыхъ нѣдрахъ своихъ представляешъ новое чудо.

Се, се конецъ длиннаго пущи. Лучшая

спрана ожидаешъ насъ, гдѣ чистыхъ склон-
ностей не возмущаешъ черное подозрѣніе,
ниже зависти превозжишь, ниже гордость
преслѣдуешь. Тамъ смѣющіяся долины, и
безопасныя жилища, гдѣ въ благоуханіи по-
священныхъ любви миршovýchъ деревьевъ, лю-
бовь наша сама собою пишашься будешь, и
сама себѣ любовь наша будешь достаточ-
на шолпа друзей идешь на встрѣчу
намъ сойдемъ съ колесницы — о бла-
женство! . . . Все прошедшее исчезаетъ
въ умѣ моемъ. Не остается ни малѣйшаго
въ сердцѣ моемъ волненія. О Елеонора! ты
моя! моя, такъ что никто не поспоритъ
въ томъ со мною: обойми меня. Нѣкій богъ
тебя мнѣ далъ; или ты сама — ты мой
богъ.

Ахъ! умри — умри; избавь самъ себя
отъ сныда. Что другое остается тебѣ?
или что другое надобно? О! давно
уже сія несчастная надобность мучитъ ме-
ня; и не имѣю силъ нѣтъ не
имѣю силъ даже умереть.

Не сонъ ли то былъ? Какъ почиашь
сномъ то, что я сими глазами моими ви-
дѣлъ? . . . То, что я сими руками моими. . . ?

Я уже стоялъ на землѣ. Ей, вспавшей
уже и хошащей сходить, подавалъ руку. Я
это такъ твердо помню, что усумнишься
въ томъ было бы безуміе.

Ахъ! мнѣ бы надлежало, какъ она сходила, прижать ее къ себѣ. Проклятые кони, пощекотавши наши пушмы въ шпрывъ, не унесли бы ее отъ меня. Я самъ виноватъ.

Но ты! О язва смертоносная и любезная! какимъ образомъ, созданная для сохраненія природы, для жизни сердецъ, шакъ часто прешворяешься ты въ ядъ, и дѣлаешься хуже смерти? Никшо не говори мнѣ о любви сгоните ее съ земли. Мѣсто ея не здѣсь, въ адѣ тамъ ея мѣсто.

А ты, которая напоследокъ была моя гдѣ ты? . . . Чья ты теперь? Увижу ли-я тебя?

Говорите мнѣ о ней одной, и всегда о ней. Несчастное сердце сіе не можетъ заниматься ни чѣмъ другимъ: не хочешь ни чѣмъ другимъ заниматься, хотя бы и могло.

О! все шемнѣетъ. Полъ дрожитъ. Я не могу споять. — Вотъ конецъ моимъ бѣдамъ.

Б Д Ъ Н І Е XXXIV.

Я свободенъ! нѣтъ, мнѣ эшо не почувдилось. Дверь отворена. Онъ сказалъ ясно. Я свободенъ.

О Небо! что я дѣлалъ? Что такое думалъ? — Не помню. Сонъ какой долгой сонъ! — Ахъ! Торквашо! какъ эшо можно? Въ какое бѣдспвенное упалъ ты состояніе? Приготовимся къ ошѣвзду.

Но какіе эшо лиспки? свидѣтели безпорядка въ умѣ моемъ. — Спупайше, будыше, раздранные на тысячу лепеспкховъ, игрою вѣпровъ, о печальные свидѣтели слабости моей! да не останешся ни малѣйшей памяши ни объ васъ, ни о моемъ спыдѣ.

Но нѣтъ; оспавайшесь. Никогда не было постыдно любить превосходное существо; и всякому должна быть священна невинная склонность, какой душа моя предалась. Ипакъ оспавайшесь.

Я просмотрѣлъ сіи лиспки. О какая любовь есть преужасная болѣзнь! не желалъ бы я никогда больше зараженъ быть ею.

Суешное однакожь припворсство. Ужасная болѣзнь сія много имѣетъ въ себѣ прельщающаго душу. Сіи самые лиспки, въ которыхъ собраны нѣкошорыя шокмо искры сильнаго снѣдающаго меня пламени, сіи самые лиспки производяшъ во мнѣ слезное

нѣкое умиленіе. . . Ахъ! всякъ, кто знаетъ любовь, конечно пожалѣетъ обо мнѣ.

Но много есть и суровыхъ людей. Они станутъ осуждать, что Тассовъ умъ на нѣкоторое время былъ мертвъ. Сокроемъ листы сіи опъ нихъ. Они выведутъ изъ того зловердныя для меня заключенія. . . .

.

 *).

Но когда нибудь издадутся въ свѣтъ. Я не буду больше въ живыхъ. Тогда будутъ ихъ чипать съ жадностію, можетъ быть также и съ чувствомъ сожалѣнія. Я больше всего желаю, чтобы чипали ихъ съ пользою. Великой урокъ даю я симъ моимъ умоповрежденіемъ!

*) Мѣста сего въ подлинникѣ не можно было разобрать.

К Р А Т К А Я

И

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПАГУБНЫХЪ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ ПОМЫСЛАХЪ,
О ВОЙНАХЪ ЕГО СЪ ГИШПАНИЕЮ И РОССИЕЮ, О ИСТРЕ-
БЛЕНІИ ВОЙСКЪ ЕГО И О ВАЖНОСТИ НЫНѢШНЕЙ НѢ-
МЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

Книжка, въ утѣшеніе и наставленіе Нѣмецкому
народу сочиненная.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

отъ трудившагося въ переводѣ.

Книжка сія показалаь мнѣ достойною перевода на Руской нашъ языкъ. Она исполнена духомъ любви къ правдѣ, къ благочестию, къ добронравію. Нигдѣ не господствуетъ въ ней языкъ лжи. Сила ея состоитъ въ чувствованіи, краснорѣчіе въ истиннѣ изображаемыхъ событіи. Сего довольно, дабы во множествѣ издаваемыхъ книгъ быть ей въ числѣ немногихъ. Въ концѣ ея сказано: geschrieben zu Dresden in den ersten tagen des Aprils 1813, т. е. писана въ Дрезденѣ въ первые дни Апрѣля 1813. Слѣдовательно почти ровно за годъ до окончанія войны. Наставленіе Нѣмцамъ не худо прочитатъ и всякой Державы людямъ, когда они желаютъ быть истинными сынами своего отечества. Сочинитель ея неизвѣстенъ.

К Р А Т К А Я

и

СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ

О ПАГУБНЫХЪ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ ПОМЫСЛАХЪ,
и проч.

Около двашцати цѣпи лѣтъ шому назадъ, въ 1788 и 1789 годахъ, поднялся во Франціи сильный и спрашный пожаръ, кошорой съ того времени смершоубійствомъ, кровопролипіемъ, грабежами и мучишельствомъ свирѣпствовалъ, и поднесъ еще продолжаетъ свирѣпствовать. Сей пожаръ охватилъ сперва Францію, и опшуда въ многіе годы распроспранился во всѣ пограничныя области. Нѣмецкая земля, Италія, Швейцарія, соединенныя Нидерланды чувствовали ярость его и пагубу. А въ послѣдніе годы достигъ онъ до опдалениѣйшихъ земель, такъ что Гишпанія и Португалія и Польша и Россія почувствовали оный. Одиѣ только уединенныя земли, какъ-то: Швеція,

Норвегія, Англія, захищені були моремъ; однакѣмъ и онѣ многими нуждами и жестокими войнами испытывали, коль злополучное настало время. Причиною же всеобщаго нещастія было слѣдующее.

За сто лѣтъ до сего появилось во Франціи богомерзкое скопище кощунствъ и сластолюбцевъ, которые всему насмѣхались, что человѣку было свято и почтенно, которые всякую вѣру и богослуженіе пусшымъ мифіемъ называли, всѣ преданія и откровенія Божескія опровергали, и безъ закрывки говорили: „нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ сластолюбія; все послѣ сей жизни прахъ и пѣлъ, и пѣлъ останешся. Богъ и безсмертіе и воздаяніе суть мечты слабоумія.“ Ядъ сихъ непотребныхъ людей разливался по всѣмъ странамъ, достигъ и въ наше отечество, въ Нѣмецкую землю. Равнодушіе къ святости и вѣчности, презрѣніе ко всѣмъ нравамъ и обычаямъ, суемудріе въ вѣрѣ, лжепопеченіе Божескихъ откровеній, алчность къ земнымъ благамъ вмѣсто небесныхъ, забвеніе старой Нѣмецкой вѣрности и чести — вопъ на что пятьдесятъ или сорокъ лѣтъ справедливо жалуются честные и добрые люди. Мы уже не такъ крошки и вѣрны, какъ были; мы не любимъ больше съ такою искренностію нашего Бога, наше отечество, нашу свободу и честь,

съ какою любили ихъ наши праошцы. Какъ худо было у насъ, такъ же худо было и у другихъ народовъ. Когда люди шаковы, тогда наказаніе Божіе близко; онъ покажешъ тогда имъ, что живешъ въ небѣ одинъ надъ всѣми. Богъ наказалъ свѣтъ пуснымъ и дикимъ крикомъ о вольности и равенствѣ, обуянiемъ и ослѣпленiемъ всѣхъ сердецъ и умовъ, и кровожаднымъ и ненасытнымъ мучипелемъ, кошорому онъ, какъ почному подобію сапаны и сапанинской хипроспи и насильства, възспасть попустилъ.

Такъ какъ люди во Франціи и во всей Европѣ отъ Бога и отъ старой вѣры ошпали, и всякою нелѣпою ложью сердца свои наполнили, то дерзкіе безумцы сіи возмечшали, что они такъ же всевѣдущи и премудры, какъ самъ Богъ, и могутъ въ одну минуцу все то сдѣлать, что долговременно вѣковъ приуготовлено или самимъ Богомъ въ сердца ошцовъ ихъ, лучшихъ члвкъ они, вложено было. Надувался умичаньемъ и спбсью, какъ они надъ Святымъ Евангеліемъ и Божесшвенными ошкровеніями издѣвались, такъ и всѣ успавы и учрежденія, благоразумными и чесными мужами въ прежнія времена пошпановленные, выдавали за нелѣпыя и глупыя, и хваспали такимъ пошпановленіемъ правительства и вольности и блаженства, какого до нихъ никогда на

земли не бывало. Симъ омрачали многія сердца и обманывали легковѣрный народъ, и наконецъ сіи дурные, упрямые и злонравные люди думали, что они одними помыслами и лжеумствованиями своими по сдѣлають, что предки ихъ съ вѣрностію и добродѣтелию основали. Сіе произвело, что съ 1780 года пусторѣчіе о *всеобщемъ равенствѣ и вольности, о неотъемлемомъ правѣ теловѣтскомъ, о верховной власти народа*, и о другихъ справедливыхъ и несправедливыхъ вещахъ, одержало верьхъ; а въ чемъ состоятъ истинная вольность и равенство, что такое священное право людей и въ какомъ случаѣ народъ должно всего выше поспавлять — того они не знали. На послѣдокъ въ 1788 и 1789 годахъ вспыхнулъ огонь, кошорый долго шѣлъ въ пеплѣ, и съ величайшимъ свирѣпствомъ охватилъ всю Францію. Вредоносное лжесіяніе его было такъ велико, что и въ другихъ земляхъ такіе же безразсудные и злонравные люди имъ ослабились. Въ немногіе годы весь старый порядокъ вещей былъ опрокинутъ, законъ поруганъ, Король казнень, кровопролишіе, насильство и опустошеніе повсюду распространились. Нѣсколько наглыхъ злодѣевъ господствовали посредствомъ наведенія ужаса, и лицемѣрствуя употребляли имена *правосудія, вольности, равенства, возстановленія, перерожде-*

нія, кошорыми они людей и народы дурачили и обманывали. Въ шожъ время распро-
спранилась изъ Франціи жестокая война,
кошорая всѣми адскими хитростями разду-
ваема и производима была, и всѣ земли ра-
зоряла и опустошала; въ нѣдрахъ же Фран-
ціи происходило самое лютое смяшеніе,
одна часть людей искореняла другую, одно
учрежденіе опровергалось другимъ, одна
мерзость заступалась другою; ничего не
было швердаго и посполнаго у шѣхъ, ко-
шорые обѣщали основашъ вѣчнопробываю-
щее, праведное и свободолубивое царство.
Такимъ образомъ большая часть гнусныхъ
преступниковъ и убійцевъ, навлекшихъ шоль
великое несчастіе на свое отечество, соб-
ственными своими ученіями и пороками бы-
ли наказаны и погибли.

Въ семъ сосполніи дѣлъ, Богъ, въ чеш-
вершомъ году войны и въ осьмомъ году Фран-
цускаго возмущенія, воздвигъ человекъ, ко-
шорый дѣло срама увѣнчашъ и всему свѣшу
открышъ долженствовалъ, какіе плоды вре-
мена безвѣрія и безбожія приносяшъ: сей
человѣкъ назывался Наполеонъ Бонапарше.
Онъ родился на островѣ Корсикѣ, въ Среди-
земномъ морѣ не подалеку отъ Италіанскихъ
береговъ лежащемъ, и обитаемомъ дикимъ,
въ мѣшежахъ и грабительствахъ упражняю-
щимся народомъ. Уже болѣе двухъ тысячъ

лѣтъ островъ сей славится разбоями, убійствами, предашельствомъ и всякими непошребствами, и понынѣ шаковъ же, шахъ чю Ишаліянцы не охотно подѣ одною кровлею съ Корсиканцомъ остаются. Сія разбойниками и душегубцами богатая земля долженствовала изъ нѣдръ своихъ изрыгнуть изверга, которой бы свѣтъ за грѣхи его наказалъ, и припомъ былъ бы явнымъ знаменіемъ, накого человѣка заслужили имѣть главою своею тѣ, копорые Наполеона освободителемъ, возстановителемъ, и обновителемъ свѣта, и воеводою и путеводящею звѣздою девятагонадесять вѣка называли.

Бонапарте началъ служить во Французской народовозмущительной войнѣ поручикомъ въ артиллеріи, и во всѣхъ случаяхъ отличался проворствомъ, смѣлостію и храбростію; сверхъ того былъ онъ лукавъ, скромень, честлюбивъ, умѣлъ льстить и вкрадываться въ тѣхъ, копорыхъ власъ и покровительство могли проложитъ ему путь. Особливо же подольстился онъ къ Барасу, человѣку, имѣвшему въ 1795 по 1799 годъ великую во Франціи силу, женился на его наложницѣ, вдовѣ Жозефинѣ Богарней, и былъ чрезъ него опредѣленъ главноначальствующимъ надъ Французскими войсками въ Италіи. Сіе случилось весною 1796 и

было первою великою ступенью его высокаго щастія.

Бонапарте появился съ Италіянскою хитростію, смѣлостію и проворствомъ, и приобрѣлъ надъ своими мешкашными и несогласными непріятелями чрезъ кровопролитныя битвы, а еще болѣе чрезъ обманчивые договоры, великія выгоды. Многіе думали, что онъ будетъ чрезвычайный мужъ и содѣлается ушѣшеніемъ рода человѣческаго: но нѣкоторые предвидѣли уже въ глубокой хитрости и непреклонной спрого-спи, даже и въ самой величавой ласкѣ его, шавшагося шигра, который сжашые когти свои нѣкогда распустишь. Кровавыми побѣдами и раздѣленіемъ непріятельскихъ силъ Бонапарте покорилъ Италію, и Австрія заключила съ нимъ перемиріе, за коимъ долженствовало послѣдовать всеобщій миръ. Посреди мирныхъ договоровъ, происходившихъ въ Раштадѣ на Рейнѣ, отправился Бонапарте весною 1798 на прекрасномъ флотѣ съ избраннымъ изъ 45000 человѣкъ состоящимъ войскомъ, въ Египетъ, дабы завоевать сію землю и въ иныхъ часляхъ свѣша подѣлать великія дѣла. Между тѣмъ какъ онъ шамъ шо побѣдитель, шо побѣжденный съ перемѣннымъ щастіемъ воевалъ, въ Европѣ снова возгорѣлась война, которая для Французовъ была весьма несчастлива,

пакъ что они всѣхъ войскъ и большой части завоеванныхъ земель лишились, и свѣтило щасія ихъ казалось бытъ заходящимъ. Но что потеряли они оружіемъ, то приобрѣли опять взаимною непріятелей своихъ враждою. Обладатели и полководцы пакъ ослѣплены были, что они по десятилѣтнемъ испытаніи не могли еще понять, какою опасностію угрожала имъ Французская революція. Если бы они между собою дружны были, никогда не могло бы произойти того, что въ прошедшихъ годахъ сдѣлало насъ полъ злополучными.

Когда все во Франціи было въ замѣшательствѣ, несчастіе опъ внѣ, возмущеніе внутри, никакого уваженія къ правящимъ, никакого повиновенія опъ подчиненныхъ, тогда осенью 1799 прибылъ нечаянно моремъ изъ Египта полководецъ Наполеонъ Бонапарте: онъ войска свои оставилъ, дабы во Франціи уловить случай сдѣлаться господиномъ. Дѣйствительно вскорѣ низвергъ онъ господство шѣхъ, кошорые подъ именемъ правителей (директоровъ) высочайшую власть имѣли, разогналъ помощію солдатъ всѣхъ другихъ сильныхъ, и сдѣлался въ званіи перваго Консула верховнымъ правителемъ. Послѣ того велъ онъ съ большою силою войну, одержалъ великія побѣды, и принудилъ Нѣмецкую и другія державы къ миру,

которымъ онъ опъ Нѣмецкой области многія прекрасныя земли и города опнялъ, и многія другія государства привелъ въ зависимость опъ Франціи. Одна только свободная и смѣлая Англія стояла непоколебимо, и по крашкомъ мирѣ вступила опяшь въ войну съ Франціею.

Бонапарте, ставъ первымъ Консуломъ и обладателемъ Франціи, морочилъ и обманывалъ еще словами вольности, правосудія, человеколюбія и миролюбія; но годъ опъ году показывалъ больше и больше, чтоо такое онъ и чего хочетъ. Никогда не было на земли обладателя, который бы подобно ему съ такимъ успѣхомъ употреблялъ ложь и подъ пестрымъ покрываломъ ея столько оскорблялъ добродѣтель и правду. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ злѣйшихъ и законпреступнѣйшихъ людей, которыхъ Французское народовозмущеніе во всѣхъ козняхъ пороковъ и непогрѣбности сдѣлало истуканными, дабы они ему царствовати и какъ свой, такъ и чужіе народы поработчати помогали. Все же то, что свободу, истину, правосудіе, человечество и вѣрность любило, онъ сбросилъ, прогналъ, сослалъ, започилъ, казнилъ. Ужась и насильство царствовали во всей Франціи, правда опмѣла, правосудіе ушло на небо, и въ немногіе годы на лобныхъ мѣстахъ и въ темницахъ по-

гибло болѣе несчастныхъ жертвъ, нежели пало оныхъ въ царствованіе десяти Королей. Сверхъ сихъ кровавыхъ насильствъ, коими онъ бодрость и духъ людей ослаблялъ и обуздывалъ, собралъ Бонапарше шоль великое число войскъ, что всѣ другіе обладали также власти его шрепешать долженствовали. Онъ упошребилъ на шо силы всей Франціи, Италіи, Нидерландовъ и части Нѣмецкой земли (въ которую онъ посреди мира вошелъ и расхишилъ и ограбилъ), шакожъ и великую дань, какую плашили ему Гишпанія и Португалія.

Когда сей властолюбивый и кровожаждущій человекъ шакихъ людей, коихъ добродѣтель и честность ему опасны были, избавишся хотѣлъ, шо производилъ онъ сіе адскою хитростію пайной своей полиціи, надъ которою начальствовалъ отличный злодѣй Фуше, и оплешалъ ихъ шакою сошканною изъ клеветъ и предашельствъ сѣтнію, что они изъ ней никакъ выпуташся не могли. Такимъ образомъ подъ предлогомъ измѣнниковъ прошивъ опечесства и умышлявшихъ прошивъ его особы многіе казнены, другіе посажены въ шемницу, и шамъ удавлены, нѣсколько сошъ сосланы за море на острова и берега южной Америки, дабы они шамъ въ бѣдности и безъизвѣстности померли. Явнымъ шаже знакомъ крошкаго и

правосуднаго царствованія сего чловѣка служить, что во всей Франціи, во всякой округѣ, построены новыя шемницы для содержанія въ нихъ шакъ называемыхъ Государственныхъ преступниковъ. Бонапарте званіемъ и власною перваго Консула не былъ доволенъ; ему хотѣлось получить бѣльшее сего имя. Дабы дать себѣ оное и господство свое еще болѣе распространить, надобно было ему прибѣгнуть къ новымъ смертоубійствамъ и произвести ихъ съ нестрепетною свирѣпостію. Сперва велѣлъ онъ одного изъ Князей ошъ древней крови Королей Французскихъ, прекраснѣйшаго и храбрѣйшаго изъ всѣхъ, солдатамъ своимъ среди мира въ Нѣмецкой землѣ схватить и близъ Парижа разстрѣлять. То былъ Ангійскій Герцогъ, юноша въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и который прекраснымъ спаномъ своимъ и мужественнымъ сердцемъ приводилъ добродушнѣйшаго Короля Французскаго на память. Вскорѣ потомъ раздался изъ Парижа слухъ, что открылось пагубное и страшное злоумышленіе противъ щастія и свободы Французовъ, противъ жизни перваго Консула, и что многіе знаменитые люди въ шомъ замѣшаны, между прочимъ оба славные полководца, Пишегрю и Моро. Въ самомъ же дѣлѣ хотѣлось ему погубить Генерала Моро, который по великимъ своимъ

Ча с ш ѣ Х.

дѣламъ и по достоинству права былъ изъ всѣхъ Французскихъ полководцевъ налюбимѣйшій и самопроизвольному возникенію власти его наиопаснѣйшій. Судъ надъ сими мужами былъ безпорядочнымъ и насильственнымъ образомъ наряженъ, и такимъ же образомъ произведенъ въ дѣйство: Пишегрю въ темницѣ задушенъ, Моро сосланъ въ Америку, изъ остальныхъ иные казнены, другіе, которыхъ выдали за согласниковъ и за орудіе, прощены. Бонапарте послѣ сего вслѣлъ провозгласить себя Французскимъ Императоромъ, а попомъ вскорѣ Королемъ Испаніи, и осенью 1804 въ главной Парижской церкви короновался.

Между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ жестокостями, обманами и насильствомъ внутри Франціи возносился на высоту господства и власть свою происками и разбоями полиціи, шакожъ и щедро награждаемыми Министрами, Совѣтниками, Маршалами, пѣлохранищелями основывалъ, пожиралъ онъ въ Франціи, какъ ненасытный волкъ, все больше и больше вокругъ себя, и глошалъ одну землю послѣ другой въ хлябъ своего властолюбія, поступая съ Царями и Царствами съ несносною гордостью и величавостію. По сей причинѣ осенью въ 1805 году возгорѣлась противъ него сильная война, въ которой Англія, Россія, Австрія,

Швеція и другія державы учаспвовали, и копорая могла бы усмирить его, еслибъ союзъ сей между обладаателями былъ тѣснѣе и вѣрнѣе наблюдаемъ. Война сія при первомъ объявленіи своемъ началась несчастными произшествіями: Князи Баварскій, Виртембергскій, Баденскій, и великій Канцлеръ Имперскій Карлъ Фонъ Далбергъ, который хошѣлъ всегда слыть опчизнолюбцемъ, опорваны были силою непріятели опъ Имперіи, перешли къ Французамъ, и усиливали ихъ войска. Австрія была побѣждена и заключила миръ, копорымъ она владычества своего надъ Нѣмецкою страною, предстѣнилъ Государства своего Тироля, и многихъ прекрасныхъ земель лишилась. Вся Нѣмецкая земля опкрыта была побѣдителю; онъ поступалъ съ нею съ жесточайшимъ самовластіемъ, и наконецъ объявилъ себя основателемъ новаго Нѣмецкаго союза, коимъ свобода и благоденствіе Нѣмецкой земли должны спвовали начаться, и копорый назвалъ онъ Рейнскимъ союзомъ; но то былъ не союзъ, а постыдное рабство, въ которое низвергъ онъ всю южную Нѣмецкую землю.

Это было только начало. Онъ опчасу больше вокругъ себя заграблывалъ, и сѣверную Нѣмецкую землю, въ помъ числа и Пруссію такъ припѣснилъ, что ей между войною и раболѣпствомъ другаго выбора

*

не оставалось. Пруссія вела войну сію весьма несчастливо; чрезъ что союзные нынѣ съ Франціею южно-Нѣмецкіе обладатели послѣднія свободныя земли и города Нѣмецкаго царства привели въ порабощеніе, и Нѣмецкія братья другъ противъ друга въ братоубійственныхъ битвахъ сражались, и собственнаго рабства своего оковы крѣпче смыкали: старое Нѣмецкое несчастіе! также многіе и сѣверной Нѣмецкой земли Князья должны уже были къ сему такъ называемому Рейнскому союзу приставать, и войсками своими и всякаго рода пособіями чуждаго мучишеля усиливать. Тогда вся Нѣмецкая земля грабежу и насильству безвозбранно предлежала; всѣ города, крѣпости и берега чужеземцами заняты; Французы и друзья ихъ начали правительствовать, а честные и вѣрные Нѣмецкіе мужи за то, что опечесство свое и правду и правоту любили, посажены были въ шемницу или на площади убиты, и нужда, мучительство и опчающее день отъ дня возрастали. Чуждый поработишель велѣлъ льстецамъ своимъ называть себя *миродарователямъ*, *свободовозстановителямъ* и *свѣта-облагодѣтельницамъ*. Безстыдство достигло до такой высокой степени, что ложь предъ лицомъ Бога и свѣта нагнѣйшимъ образомъ выдавала себя за правду, и многимъ едва казалась ложью.

Щастіе, такъ скоро Бонапартія съ ступени на ступень возводившее, наконецъ его ослабило, и онъ пошчасъ послѣ Тильзитскаго мира, послѣ котораго вся Нѣмецкая земля подъ власть его упала, покусился на новый обманъ и злодѣйство, кои не такъ ему удались, какъ прежніе. Гишпанія недостойнымъ временщикомъ, вмѣсто Короля управлявшимъ ею и называвшимся Княземъ мира, вся какъ бы измѣнически продана была Франціи: флоты ея, войски, казна — все было въ полномъ распоряженіи Бонапартія: она казалась бытъ Французскимъ удѣломъ. Однакожъ ненасытное властолюбіе его не было тѣмъ довольно: Гишпанія долженствовала бытъ порабощена и Французскими полководцами и градоначальниками обладаема и опъ Французскихъ солдатъ и разбойниковъ расхищена и опустошена; духъ гордаго и величаваго народа долженъ былъ привыкнушь къ стыду и рабству. Подъ видомъ, будто бы, для посращанія приверженныхъ къ Англіи Португальцевъ, вошли осенью 1807 Французскія войска въ Гишпанію, и внезапнымъ обманомъ взяли оба главные ключа ея, Барселону и Пампеллону. Въ тожь время Парижскія и Бонапартіевскія змѣинныя хитрости тайнымъ образомъ дѣйствовали въ Гишпаніи, и сѣяли подозрѣніе, раздоръ и предательство. Но гнѣвъ

Гишпанскаго народа, который порабощить мнили, наконецъ воспрянулъ: старый слабый Король ошчужденъ отъ самодержавства, предатель отечества Князь мира вверженъ въ темницу, и старшій сынъ Короля, Князь Асшурійскій, подъ именемъ Фердинанда седмаго, возведенъ на престолъ. Сіе происходило осенью 1808.

Какъ ни была сія развяска обстоятельствомъ досадна Бонапартію, но онъ взялъ на себя совсѣмъ иной видъ, и пришворяясь изъяслялъ юному Королю Гишпанскому дружелюбивѣйшія чувствованія. Онъ пригласилъ его для совѣщанія и разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ прїѣхать на границу Гишпанскую. Фердинандъ, не подозрѣвая ничего худаго, поѣхалъ ему на встрѣчу. Но лишь только приближился онъ къ границѣ, какъ Французскіе солдаты его схватили, и отвезли насильно въ Баіону, городъ въ южной Франціи, гдѣ Бонапарте уже находился. Тамъ одержали его, какъ пѣнника; Королевскіе родители его, прочіе Принцы, и Князь мира, пудажъ привезены; низведение съ престола стараго Короля уничтожено; Фердинандъ седмый объявленъ возмущителемъ; старый Король поднесъ добровольно, изъ благодарности — пакъ эшо разглашалось — Гишпанскую корону и всѣ Королевскія права (которыми онъ дарить не могъ), *пріятелю своему и*

освободителю Наполеону, а сей великій освободитель и возстановитель Гишпанскаго сіянія и славы, нарекъ вмѣсто себя брата своего Іосифа, такъ называемаго Короля Неаполишанскаго, Королемъ Гишпанскимъ. Гишпанскіе же Короли и Принцы во Франціи посажены въ шюрму.

Едва въ Гишпаніи пронесся слухъ, что сдѣлалось въ Баіонѣ, какъ все гордостію, яростію и мщеніемъ воспыало прошивъ вѣроломнаго измѣнника, кошорой себя союзникомъ Гишпанскаго народа, другомъ Короля, и возстановителемъ Гишпанской чести называлъ. Въ сполицѣ началось: Мадридъ первый въ Маіѣ мѣсяцѣ благороднымъ гнѣвомъ воскипѣлъ, а потомъ вскорѣ и весь народъ поднялъ прошивъ Французовъ оружіе. Зяпъ Бонапаршівъ, Мюрашъ, тогда еще великимъ Герцогомъ Бергскимъ, а послѣ Королемъ Неаполишанскимъ называвшійся, былъ съ жадными своими грабителями выгнанъ изъ города; Француской флотъ въ Кадиксѣ сдался; Французское войско, 25000 человекъ, не подалеку отъ Кордовы разбито и въ полонъ взято; повсюду возстаніе, вопли мщенія, кровавое гоненіе на Французовъ и приверженныхъ къ нимъ; вскорѣ Бонапаршію объявлена война, а съ Великобританіею заключенъ союзъ; Португаліа Англическими высаженными на берегъ войсками

покорена; въ Аррагоніи явился благодушный Палафоксъ, сей доблій подвижникъ, копорый небо и землю призывалъ въ свидѣтельство Гишпанскаго срама и Француской измѣны, и внушилъ соотечественникамъ своимъ такую душу мужества и меспи, что вокругъ Сарагоссы многія тысячи Французовъ изрублены въ куски.

Европа обрадовалась, Бонапарте удивился и ужаснулся. Онъ искалъ, угрожавшую въ Гишпаніи бурю укротить, и послалъ шуда спрашное число войскъ, споявшихъ въ завоеванной имъ Нѣмецкой землѣ. Гишпанцы не могли шоль великой силы его удержашъ: онъ вошелъ въ сполічный городъ ихъ Мадридъ и прогнаннаго брата своего Іосифа посадилъ снова на престолъ. Тутъ возгласилъ онъ громко: *презрѣнныя и невоинскія скопища людей, возставшія противъ законнаго Короля ихъ Іосифа, разсѣяны и уничтожены; бунтовщики сіи (шакъ называлъ онъ ихъ) не могутъ болѣе возбуждать народъ къ войнѣ; одного Францускаго порутика довольно теперь, чтобъ довершить покореніе Гишпаніи.*

Бонапарте не имѣлъ времени оспавашъся долѣ въ Гишпаніи, можетъ быть и не смѣлъ. Онъ боялся гнѣва и мщенія благороднаго и гордаго народа, съ которымъ онъ шоль измѣническимъ и оскорбительнымъ.

образомъ поступалъ. Австрійскій дворъ чувствоваль утраты свои съ 1805 года, и рѣшился пошерянное господство свое возвращать: весною въ 1809 объявилъ онъ Бонапартію войну. Сія война ведена была съ великою честію и перемѣннымъ щастіемъ; при бѣльшей подвижности и дѣятельности, при бѣльшемъ единствѣ въ намѣреніяхъ и смѣлости въ исполненіяхъ, при вѣщшемъ мужествѣ и високомъ чувствѣ, влечь Нѣмецкій народъ съ собою въ сію священную войну, опечество могло бы въ сіе лѣпо бытъ спасено. Однакожъ Ваграмъ и Эслингенъ, Сперцингенъ и Бергъ-Изель всегда съ радостію въ устахъ Нѣмецкихъ мужей будущъ твердятся; поспоянство и любовь къ опечеству храбрыхъ Австрійцевъ, доблестіе Тирольтцевъ и безсмертнаго ихъ предводитиеля Андреаса Гофера фонъ Пассеира, смѣлость и нещастіе Дренберга, храбрость и паденіе Шилля, высокій духъ и неустрашимость Вильгельма Брауншвейгскаго, и шоль многихъ другихъ Нѣмецкихъ мужей печальная не по достоинству судьба, останущая на всегда незабвенными. Также и сію горестъ честный Нѣмецъ долго не позабудетъ, что Нѣмецкія войска прошивъ Австріи и Нѣмецкаго опечества за Французовъ воевалъ и Нѣмецкую честъ и свободу угнѣбшашъ должны были: сто тысячъ Нѣм-

цовъ подъ Бонапаршевыми знаменами сражались, и всегда въ битвахъ выставляемы были впередъ, чтобъ первые падали и Французовъ собою заслоняли.

Въ Гишпаніи между тѣмъ война не престаивала продолжаться съ убійственной и неутолимою ненавистію; Французы хотя и взяли нѣсколько крѣпостей, но Гишпанскаго народа и мужественнаго и гордаго духа его, непреклоннаго къ рабству, побѣдить не могли. Когда Бонапарше Австрійскую войну скорѣе и щасливѣе кончилъ, нежели надѣялся, тогда наводнилъ онъ Гишпанію новыми войсками, проникъ до южнаго моря и облегъ крѣпость Кадиксъ, лежащую противъ Мавританскаго берега. Сіе было осенью 1809 и зимою 1810.

Но въ Гишпаніи были еще благородные мужи, подкрѣплявшіе духъ народной гордости. Палафонсъ въ Сарагосѣ, главномъ городѣ Аррагоніи, мужественно защищавшійся, взявъ въ плѣнъ, отвезенъ во Францію, и тамъ въ темницѣ умерщвленъ. Но доблесть его и доблесть многихъ другихъ превосходныхъ мужей жила неисребимо въ сердцахъ Гишпанцевъ, и воспалала ихъ ко всякой силѣ и крѣпости. Изъ числа живыхъ больше всѣхъ сіяли знаменимый полководецъ Графъ Романо, который, дабы стоявъ за свободу отечества своего, бывшія подъ на-

чальствомъ его во Француской службѣ войска отъ Балтійскаго моря увезъ и къ опечеспвленнымъ берегамъ приплылъ; Герцогъ Альбукиркъ и Инфаншадо, военачальники Одонель, Баллесперось, Кампо-Верде, Мина, Эмпецинадо, Аббадіа; а въ народѣ пламенѣло упованіе на Бога и любовь къ опечеспству, которую никакія чародѣйства обмануть, никакія преперпѣнныя ими пораженія разрушить, никакія жестокости и казни устрасить не могли: Гишпанская война сдѣлалась войною всего народа. Припомъже на Гишпанской землѣ появился великій Англинскій полководецъ Маркизь Веллеслей, который попомъ за одержанныя имъ надъ Французами побѣды названъ Лордомъ Веллингтономъ и Герцогомъ Кьюдадо - Родригскимъ. Сей во многихъ сраженіяхъ разбилъ Французовъ, и еще больше испоцилъ и упомилъ ихъ своими искусными и благоразумными движеніями и нападеніями и опрѣзываніемъ всякихъ пособій и подвозовъ, шакъ чшо щастіе ихъ весьма медленно впередъ и частно весьма скоро назадъ подавалось.

Гишпанцы сначала вели войну своимъ собственнымъ образомъ: они для опкрытыхъ бишвъ не имѣли достаточнаго искусства и обученія; но страшны были въ малыхъ и частныхъ сраженіяхъ, опрѣзываніяхъ и нападеніяхъ. Почти во всѣхъ округахъ

Гишпаніи частные начальники надъ сонмами, ошъ пѣши сошъ до пѣши и десятии тысячъ проспиравшимися, воевали прошивъ Французовъ по своему: обезпокоивали непріятеля днемъ и ночью, внезапно на него нападали, перехватывали гонцевъ и лазутчиковъ, опрѣзывали подвозы, исчезали, когда непріятель былъ силенъ, и появлялись опять, когда онъ былъ слабъ. — Такъ воевали благородные Гишпанцы, которыхъ Бонапарте презрительными шайками, а предводителей ихъ разбойниками называлъ. Поелику въ груди людей горѣлъ священный пламень къ вѣрѣ, свободѣ, опечесству, и древней чести Гишпанцевъ и Вестготовъ, предковъ ихъ, шого ради всѣ меньшія сего созерцанія преданы были забвенію: свяшый крестъ Спасителя въялъ предъ ними, имя народа и опечесства блиспало аки свяпое сіяніе, — шогда въ смѣлыхъ сердцахъ обитало одно шокмо сладкое чувство мщенія, побуждало въ яростномъ воспаленіи не щадить для него ни имущества ни сокровищъ, ни здравія, ни жизни. Гвериласы — шакъ назывались частныя Гишпанскія ополченія — были вездѣ и нигдѣ. Бонапарте возвѣщалъ побѣды за побѣдами, взятіе крѣпостей, испребленіе всѣхъ войскъ; но повсюду въ Гишпаніи не прешавала продолжашься опчаянная война, и земля сія была лви-

ною пещерою для Францускихъ войскъ: густы приходили они шуда, жидки возвращались назадъ; Францускіе, Нѣмецкіе, Испанскіе полки, состоявшіе при вхождѣ изъ 2000 и 2500 человѣкъ, имѣли при выходѣ не болѣе 150, 50 и даже 25 человѣкъ. Здѣсь предъ высокимъ духомъ и твердою добродѣтелію уничтожилось всякое искусство и наука, цѣлыя воинства съ людьми и снарядами исчезали, и военачальники и полководцы Францускіе возвращались въ Парижъ одни, и сказывались больными. Сію Гишпанскую болѣзнь и въ прежнія времена Императоръ Августъ шамъ испыталъ. Европа видѣла здѣсь свѣтлую, неугасаемую никогда искру свободы.

Да! здѣсь было кровавосвѣтло, а на остальной твердой земли рабствено темно, всего же темнѣе было въ Германіи. Сіе великое, богатое, и есѣли бы единодушно бытъ хотѣло, сильное царство, чрезъ несогласіе такъ глубоко упало, что многіе въ пакивозстаніи его отчаявались. Своевольно и насильственно обладалъ, раздавалъ, дѣлилъ чуждый разбойникъ земли, и распоряжалъ имуществомъ, честію и жизнію Нѣмецкихъ мужей, какъ ему угодно было. Въ 1806 году Ниренбергскій книгопродавецъ Пальмъ хищною рукою былъ взятъ и распрѣленъ; въ 1807 такая же участь постигла многихъ

прекрасныхъ Прусскихъ офицеровъ и чиновниковъ, которые несчастнаго своего опечесства забыть не могли; въ 1809 свирѣпствоваль ужась: Марбургъ, Барейтъ, Везель капали Нѣмецкою пролиптою чуждымъ палачемъ кровію, и что еще рассказали бы хладныя темницы, естлибъ имѣли языкъ! Храбрый Шиль многихъ Французскихъ и Вестфальскихъ плѣнныхъ офицеровъ оппустилъ на честное слово; онъ палъ въ Спральзундѣ съ мечемъ въ рукахъ; нѣкоторые изъ почтенныхъ его соповарищей взяшы въ плѣнъ: изъ сихъ чудовище распрѣлялъ въ Везелѣ двѣнаццать офицеровъ, и бывшихъ съ ними слугъ сослалъ на капоргу. Храбрые Тирольтцы воспали за Нѣмецкую свободу и Нѣмецкое опечесство; изъ среды ихъ лѣтомъ 1809 возникъ добледушный, природною своею добродѣтелію Князей и полководцевъ превышающій: то былъ Андреасъ Гоферъ, прозываемый Зандвиртъ, просшой содержатель гостиницы и купецъ изъ Пассеира. Онъ былъ спрашенъ въ бою и милосердъ въ побѣдѣ. Когда несчастный миръ безполезную Австрійскую войну кончилъ, тогда и Тиролю возвѣщено было прощенье и забвенье, но не исполнено: многія сотни храбрыхъ Тирольтцевъ, прешавшихъ опъ брани, ввержены въ темницу, распрѣлены и повѣшены; также и Гоферъ былъ напоследокъ измѣн-

нически схваченъ, въ Италіанскую крѣпость Маншуу привлеченъ, и какъ возмущитель прошивъ господина Нѣмецкой земли, Бонапартія, разстрѣленъ. Онъ умеръ съ такимъ же твердымъ духомъ, съ какимъ жилъ. Вся Нѣмецкая земля опечалена была смертію сего мужественнаго и добраго человѣка.

Палачи и губители господствовали и повелѣвали въ Нѣмецкой землѣ, господствовали въ ней соглядатели и лазутчики и верхніе и нижніе надзиратели, копорыхъ Французы изъ непопробѣйшихъ своихъ и Нѣмецкихъ плутовъ выбирали: довольно сказать, что сидѣвшіе въ тюрьмахъ за долги, и въ смиренныхъ домахъ, и заклеянные бездѣльники, часто были почтмейстерами и таможенными въ Нѣмецкихъ городахъ.

Нѣмецкихъ владѣтельныхъ Князей Бонапарте ни во что ставилъ: онъ казилъ ихъ подданныхъ, не спрашивая у нихъ; онъ вводилъ войска свои въ ихъ крѣпости и столицы; онъ дѣлилъ и мѣнялъ земли ихъ шуда и сюда; онъ сажалъ и ссаживалъ военачальниковъ ихъ; онъ посылалъ войска ихъ, куда хотѣлъ, и приказывалъ имъ срамно прошивъ Австріи и Пруссіи, и поспѣдно прошивъ свободной Гишпаніи воевать и злодѣйствовать; онъ обезчестилъ старѣйшіе Княжескіе дома бракосочетаніемъ съ пѣми, копорыхъ онъ Князьями своего дому называлъ; онъ

жаловалъ ихъ въ Короли Неаполитанскіе, Голландскіе, Вестфальскіе, въ Вице-Короли Италіянскіе, и въ Герцоги Бергскіе и Невшательскіе; онъ опчасу больше забиралъ Нѣмецкихъ городовъ и земель, и высасывалъ ихъ наводненіями войскъ своихъ, съ коими налепало подобно саранчѣ множество всякаго рода жрущихъ гадовъ, которые подъ тысячами именъ и званій несчастныя земли перзали и мучили.

Не одно было только разрушеніе благосостоянія и радости, но вмѣстѣ и гнуснѣйшее угнѣшеніе словамъ и мыслямъ. Все что было худо, злонравно, раболопно, что золотомъ и сластолюбіемъ развращено, то легко опыскивали Французы, и для себя употребляли; все же благородное и благомыслящее умолкло и скрылось, дабы не попасть въ темницу или на площадь; многіе также честныя Нѣмцы, чтобы не шакъ близко видѣть бѣдность и стыдъ опечесыва свосго, удалились изъ онаго, и жили въ чужихъ земляхъ или сражались подъ Англинскими и Гишпанскими знаменами за свободу. Величайшій Бонапартиевъ бичъ для Нѣмецкой земли былъ Маршалъ Далустъ, которой также Герцогомъ Ауэршпедскимъ и Принцемъ Экмульскимъ именовался, люшой и жестокой человекъ, которой насильство называлъ справедливостію: подъ нимъ со-

спояла шайка лазупчиковъ, клеветниковъ, донощиковъ и лжесвидѣтелей, опъ коихъ никакая добродѣтель и честъ не могла бытъ безопасна.

Точно ли сіе изображеніе? Нѣтъ! почнаго описашъ не можно: попомки наши съ шрудомъ повѣряшъ, что мы времена сіи пережили. Таково было состояніе Нѣмецкой земли въ 1808, 1809, 1810 и 1811 годахъ. Бездѣльники и злодѣи явно уже шоржешествовали и господствовали, и мнили, что они и Французы ихъ всегда будущъ господствовать; вялые и робкіе служили безъ надежды и безъ мыслей; многіе добрые приходили уже въ отчаяніе; нѣкоторые шокмо бодрствующіе надѣялись: они видѣли безпредѣльную неумѣренность пороковъ, они познавали кипѣніе новопворипельнаго духа времени, они почитали Англинскую и Гишпанскую противъ Франціи войну надежно, всего же болѣе полагались на Бога и возмездіе, вездѣ въ бышописаніяхъ примѣчаемое.

Многіе озирались на Россію, зная, что Бонапарте не захочетъ на воспокрѣ оставишь независимое и свободное царство; особливо же обращали взоры свои на нее въ 1810 и 1811 году. Въ послѣдній изъ сихъ Францускія силы въ Нѣмецкой землѣ со дня на день умножались; гарнизоны въ крѣпко-

Часть X.

13

спяхъ на Одерѣ и въ городѣ Данцигѣ были увеличены; войска многихъ Князей Рейнскаго союза поставлены на воинскую ногу; самыя опкровенныя и ласкашельныя Бонапартиевы обнадеживанія, что онъ никогда не былъ въ такомъ согласіи съ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ, какъ нынѣ, означали вражду и войну.

Въ началѣ 1812 года Французскія и союзныя съ ними войска придвигались опчасу ближе къ Одери и Вислѣ; Пруссія должна была заключить пренещасливѣйшій союзъ съ Бонапартиемъ; вскорѣ и Австрія обѣщала ему дать вспомошательныя войска. Къ лѣту 1812 года Бонапарте имѣлъ около Вислы слишкомъ приспа пятьдесятъ тысячъ челоѣкъ, и на пространствѣ двухъ или болѣе сотъ миль позади его вездѣ толпились воины и оружіе. Наконецъ послѣ долгихъ возвѣщеній появился онъ самъ въ Нѣмецкой землѣ, пробылъ нѣсколько дней въ Дрезденѣ, и отправился въ Польшу.

За чѣмъ Бонапарте желалъ войны? частью по врожденной въ немъ къ кровопролитію охотѣ, частью по причинѣ претерпѣнныхъ войсками его неудачъ и поражений въ Гиспаніи: онъ долженъ былъ что нибудь дѣлать, чѣмъ бы привелъ оныя въ забвеніе. Между тѣмъ однакожь, чтобы Пруссію и Австрію напередъ совершенно прогло-

шилъ, старался онъ Россійскаго Императора обманчивыми переговорами и льстивыми обѣщаніями проманишь; но какъ Императоръ предпоставлялъ честь, то война безъ объявленія была объявлена. Іюня въ 12 день Францускія войска перешли за Немень.

Въ сихъ людми, лошадми, снарядами, ружьями, пушками, великолѣпнѣмъ и спройносною, самыхъ блистательнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ войскахъ, какихъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ въ Европѣ не видано, считалось одной конницы 60000 человекъ; многіе, кто ихъ видѣли, думали, что ими весь свѣтъ завоевать можно. Такъ шелъ Наполеонъ лѣтомъ 1812 на брань. Рускіе были гораздо въ меньшемъ числѣ, и для того главной битвы избѣгали, и далеко на многія мили даже до рѣки Днѣпра, гдѣ старалась Руская граница, назадъ подавались. Но скоро вся Россія преобразилась въ воинство. Рускіе не забыли надменности и презрѣнія, съ какимъ Бонапарте и его Французы о Россійской землѣ и народѣ говорили и разглашали; они вѣроломную Корсиканца полишку давно ненавидѣли. Вскорѣ послѣ начала воинскихъ дѣйствій Императоръ АЛЕКСАНДРЪ выдалъ въ лагерѣ при Полоцкѣ на Двинѣ воззваніе къ Россійскому народу, гдѣ объяснилъ ему объявленное громко непріятелемъ намѣреніе, что Рускіе и отече-

*

ство ихъ должны сдѣлаться добычею Бонапартіева властолюбія; гдѣ увѣщавалъ не потерпѣвъ сего, и въ упованіи на Бога и правоту дѣла пребывать, мужественно ополчаться, и во всѣхъ предѣлахъ обширнаго царства восставъ и поражать враговъ; и гдѣ обѣщавъ онъ въ сей великой и священной брани, какъ истинный Россійскій Императоръ, вмѣстѣ съ народомъ твердо стоять. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ пошчасъ послѣ сего побѣхалъ изъ арміи въ Москву, и воззвалъ къ сей древней и достопочтенной Руской Столицѣ, всѣмъ другимъ городамъ и округамъ въ пожертвованіяхъ и любви къ отечеству показавъ примѣръ. Такимъ образомъ объѣхалъ онъ многія другія округи и увѣщевалъ и ободрялъ ихъ. Но они и безъ того были уже къ тому готовы; ибо любовью къ Государю своему и отечеству, и гнушеніемъ и ненавистію къ непріятелю, сами собою на то побуждались.

Съ начала Іюля вся Россія отъ Юга до Сѣвера была въ живомъ, бодромъ и воинскомъ движеніи; изъ каждаго города, изъ каждаго села, или лучше сказать изъ каждаго дому, шли защитники отечества, горѣвшіе желаніемъ въ пользу священной войны кровь свою пролить; куда ни обратишься, всѣ города и улицы наполнены были воинами, ратниками, охотниками; во всѣхъ боль-

шихъ деревняхъ сошны, часто пысячи, или воинскому дѣлу обучались, или проходили далѣе; во всѣхъ городахъ собранія живущихъ въ окрестности дворянъ, гражданскихъ чиновниковъ и управителей, истинное сообщество лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, кошорые жертвы свои на олшарѣ опечесства возлагали, крещьянъ своихъ въ уѣздный городъ привозили, деньги, оружіе, одежду, припасы для раненыхъ доставляли. Всѣ состоянія, всякій возрастъ, всякій полъ, всѣ разныя сословія во всеобщей любви къ опечесству и ненависти къ Французамъ другъ другу не уступали. Тамъ благородная жена обнимала мужика съ бородою, и съ слезами на глазахъ кидала ему въ шапку нѣсколько серебряныхъ рублей; тамъ цѣломудреннѣйшая дѣвица спояла подлѣ телѣги, на кошорой везли назадъ раненыхъ воиновъ, и цѣловала ихъ и дарила, и не спыдилась; тамъ незнакомые люди, никогда другъ друга не видавшіе, упали одинъ другому на шею и въ безмолвной любви рыдали, подобно какъ бы два въ юности распавшіеся друга и по долгой разлукѣ нечаянно въ чужой странѣ увидѣвшіеся; тамъ по большимъ дорогамъ цѣлые ряды воевъ, по спу и по двѣсти, ѣдутъ, везутъ, съ такимъ веселіемъ, какъ бы ѣхали на пляску, а не на войну.

Такъ возрастало въ Россіи число оруженосцевъ и пѣхъ, кои хотѣли бытъ оруженосцами: во всемъ народѣ горѣла такой духъ, бодрость и гнѣвъ, что никто не хотѣлъ отспать въ ревности посвятивъ себя любезному опечеству и оставаясь при своихъ мирныхъ работахъ. Москва и Петербургъ, двѣ Столицы обширнѣйшаго Царства, обѣщали поставивъ нѣсколько тысячъ человекъ вооруженныхъ и всѣмъ снабденныхъ; многіе благородные Князья и Бояре набрали собственные свои полки пѣхотные и конные — словомъ, всякъ приносилъ, давалъ, что имѣлъ: никто не хотѣлъ видѣть опечества своего въ рабствѣ. Самое же прекраснѣйшее въ сей прекрасной ревности было смиреніе и крошость, съ какою всякой въ священную службу сію вступалъ: Сенаторы и Тайные Совѣтники, старые и юные за ранами уволенные и отставные офицеры, всѣ приходили, сердцемъ своимъ влекомые, и принимали всякой чинъ и всякое мѣсто, гдѣ только полезны бытъ могли; они служили не изъ почестей и злата, служили за Бога и за свободу.

Человѣческая рука слаба, когда Богъ ее не подкрѣпляетъ, и сердце его легко упадетъ въ уныніе, когда непобѣдимая вѣра не воспламеняетъ онаго. Россіяне народъ крошкій и богобоязливый, они вели сію

пьяную войну съ Богомъ и за Бога; божественные храмы, свящія мѣста, мощи угодниковъ, ежедневно посѣщаемы были множествомъ людей; оборонители опечества проливали молитвы, возлагали на себя крестъ, освящали торжественнымъ водокропленіемъ знамена свои, присягали надъ Евангеліемъ Царю и опечеству, и шли радостно въ походъ, какъ на праздникъ. Такой народъ Бонапарте думалъ поработишь! такое смиренное мужество думалъ онъ побѣдишь!

Россійскія войска отступали назадъ, и всѣ нападенія на нихъ Французовъ храбро и сильно отражали. Подъ Смоленскомъ 5 и 6 Августа была первая кровопролитная битва: Рускіе въ оба сіи дня потеряли убитыми и ранеными 15000, а Французы болѣе 20,000. Однакожъ Рускіе продолжали еще отступать внутрь земли своей, дабы Французовъ далѣе заманишь и упомленіемъ, недоспашками, переходами и нападеніями ослабишь.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, глаза и сердца всей Европы обращены были на древнюю достославную Столицу Россійскаго народа, Москву. О Москвѣ какъ самихъ Россіянъ, такъ и чужестранцевъ было мнѣніе, что въ ней откроются силы и мужество, долженствующія устрашить непріятеля и привести въ уныніе. Въ Москвѣ

градоначальствовалъ Генераль Графъ Рас-
шопчинъ, рѣшительный и благоразумный
мужъ. Сей человекъ умѣлъ двѣ труднѣйшія
вещи соединить: людей изъ общаго и обы-
кновеннаго положенія вывести въ необыкно-
венное и чрезвычайное, и при всемъ помѣ
въ послушаніи и повиновеніи законамъ дер-
жать. Вся Москва была учебное поле, всѣ
работныя мѣста кузницами для кованія
оружій, весь народъ приученъ къ мыслямъ о
войнѣ, о истребленіи, о пожарѣ. Духовен-
ство проповѣдывало и молилось, градонач-
альникъ швердилъ, что Москва должен-
ствуешь показать необычайный примѣръ:
въ Москвѣ и за Москвою должно произойти
нѣчто великое. Расшопчинъ повелѣвалъ въ
ней пѣшюдесятью тысячами вооружен-
ныхъ *); священники вспомоществовали ему,
они воспламеняли и купно воздерживали на-
родъ.

Отъ Смоленска до Москвы 350 верстъ.
Россійское войско тихо и въ совершенномъ
порядкѣ со всѣми снарядами и припасами
плынулось назадъ. Съ прохожденіемъ его вы-
бирались почти всѣ жители изъ городовъ,

*) Число сіе увеличено. Известно, что при сраженіи подъ
Бородинымъ было не болѣе десяти тысячъ ратниковъ.
Единственное можетъ быть обстоятельство, сказанное
въ семъ сочиненіи съ нѣкоторымъ излишествомъ. (Прим.
переводчика).

сель и деревень, и шли за нимъ; они оспавляли Французамъ однѣ только безлюдныя мѣста, сожженные деревни, и опустошенные поля. Такимъ швердымъ духомъ пылалъ сей народъ! всего же досаднѣе было неприятелю, что съ опшсупленіемъ войскъ и всѣ гражданскіе чиновники оспавляли мѣста свои; онъ нашелъ здѣсь совсѣмъ не то, что въ перпѣливой Нѣмецкой земаѣ: здѣсь не было ни одного человѣка, кто бы ему учреждашь, выписывашъ, записывашъ, вывѣдовашь, лгашъ и обманывашъ, и народъ смущашъ, ослабляшъ, усмиряшъ и порабощашъ помогаль. Ни одного соглядашеля, ни одного подслушивашеля и перескащика. Народъ былъ какъ разъяренный рой пчелъ безъ вожакаго; можно было его разогнашь, распугашь, убишь, но всякое жало жалило, покуда въ немъ была жизнь.

Когда оба войска подкрѣпились, тогда въ двѣнащати миляхъ отъ Москвы подлѣ Бородина произошла самая люшая, кровопролишнѣйшая, всѣхъ прочихъ въ сей войнѣ жесточайшая бшва. Августа 26, до разсвѣта упра, между четвертымъ и пятымъ часомъ, многочисленныя Францускія силы, шемношою и шуманомъ прикрышыя, напали съ яростію на слабѣйшія силы Рускихъ, и съ таковою же яростію были отъ нихъ встрѣчены. То было поле убійства, жашва

смерти: около двухъ тысячъ пушекъ гре-
машъ одна прошивъ другой, дрожащая ошъ
попоша конскихъ копышъ земля казалось
хочешъ провалишся, и нѣсколько сошъ ты-
сячъ человѣкъ кидаяшся другъ на друга;
обѣ спороны буюшся съ неимовѣрнымъ упор-
ствомъ; поле, пушки ошъемлюшся и усту-
паюшся; бойницы и укрѣпленныя мѣста
по три и по четьре раза переходяшъ изъ
рукъ въ руки; каждый шагъ окропленъ кро-
вию; ядра гуще лешаюшъ, чѣмъ въ другихъ
сраженіяхъ пули. Но и въ сей битвѣ, равно
какъ и въ прежнихъ, Россійская артиллерія
одержала преимущество надъ Французскою.
Ночь прекратила битву, Французы ошшу-
нили десяшъ верстъ (полторы Нѣмецкой
мили) назадъ; Рускіе ошались на мѣстѣ
сраженія. Въ сей кровавый день съ обѣихъ
споронъ ошъ семидесяти до осмидесяти
тысячъ человѣкъ убишо и ранено. Рускіе
считали у себя за 1700 офицеровъ и нѣ-
сколько Генераловъ убитыми и ранеными;
Французы потеряли болѣе дватцати Гене-
раловъ. Сія битва, именуемая Бородинскою
или Можайскою (бывшая 26 Августа 1812)
можетъ назвашся исполинскою битвою.
Россія возрадовалась о мужествѣ и непоко-
лебимости своихъ воиновъ; Императоръ
произвелъ Полководца своего Князя Куту-
зова въ Фельдмаршалы, пожаловалъ ему спо

тысячъ рублей, и всѣмъ рядовымъ, находившимся въ семъ достопамятномъ сраженіи, по пяти рублей каждому.

Оба войска опъ сей бѣшвы чрезвычайно ослабѣли и ушомились. Французы были всегда гораздо превосходнѣе числомъ; ибо Фельдмаршалъ Кутузовъ не почишалъ свою хотя и храбрую, но необученную милицію, удобною для употребленія въ открытомъ бою. Непріятель старался лѣвое крыло его обойти; многіе изъ Россійскихъ Генераловъ были такого мнѣнія, что должно подъ стѣнами Москвы дать еще бѣшву; но Кутузовъ не хотѣлъ подвергнуть царство удачи жребія; онъ хотѣлъ надежно идти, подкрѣпиться новыми силами, закрыть богатые и плодородныя округа, и тогда въ свое время показатъ себя непріятелю, что онъ еще пушъ. Онъ поспѣхнулся съ войскомъ своимъ въ такомъ устройствѣ, которое непріятеля устращило. Такъ твердою стѣпою шелъ онъ, чрезъ Москву, и расположился по дорогѣ опъ Тулы въ Калугу. Опътолѣ Септября 4го писалъ онъ къ Императору своему: *я имѣю еще бодрое и храброе воинство; потеря Москвы не есть еще гибель отечества.*

2го Септября, съ выходненіемъ заднихъ Россійскихъ войскъ изъ Москвы, входили въ нее передніа Францускіа войска. Городъ.

былъ какъ безмолвный гробъ ; никакого звону, никакого шуму, ни одного человѣка на улицахъ ; не многіе, оставшіеся въ городѣ, замкнули крѣпко дома свои и въ нихъ заперлись. Въ сихъ обстоятельствехъ Бонапарте остановился у Смоленской заставы. Тамъ ожидалъ онъ, что городское дворянское и купеческое начальство выдуть къ нему съ привѣтствіемъ и встрѣчею. Никто не пришелъ. Онъ отсрочилъ въѣздъ свой до слѣдующаго дня, въ копорой, надѣялся, приготовавшъ къ нему поздравительное посольство, естли не отъ Рускихъ, такъ по крайней мѣрѣ отъ Французовъ, Италіянцовъ и Нѣмцовъ, живущихъ въ Москвѣ. Ничего не было. Бонапарте безъ всякаго крику и бряцанія, безъ трубъ и барабановъ, ѣхалъ по пыльнымъ улицамъ въ древній Царскій дворецъ, въ Кремль. Тогда было два часа по полудни, день шуманной, пышина мертвая. Ни одно ура или вивашъ, ни одна розпозейная и бѣгущая за нимъ толпа его не поздравляла. Онъ ѣхалъ безмолвенъ и мраченъ, и казалось отчужденіе и злополучіе вокругъ его висали.

Изъ 350000 жителей, населяющихъ Москву даже и въ лучшее время, когда многія семейства разъѣзжаются по деревнямъ, едва только 30000 осталось въ городѣ. Но какъ много ни выѣхало людей, сколько ни вы-

везено сокровищъ и припасовъ и шоваровъ—
однакожъ шакой городъ какъ Москва, одинъ
изъ богатѣйшихъ Европейскихъ городовъ,
сердце великой Россіи, и средоточіе Азіат-
ской и Европейской ея торговли, безсомнѣ-
нія содержалъ еще въ домахъ своихъ и хра-
нилищахъ множествъ всякаго рода запасовъ,
и войско, состоящее изъ двухъ сотъ ты-
сячъ человѣкъ, могло бы конечно съ умѣ-
ренной прашою пять и шесть мѣсяцовъ
продовольствоваться. Бонапарте хотя и
ужаснулся, увидя безмолвіе и пустошу столь
обширнаго града, котораго блестящія баш-
ни и колокольни казалось сіяли покоемъ для
освѣщенія людскихъ гробовъ; но при всемъ
томъ обладаніе онымъ мнилось ему быть
велико и помощь безмѣрна. Уже за нѣсколь-
ко мѣсяцовъ указывалъ онъ хищнымъ сво-
имъ солдатамъ на городъ сей, какъ на за-
плашу за многіе труды ихъ и работу въ
битвахъ, какъ на спокойное зимнее пребы-
ваніе, какъ на залогъ мира, и какъ на бога-
тую для насыщенія скупости и сластолю-
бія рудокопную гору. Что Французы благо-
образнымъ грабительствомъ, увеселеніемъ
и наслажденіемъ послѣ долгаго претерпѣнія
называли, то непременно долженъ онъ былъ
позволишь имъ. Но онъ хотѣлъ сдѣлать то
съ наблюденіемъ всевозможнаго порядка и
городъ не вдругъ разорить: для сего глав-

ную часть войскъ своихъ оставилъ онъ внѣ города, и вошелъ въ него съ умѣренными силами. Но все не такъ случилось, какъ онъ думалъ.

Ужѣ ночью со 2го на 3е Сентября, когда Бонапарте у заспавы ожидалъ посольства изъ города, на Селянкѣ, не подалеку отъ воспишательнаго дому, загорѣлось и чрезъ нѣсколько часовъ потухло. Но вскорѣ потомъ огонь въ разныхъ мѣстахъ города показался и не совсѣмъ потушенъ былъ, отъ чего днемъ спало опять во многихъ мѣстахъ горѣшь. Одна только пишина воздуха не допустила распространиться пожару; ибо Французы, видя безпечность жителей, и сами не старались гасишь. Такимъ образомъ пламя больше и больше умножалось, и въ отдаленныхъ мѣстахъ города говорили о семъ несчастіи съ такимъ равнодушіемъ, какъ въ Пешербургѣ говорятъ о пожарѣ въ Лисабонѣ или о землетрясеніи въ Мессинѣ.

Такъ прошелъ Вторникъ (3 Сентября) и ночь за нимъ послѣдовавшая. Въ Середу, 4го Сентября, по утру въ девять часовъ поднялась пресильная буря, и тогда настояще начался потъ великой пожаръ, которой сряду нѣсколько сутокъ продолжался. Сперва появился огонь по ту сторону рѣки далеко позади комиссаріата, и шелъ опчасу

далѣе по вѣтру, и черезъ часъ перекинулся въ десятокъ разныхъ мѣстъ, такъ что вся изъ необъятнаго множества домовъ состоящая, и не обозримо вдоль рѣки простирающаяся равнина, сдѣлалась моремъ огня, котораго волны по воздуху разстилались и повсюду. опустошеніе и ужасъ распространились. Въ тожъ время показался снова огонь, и съ большею чѣмъ въ прежніе дни силою, въ самомъ городѣ, а особливо по близости лавокъ. Тамъ въ накопленныхъ и запертыхъ товарахъ нашелъ онъ себѣ изобильную пищу. Сіе обстоятельство, сила бури, узкостъ здѣсь улицъ, а тамъ въ другихъ частяхъ города вновь воспалившійся пламень, наконецъ совершенный недостатокъ въ пожарныхъ трубахъ и снарядахъ, давали полную волю огню распространяться. Вездѣ кругомъ видимо было одно только пламя, весь воздухъ надъ городомъ былъ огненный сводъ, отъ лежащихъ повсюду искръ и галокъ шипящій, и чрезъ разширеніе воздуха отъ жара свирѣпство бури умножающій. Нѣтъ, никогда разгнѣванное небо не являло людямъ ужаснѣйшаго зрѣлища. Пожаръ сей, страхъ бѣгущихъ, вопль погорѣвшихъ; лошади, коровы, собаки, кошки, въ бѣшенствѣ и ярости изъ пламени въ пламень кидаящіеся; при томъ грабители, разбойники, убійцы, за бѣгущими гонящіеся и ихъ ру-

блящіе, двери, своды, погреба рычагами ломающіе, изъ оконъ и съ кровель спрѣляющіе: бѣдствіе, спраданіе, ярость, пагуба, разрушеніе повсюду и вездѣ между людьми и спихіями.

Бонапарше могъ изъ оконъ Кремля начало и разширеніе сего пожара видѣть, и въ семъ великомъ низложеніи человѣческую перемѣну себѣ представлялъ. Когда ему сказали, что и въ самомъ Кремлѣ пойманы зажигальщики, и что огонь уже и шамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появлялся, то показалось ему въ городѣ не безопасно оставаться, и онъ выѣхалъ въ Петровской за городомъ дворецъ. Вѣроятно, что онъ сей спрашный пожаръ почиталъ разспавленною для себя сѣшю, которую чрезвычайное пространство города дѣлало опасною. Для того собралъ онъ войска свои вмѣстѣ, и не употреблялъ ихъ для спасенія нѣкоторыхъ частей города, кои легко бы опустошались можно было.

Что расхищеніе Москвы дѣлало наигнуснѣйшимъ, такъ это правильной порядокъ, съ какимъ разнымъ шаямъ Францускаго войска назначены были очереди грабиль. Первый день принадлежалъ старой гвардіи, — справедливо, чтобы первостепенные въ чинѣ были и въ мерзостяхъ и въ срамѣ первостепенные; — второй день подаренъ былъ

новой гвардіи, третій штаб Маршала Давуста; и шакъ до всѣхъ разныхъ спай доходила очередь грабить, и послѣднія изъ нихъ были гораздо свирѣпѣе первыхъ, пошому что добыча опчасу уменьшалась. Такимъ образомъ грабежъ продолжался восемь дней въ правильномъ порядкѣ; и въ слѣдующихъ недѣляхъ не совсѣмъ прекратился, хотя ужѣ и вышли запрещенія. Безпорядокъ и своевоольство и нужда сдѣлались слишкомъ велики. Большая часть солдатъ были безъ башмаковъ, безъ нижняго плащя, и вообще всѣ изорваны и ободраны; одна только гвардія опличалась еще нѣкоторымъ наружнымъ блескомъ, прочіе войны ипакъ были спранно и песпро одѣты, что они только по оружію распознавались. Все въ семъ войскѣ было одинаково жадно къ грабительству и всякому непотребству. Офицеры, какъ голодные собаки, рыскали изъ дома въ домъ и грабили подобно рядовымъ. Другіе, въ которыхъ оставался еще нѣкоторый стыдъ, довольствовались расхищеніемъ тѣхъ домовъ, гдѣ стояли. Генералы пожъ дѣлали; они подъ видомъ *надобности для употребленія* обирали все, что въ домѣ находили, и когда ужѣ онъ до числа ограбленъ былъ, тогда перебирались въ другой домъ и въ новомъ жилищѣ своемъ пожъ самое дѣлашь начинали. Примѣчанія достойно, что у

Французовъ, весьма впрочемъ сладострастныхъ, сребролюбіе всѣ другія спрасхи преодолѣло: они къ золоту втрое больше падки и жадны, нежели къ женщинамъ.

Сіи грабежи и разбои не проходили безъ убійства и кровопролищія съ обѣихъ сторонъ. Вскорѣ, какъ неминуемое слѣдствіе яроспи и пожара, настала великая во всемъ нужда. Многіе несчастные жилиши Московскіе, скрывавшіеся въ ущеліяхъ, погребахъ и подземныхъ проходахъ, погибли отъ спреха и недоспашка. Нужда была такъ велика, что за кусокъ хлѣба рѣзались. Особливо же происходили безпресшанныя драки между Рускими и Французами въ огородахъ и поляхъ, гдѣ росли капуста и картофель; тамъ днемъ и ночью продолжались внезапныя нападенія и убійства; иные при доставаніи добычи, другіе при возвращеніи съ нею домой были убиты.

Словомъ внутри и вокругъ Москвы во все сіе время царствовали звѣрство и лютость; мщенію не было никакой мѣры, насильству никакой узды. Гдѣ въ жесточайшемъ смятеніи все было въ опасности, гдѣ каждая минуша угрожала лишеніемъ жизни, тамъ неистовство спремилось улаждать себя мгновеннымъ удовольствореніемъ своихъ желаній. Между спрашнымъ, вновь восплавающимъ пламенемъ происходили грабежи,

убійства и насилія: здѣсь при бѣломъ свѣтѣ дня, или при озаренной огненнымъ сіяніемъ шемношѣ, видимо было то, что ночь всегда спыдливымъ своимъ покровомъ закрываешь; вездѣ по спогнамъ валялись шрупы, жалоспныя жершвы неистповыхъ солдашъ; вокругъ большихъ домовъ и казенныхъ зданій, гдѣ жили Французы, лежали на дворахъ и на улицахъ мершвыя женщины, которыхъ скопштво опыскало, сила привлека, звѣрштво умершвило. Французы наполняли сими шрупами, и шрупами своихъ убшпыхъ и умирающихъ, всѣ колодязи, и засоряли воду. Сіе бѣдствование и сей пронзительный вопль влекомыхъ на жершву и поруганіе, прерывались шокмо спшономъ изрубленныхъ въ ночномъ сраженіи на улицахъ, и шшукомъ и бряцаніемъ оружія.

Такъ было въ первыя двѣ недѣли, когда пожаръ и грабежъ пребывали во всей своей силѣ; неукропимая яросшъ не насыпилась, она шолько ушомилась, и сама собой исчезла. Но и тогда, когда Бонапарше нѣкошорое спокойшвіе основашь, и не многимъ оставшимся и назадъ возвратившимся нѣкій родъ покровишельства дашь хопѣль — и тогда всякую ночь происходили еще бшшвы, нападешя, убійства, грабежи. Многіе ушедшіе жишели, кошорые всѣ мѣста и переулки въ городѣ знали, и лишешные домовъ своихъ

*

непримиримою ненавистію дышавшіе обыхнапели по ночамъ входили въ городъ, и Французовъ убивали, и сами опъ нихъ убиваемы были; ежедневно паденіе и пеплъ Москвы орошаемъ былъ свѣжею кровію; по улицамъ валялись убитые люди, обезчещенныя и обезображенныя женщины; многія тѣла Рускихъ, игралищемъ вѣтра, на заборахъ, на косякахъ оконъ, на стѣнахъ разрушенныхъ домовъ, въ поруганіе повѣшены были Французами; многія мѣста прупами людей, собакъ и лошадей, пакъ завалены были, что никто чрезъ улицу пробхашъ, даже пройти не могъ. Бонапарше долженъ былъ жипъ посреди развалинъ, пепла и мертвыхъ тѣлъ.

Сначала почишали Московской пожаръ случайнымъ приключеніемъ, опъ оставленныхъ огней и опъ буйства солдатъ произшедшимъ; но вскорѣ открыли, что оный былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ. Многіе сказываютъ, что первый, опъ кого спрашный огонь Сенября 4го поднялся, былъ богатый человекъ! имѣвшій на длинной улицѣ много карешныхъ сараевъ, гдѣ стояло великое множество разнаго рода гошовыхъ колясокъ и повозокъ; сей собственною рукою зажегъ и испребилъ свое имущество, дабы оно не досталось непріятелю. Многіе другіе пожъ сдѣлали. Больше двухъ шрешей величайшаго

изъ Европейскихъ городовъ превратились въ пепель. Одинъ только Кремль и ближайшіе къ нему дома остались цѣлы, одна только часть домовъ по ту сторону Москвы рѣки и около Воспитательнаго дому были пощажены, потому что тушь жили Французы и имѣли свою больницу.

Такъ низринулась Москва и превратилась въ развалины и пепель; ея блестящіе куполы и верхи, ея величавыя башни, ея главоверховные Соборы, ея храмы и монастыри, ея огромныя зданія и дома, ея хранилища рѣдкостей и книгъ, ея Испанскіе и Ширазскіе волшебные верпограды, ея заведенія наукъ и художествъ, обиталища утѣхъ и роскоши, памятники минувшихъ родовъ, труды достопочтеннѣйшихъ Царей — все превратилось въ груды, прахъ, пепель и смерть. Но пламень, разрушившій Столицу, продолжалъ горѣть въ сердцахъ Рускихъ, священный пламень мщенія и гнѣва, приведшій въ трепетъ Бонапарте и Французовъ. Сей пламень твердымъ гласомъ Царя, благочестивыми совѣтами духовенства, великимъ духомъ дворянъ, и примѣрами многихъ почтенныхъ спарцевъ и мужей, былъ восплаемъ и пишаемъ; онъ вскорѣ возгорѣлся во всемъ народѣ, и возгорѣлся непогасимо. Не *тернь* только одна — какъ говорили Французы — не вылученные зажи-

гальщики и посланные сумазброднымъ Ра-
стопчинымъ злодѣи были шѣ, которые по-
гибельный огонь раскладывали и поджигали,
то было сердце всего народа, то была рука
дворянъ и слугъ, богатыхъ и бѣдныхъ, опъ
которой небо надъ Москвою пламенемъ зар-
дѣлось *). Ничего симъ великаго духа лю-
дямъ не было драгоцѣнно, ни жена, ни дѣ-
ти, ни серебро, ни золото, ни имущество
и сокровища, ни дома и дворцы; все сіе
охотно приносили они въ жертву, дабы имя
ихъ небезславно, мужество ненарушимо,

*) Сожженіе Москвы не должно приписывать однимъ Ру-
скимъ, хотя въ Россіи духъ народный конечно былъ ша-
ковъ, что почти всѣ вообще хотѣли лучше имущества
своего видѣть истребляемымъ огнемъ, нежели расхищаемымъ
непріятелемъ. Можешь быть и въ Москвѣ вѣщо подоб-
ное тому происходило; однакожъ причиною главнаго рас-
пространенія пожаровъ была люшость враговъ. Сіи при-
шедшіе изъ ада изверги не довольствовались однимъ гра-
бежемъ и хищеніемъ: они шѣ вещи, которыхъ не могли
взять съ собою, или которыхъ имъ были не надобны, спа-
рались, не взирая на немалый пошребный къ тому шрудъ,
сокрушашъ и истребляшъ: были хрусталь, фарфоръ, лю-
стры, зеркала; ломали компаншныя уборы; раздирали
книги по лисшамъ и бросали въ воду. Злосшъ и яросшъ
ихъ была шакъ велика, что они не уступили бы огню
удовольшвія пожирашъ городъ, ежели бъ сами своими ру-
ками и зубами сдѣлашъ то могли. Рускіе конечно для
спасенія Ошестства и свободы своей ничею не щадили,
но Москву грабили, жгли, ломали, подрывали Французы.
Несправедливо и не должно опнимашъ у нихъ сей адской
славы. (Примѣч. переводчика).

Опечетство свободно оспалось. Люди, имѣвшіе предъ шѣмъ на нѣсколько сотъ тысячъ, даже на нѣсколько миліоновъ рублей имѣнія, приходили въ разодранномъ рубищѣ и почти безъ обуви на ногахъ въ Петербургъ и другіе города; они не жаловались, что богатство ихъ дымъ унесъ въ облака; они радовались, что оно не досталось Французамъ. Толь могущественно сердце человѣческое, когда оно для великаго малое забытъ опшважипся.

Бонапарте разспрѣливалъ Рускихъ, которые зажигали Москву. Сіе ихъ не устрашало: они возвращались въ большемъ числѣ и съ пущею яростію. Онъ угрожалъ мужикамъ, пожъ самое дѣлавшимъ въ деревняхъ, мученіемъ и смертію; онъ велѣлъ многихъ казнить: живые брали съ нихъ примѣръ. Какъ скоро воины Рускіе по причинѣ превосходной непріятельской силы оспавляли какую деревню, жипели не оспавались въ ней хозяйничать и бытъ рабами пришельцевъ, но всѣ уходили за своими, спарики, матери, младенцы; кто не смогъ ийти, того везли на шелѣгѣ или несли на плечахъ; одною рукою велъ мужикъ жену и дѣшей, а другою зажигалъ избу свою, клешъ и всѣ пожипки. Такъ выходили они за своими войсками и опсылали семьи свои въ опдаленныя селенія, сами же вмѣстѣ съ спарыми

воинами ополчались, или изъ лѣсу и развалинъ жилищъ своихъ выходя нападали съ неукропимою яростію на непріятелей. Распопчинъ и здѣсь показаль великой примѣръ: у него близко Москвы былъ пребогатой и великолѣпной замокъ, онъ зажегъ его своими руками, и сказалъ: *сей домъ, гдѣ доселѣ жили добрые люди, не долженъ подѣ кровлю свою принимать разбойниковъ.*

Бонапарте худо расчислилъ и обманулся; онъ не зналъ ни Россіи, ни Рускихъ; онъ не зналъ, какія чудеса могутъ произвестъ вѣра и добродѣтель: лучшая сторона человѣческаго нрава была ему неизвѣстна. Соглядатели его и помощники и посланники насаждали ему: что Москва слыветъ собственно Столицею Рускихъ, кошорые Петербурга, и всего что въ немъ есть, не любящъ, и даже къ дому Императорскому не имѣютъ должнаго усердія, что Москва есть гнѣздо многихъ недовольныхъ, гнѣздо шакихъ родовъ, кошорые память о жизни прежнихъ Царей передаютъ отъ сына къ сыну, почишаютъ себя отъ Царской крови, и еще не забыли какихъ предковъ они пошомки; что въ Москвѣ, уповашельно, приспанетъ къ сторонѣ ихъ такое важное общество, отъ кошораго устращенное Россійское Правительство принуждено будетъ на все согласиться; что также можно будетъ и

положеніемъ чернаго народа воспользовашься, дабы въ немъ самомъ разорить и разрушить Россію; что естли дворяне откажущся, то надлежитъ начать съ холопей ихъ; что большая часть Рускихъ купцовъ, и почти всѣ ремесленники и мужики во всей Россіи суть ихъ крѣпостные люди, которыхъ того и смотрятъ, чтобъ освободиться: и такъ спѣишь только провозгласить вольность, распоргнуть рабство, поставишь бояръ и дворянъ противъ Царя, слугъ противъ господъ своихъ, тогда произойдетъ всеобщее смятеніе, недовѣрчивость, ненависть, раздоръ — и въ Москвѣ могущество Императора АЛЕКСАНДРА и сила славной Россіи уничтожились *).

*) Сею баснею не одинъ Бонапарте и его посланники обманулись, но многіе. Французская осьмагодесять вѣка философія, мать Французской революціи, сдѣлала вездѣ не малые успѣхи, а потому думали, что она и въ Россіи довольно распространилась, и что на нее, какъ на самую сильную чуму нравовъ, съ надежностію можно полагаться. Революціа значитъ превращеніе, собственно же разумѣется подъ симъ превращеніе умовъ, то есть предствленіе себѣ вещей на выворотъ, или какъ говорится въ спорѣчи, *сверхъ-носами*. Революціонныя, или (что тоже самое) адскія правила и хитрости соспоишь въ томъ, что какъ нѣтъ въ человѣческихъ вещахъ и дѣлахъ ничего совершеннаго, всякое добро имѣешь нѣчто худое, и всякое худо нѣчто доброе, то въ добрѣ выставляють онѣ худую и закрывають добрую, а въ худѣ напротивъ показывають добрую и закрывають худую сторону. Такимъ образомъ

Бонапарте нашель пусшой городъ. Онъ сперва изумился, но послѣ вообразилъ себѣ, что Распопчинъ или Руской Фельдмаршалъ, опасаясь безпорядковъ и грабежей, выслали народъ изъ Столицы. По крайней мѣрѣ такъ возвѣщаль онъ свѣту и въ Парижскихъ вѣдомостяхъ писалъ: *благотиніе, порядокъ, спокойствіе и изобиліе, неразлучные солутники Францускаго войска, вездѣ олять возстановляются: ушедшіе или прогнанные жители приходятъ тысячами обратно въ свои дома, скоро двѣ трети ихъ возвратятся*

ослѣпляютъ разумъ, прельщаютъ сердце и повреждаютъ юныя и невинныя души. Человѣкъ душеводимый ими привкаешъ видѣть вещи на выворотъ: въ благоправіи кажется ему буйство и въ буйствѣ благоправіе, въ просвѣщеніи невѣжество и въ невѣжествѣ просвѣщеніе, въ свободѣ рабство и въ рабствѣ свобода, и такъ далѣе. Отсюду смѣшеніе всѣхъ пороковъ и добродѣтелей; отсюду подъ именами разума, Любомудрія, правды, чести, вольности, равенства, появились безвѣріе, сластолюбіе, ложь, безстыдство, безначаліе, насильство, и всѣ люшыя дѣланія необузданныхъ спрасней человѣческихъ; отсюду священнѣйшія имена: Богъ, вѣра, Царь, законъ, ошечество, родство, бракъ, спарость, любовь, дружба, безкорыстіе, благоправіе, кротость, спали мало по малу изглаживашься изъ сердець. Тогда ничто не преплщствовало порожденному злочестіемъ чудовищу усилився и вознесися до такой высошы, ошколъ могла она удобно и безопасно пожирать и уничтожать родъ смертныхъ. Многіе почитали и Россію въ такомъ же положеніи: Французской языкъ, книги, театръ, учителя, воспитатели, шорговки, и всакого рода *лишые* соблазнительи и предатели, шоль давно

назадъ въ Москву, и зажигальщиковъ больше не будетъ. Однакожъ Москва горѣла, ее грабили, и никто въ нее не возвращался.

Бонапарше не нашель въ Москвѣ никакихъ безпощадныхъ и мясешныхъ дворянъ, никакихъ оппавшихъ опъ вѣры священниковъ, никакихъ Французской вольности и блаженства желающихъ рабовъ: что называлъ онъ Рускою глупостію и варварствомъ, то нимало не помышляло о Бонапаршевскомъ благошвореніи. Ему ничего не помогало, что онъ приходящихъ въ городъ для

въ ней поселившіеся, и почти всѣ Рускіе нравы и обычаи искоренившіе, давали симъ заключеніямъ видъ вѣроушности. Развращенные Сарматы, желавшіе лучше бытъ полными рабами адскаго изверга, нежели братьями своихъ единоплеменниковъ, и прилежащіе къ нимъ Россійскіе предѣлы, не могущіе опчаспи не бытъ опъ нихъ зараженными сею извою, подавали не малую къ тому надежду. Ишакъ оспавалось преодолѣтъ одно шокмо самое сердце Россіи, которое пребывало въ покоѣ, шипинѣ и безъизвѣстности при всѣхъ колебавшихъ Европу нравшвенныхъ и еспешивенныхъ буряхъ. Сіе лвиное сердце почивало на здоровомъ умѣ и добростѣ нравовъ своихъ, не внемля жужданію лешающихъ вокругъ него шмелей. Но какъ скоро революціонное судовище приближилось къ нему и взволновало въ немъ кровь, шогда пошекла изъ него шакая огненная лава, предъ кошорою ничто не могло устоятъ: въ шумѣ гнѣла ея сгорѣли и силы, и оружіе, и хипросши, и соблазны враговъ. Таковою показала себя благословенная Россія! пребуди всегда шакowymъ, дражайшее мое Опечешво! пошпавъ между Французскимъ развратомъ и швоею добродѣшelio непреборимую шѣну! (Прим: переводчика).

зажиганія и убиванія Французовъ, велѣлъ по дваццати разспрѣливать; другіе съ пущею яростию возвращались и опомщали за смерть своихъ сотоварищей. Онъ во многихъ селахъ и деревняхъ велѣлъ схватить выборныхъ и старостъ, и требовалъ, чѣмъ они привели крестьянъ въ послушаніе и съ покорностию исполняли его повелѣнія. Они оприщались въ томъ покаясь, сказывая, что они присягнули уже одному господину, а именно Императору своему АЛЕКСАНДРУ, и никому другому присягать не могутъ. Тогда пошли угрозы, а потомъ и насильство оказано: гренадеры приступили съ заряженными ружьями. Честные мужички пребывали непоколебимы, взяли священный крестъ въ руки, приложились къ нему, прижали его къ сердцу, и препоручили себя небесному Царю, *иже единъ надъ всѣми*. Такимъ образомъ изъ дваццати приведенныхъ старостъ, нѣкоторыя разспрѣлены; но какъ прочіе безспрашно къ подобной же смерти приговаривались по ихъ прощолкамъ, посадили въ тюрьму, и послѣ выпустили *).

*) Вѣрность и усердіе всѣхъ состояній къ Государю и Отечеству, также и слугъ къ господамъ ихъ, оказались дѣйствительно въ полномъ блистаніи, и могутъ обличить даже и самое заковарное заблужденіе ихъ, которые Россію почитаютъ быть въ рабствѣ и невѣжествѣ. Ежели мы слушаемъ ихъ мнимыхъ послѣдняго шлошнія фи-

Таковыми Бонапарше нашель Рускихъ и Москву, сперва пусшымъ, а вскорѣ пошомъ сожженнымъ городомъ. Когда самые сильные пожары пошухли, переселился онъ опянь въ Кремль, заперъ ворота, обспавиль кругомъ пушками, и сидѣль въ немъ, какъ въ клепкѣ. Толь уединеннымъ и лишеннымъ всякой помощи и совѣща чувствоваль себя сей *безсмертный и единственный герой и спаситель девятинадесять вѣка*, что онъ самоничтожнѣйшихъ людей призываль къ себѣ, дабы опъ нихъ узнавать и вывѣдывать, ибо другіе не хопѣли быть его прислужниками.

Бонапарше упошребляль въ Москвѣ обыкновенную свою полишку. Онъ внушаль солдапамъ своимъ и Россіянамъ, что оспанешся шупъ на зиму; и всѣ думали, что эшо непременно означаешъ миръ; онъ рапускаль слухи, что Рига взята присшупомъ; что въ шопъ самый день, какъ заняли Москву, Магдональдъ вошелъ въ Петербургъ, и его сожегъ; что дорога опъ

лософовъ, которые произвели всѣ ужасы Французской реполюціи со всѣми послѣдовавшими опъ того бѣдспвіями человѣческими, шо они подчиненииспѣ законамъ, повиновение Царямъ, и самую священнѣйшую связь между опцомъ и дѣшми называюшъ рабствомъ; свой же разврашъ и неистовство величаюшъ просвѣщеніемъ и вольностію. (Примѣч. переводчика).

Вильны къ Смоленску покрыта безчисленными обозами, идущими съ зимнею одеждою и другими нужными для войска припасами; что Маршалъ Викторъ идесть съ великимъ числомъ вспомогательныхъ силъ; что къ веснѣ Француское войско выдесть опять съ такою же исправностію въ полѣ, какъ было при входѣ въ Россію; что естли Рускіе зимою не помирятся, то онъ назовесть Герцога Смоленскаго и Герцога Петербургскаго, и Россія останесться только въ Азіи — такія и подобныя симъ басенки и лжи летали одна за другою, какъ снѣжинки зимою. Въ сихъ лжахъ скрывалась какая-то хитрость, которую Французы довели до отличнаго искуства, и часто ею великія дѣла производили. Здѣсь не одно только по намѣреніе было, чтобы недовольное и ропщущее войско свое радостными видами обольщать, но чтобы духъ и мужество Рускихъ привести въ уныніе, и тѣмъ устрашить Петербургъ; однако надъ Рускими мало это дѣйствовало: постоянное презрѣніе ихъ къ Французамъ было слишкомъ велико, чтобы словамъ ихъ вѣрять.

Домогательства и предложенія Бонапартьевы о мирѣ всегда были отвергаемы. Однакожь мирная мысль крѣпко сидѣла у него въ душѣ, все казалось ему, что онъ до того достигнетъ. Помышленіе о легкомъ

послѣ одной побѣды низверженіи Прускаго Королевства, и о двукрашномъ въ Вѣнѣ уничиженіи Австрійской Имперіи, писало его, не взирая на всѣ невѣроятности, шю же и о Москвѣ надеждою. Опшюду объясняющся лѣность и покой, съ какими онъ дорогое и невозвращимое время на развалинахъ города, уже не бывшаго городомъ, упускалъ. Онъ уподобился неимовѣрному Царю Фараону и долженъ былъ оправдать Рускую пословицу: *великъ Руской Богъ* *).

Кушуровъ съ великою предусмотрительностію избралъ для себя положеніе самое

*) Въ подлинникѣ пословица сія не такъ сказана, а именно: *Gott ist groß und Rußland m. e. Богъ великъ и Россія*. Сочинишель по видимому, не вѣрно слышалъ, или не хорошо понималъ оную. Впрочемъ многіе возражають прошивъ сей пословицы и находящъ въ ней нѣчто языческое, говоря: Богъ одинъ у всѣхъ народовъ, какъ же можно сказать *Руской Богъ*? Но сіе возраженіе несправедливо. Здѣсь *Руской Богъ* не означаетъ особливаго у Рускихъ божества, но одного и тогожъ Бога милостию своею къ Рускимъ великаго. Въ древнія времена, когда Новгородъ былъ лъ самомъ цвѣтущемъ сословіи, была подобная же пословица: *кто противъ Бога и великаго Новгорода?* Сіе не значило, чшобъ Новгородъ равнялъ себя силою съ Богомъ, но чшо онъ по своему благоденственному сословію видѣлъ себя подъ особливымъ покровомъ Божиимъ, и пошому думалъ: кто противъ него, шощъ и противъ Бога. Пословицы часшо имѣють нѣчто общее съ загадками: сила выраженія ихъ состоишь въ крашкости, которая не ясно показываешь смыслъ, но даешь шолько проникать оный (Примѣчаніе переводчика).

лучшее. Онъ прошедъ сквозь Москву поворачи́лъ вправо къ Югу, дабы прикрыть дороги въ Калугу, Тулу, Орелъ, и другія богатыя южныя Россійскія округи. Онъ расположился на правомъ берегу Нары, при селѣ Тарушино, и тамъ укрѣпилъ свой станъ. Здѣсь безпрепятственно изъ южныхъ округъ шло къ нему изобиліе; здѣсь присоединились къ нему нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, земское ополченіе, двадцать четыре новыхъ казачьихъ полка съ Дона, многіе охотники, и многіе выздоровѣвшіе больные и раненые: онъ споялъ въ срединѣ Россійской силы. Бонапарте въ Москвѣ не нашелъ ничего къ умноженію силы своей, и былъ (если мы и Одеръ за сіе средопочіе возьмемъ, что онъ не есть) около полутора тысячъ верстъ удаленъ отъ своихъ. Изъ положенія своего въ Тарушинѣ Кутузовъ съ великимъ искусствомъ ошвращалъ всѣ движенія Бонапартиевы, спѣсняя его отъ часу ближе къ Москвѣ, и день ото дня больше изнурялъ людей и лошадей его всякими недоспашками и голодомъ.

Бонапарте, которой всю Европу заглушалъ звономъ о своихъ трезвѣтѣйныхъ побѣдахъ и великихъ дѣлахъ, и безпрестанно пробилъ о найденномъ въ Москвѣ изобиліи, о цвѣтущемъ состояніи войскъ своихъ, о слабости и смятеніи Россіи, о бѣгствѣ и раз-

сѣянїи всѣхъ военныхъ Рускихъ силъ , о нѣ-
тожествѣ и презрѣнности земскаго воору-
женїя и ополченїя, чувствовалъ себя въ Москвѣ
подъ крѣпкою стражею , и щепетно помы-
шлялъ еще о мирѣ. Примѣтно было въ его
извѣстіяхъ, увѣдомленїяхъ, оговоркахъ, пред-
ложенїяхъ , время отъ времени имъ дѣлае-
мыхъ, что онъ находился въ сомнительномъ
и трудномъ положенїи, и что въ нихъ о
сокращенїи дня, о возрастающихъ недо-
спашкахъ, о умножающейся больше и боль-
ше дерзости Рускихъ набѣдниковъ и мужи-
ковъ съ великою непрїятностію упомина-
лось. Войска его не имѣли покою ни днемъ
ни ночью, и были отъ легкой многочислен-
ной Руской конницы, возбранявшей имъ до-
спавать для лошадей кормъ и для себя пи-
щу, повсемѣстно окружаемы. Она почти
ежедневно брала отъ 200 до 500 человекъ
въ плѣнъ. Сїю ловлю надъ Францускими
разбѣздами и опрядами весьма успѣшно
производили земскіе ратники и крестьяне;
они выходили пѣшкомъ и на коняхъ, спе-
регли засѣдши въ ямахъ и лѣсахъ, и упо-
требляя въ пользу свою, при подробномъ
знанїи всѣхъ дорогъ и шопинокъ, тишину
и безопасность ночи, насыщали праведную
мечь свою кровїю Францускою. Такимъ
образомъ многія тысячи Французовъ по-
гибли.

Часть X.

15

миссаріатѣ. Пожаръ въ Кремлѣ отчасу болѣе умножался, дворецъ сгорѣлъ, и пламя далеко освѣщало городъ. Сначала страхъ и ужасъ былъ общій, но вскорѣ успокоились, воображая, что огонь не можетъ распространиться далѣе стѣнъ Кремлевскихъ. Такъ прошла ночь; поутру новый ужасъ разбудилъ людей: вполчаса времени, рано, между пятымъ и шестымъ часомъ пять подведенныхъ подъ Кремль подкоповъ взорвало, и разрушило многія зданія, церкви, колокольни и красоту великолѣпныхъ стѣнъ и башенъ. Какъ скоро разсвѣло, всѣ спѣшили въ Кремль. Вскорѣ появились первые козакъ и съ ними великое число мужиковъ, копорые всѣхъ оставшихся и бродящихъ Французовъ искали; они находили ихъ много на улицахъ и въ домахъ, и выбрасывали безъ жалости изъ оконъ, или кидали въ нечислыя мѣста. Сіе происходило ночью и поутру 6го Октября, въ Пятницу.

Такимъ образомъ бесполезное злодѣйство разрушило Кремль, сей славный и единственныи въ Европѣ памятникъ половина Воспочнаго и половина Италіянскаго зодчества. Кремль не былъ крѣпость; Бонапарте разрушеніемъ его не ослабилъ Руской силы, онъ разрушилъ шокмо воспоминаніе Рускихъ дѣяній, почтенное жилище древнихъ Царей, и прекрасный памятникъ

*

искусства. Онъ передъ отъѣздомъ своимъ велѣлъ также и Пешровской загородной дворецъ зажечь, и часть онаго сгорѣла. Онъ заблаговременно снялъ еще позлащенный крестъ съ башни Ивана Великаго, орла съ Никольскихъ воротъ, и Святаго Георгія съ Сенапта. Ему хотѣлось, чтобы весь свѣтъ зналъ, что онъ былъ въ Москвѣ, и чтобы Парижскіе остряки и Нѣмецкіе льстецы, удивляясь, выводили изъ того свои рассказы и пересказы. Но Богъ захотѣлъ иначе: ни священные знаки сіи, ни другія взятыя въ Москвѣ воровскимъ Французскимъ образомъ добычи, ни храбрый Генераль Винценгероде, не остались въ рукахъ у врага.

При выходѣ изъ Москвы Бонапарте сказалъ своимъ солдатамъ: „я поведу васъ „на зимніе постой, и ежели найду на доро- „гѣ Рускихъ, то ихъ побью, а ежели не най- „ду, то для нихъ лучше.“ О безсомнѣніи онъ нашелъ ихъ, или справедливѣе они его нашли. Тогожъ 6го Октября приказалъ Россійскій Фельдмаршалъ такъ называемаго Неаполитанскаго Короля, Мюраша, въ 75 верстахъ отъ Москвы при Тарушинѣ атаковать. Генераль Бенигсенъ обратился его въ поспѣшное бѣгство, опялъ у него 38 пушекъ, убилъ 2000 человекъ, и столько же взялъ въ плѣнъ. 12 Октября Фельдмаршалъ разбилъ самого Бонапарте при маломъ Яро-

что лица Его не видали. Се приходишь Онъ въ громахъ и молніяхъ, раздирая и разрушая всѣ покровы и нырища вашихъ мерзостей и сшудодѣній; судъ свѣту насталь: беззаконники накажущся, и праведники процвѣшущъ въ свободѣ. Блаженны шѣ, копорые, не ослабпясь ни любоспаяжаніемъ, ни шщеславіемъ, сохранили души свои ошъ измѣнъ и лжей безпорочными.

Сіе было первое бѣгство Бонапаршіево; второе началось ошъ Краснаго и продолжалось до Березина, ошстоящаго въ 26 миляхъ, на половинѣ дороги ошъ Смоленска до Вильны. Бонапарше съ своею гвардіею, и съ прочими малыми державшимися еще при немъ толпами, бѣжалъ опромешью далѣе, находясь въ не маломъ ошдаленіи впереди Рускихъ войскъ, копорыя сраженіями съ Давуспомъ и Неемъ, 5 и 6 Ноября, шажкожъ и возраспающими въ продовольствіи шрудноспями, весьма задерживаемы были. Онъ ошдохнулъ нѣсколько; припомъ же теплая погода благопріятшвовала ему соединиться съ войсками Виктора, Домбровскаго, и ошашкомъ Удиноповыхъ солдашъ, чреспъ получилъ онъ паки нѣкопорую надежду. Сіи войска состояли изъ 35000 человекъ, имѣли много орудій, и не были споль изнурены, какъ шѣ, копорыхъ самъ онъ велъ. Однако же онъ долженъ былъ спѣшиться, по-

а иные полагали, что войско Бонапартиево совершенно истреблено будетъ, и что самъ онъ не избѣгнетъ плѣна или смерти. Бонапарте соединился съ вышепомянутыми припѣхью пѣхью тысячами войскъ своихъ, поставилъ Виктора противъ Вишгенштейна, Поляковъ противъ Борисова, гдѣ стоялъ Чичаговъ, и Ноября 25 числа навелъ неподалеку отъ Сембина мостъ для переправы черезъ рѣку. Французскіе солдаты отъ голода, спужа и частыхъ поражений не имѣли прежняго духа; половина ихъ гвардіи была безъ оружія, и при одномъ имени *Рускаго* и *козака* дрожали у нихъ непобѣдимыхъ и спрашныхъ воиновъ руки и ноги. Переходъ черезъ мостъ начался съ великимъ безпорядкомъ и своевольствомъ: сильнѣйшіе пробивались сквозь слабѣйшихъ, худшіе сквозь лучшихъ; многіе, бывъ сполкнуты въ воду, утонули или замерзли. Вишгенштейнъ опрокинулъ поставленныхъ противъ него Виктора и Паршонно, взялъ 5 Генераловъ и 7000 человекъ въ плѣнъ; онъ гналъ Виктора къ Березину, а Чичаговъ Домбровскаго къ главному войску назадъ; они шѣснили ихъ съ боковъ, а съ тылу нападали Ашаманъ Платовъ и Генералъ-Лейтенантъ Кузубовъ. Когда всѣ сіи ужасы и пушечные громы приблизились, тогда все пришло въ крайнее замѣшательство и бѣгъ

ми, и стараясь всѣмъ тѣмъ, что первое попадется, окутывать себѣ голову и плеча, дабы сколько нибудь защититься отъ жестокой стужи. Вѣшнія изорванные рогожи, дерюги, и свѣжесодранные скотскія шкуры, были ихъ нарядами. Щасливѣе тошъ, кому попался кусокъ сермяжнаго сукна или лоскутъ шубы! Тупшъ появлялись странные одѣянія, какія едва ли когда и для маскарадовъ были выдумываемы: кирасиры въ женскихъ юбкахъ, лейбъ-гусары въ церковныхъ ризахъ, егери въ длинныхъ монашескихъ епанчахъ, всякихъ цвѣтовъ, всякаго покроя: въ такомъ позорѣ разныхъ державъ люди брели по дорогѣ отъ Березина къ Вильнѣ. Сколько прежде гордость, столько теперѣ бѣдность, была выше человѣческой; не было ни мѣста для отдохновенія, ни времени для пищи, ни способовъ для перевязки ранъ: козакъ и другія легкія Россійскія войска гнали ихъ по пятамъ. Уже то не побѣдителей свѣта было шествіе, но нѣкій безмолвный, печальный ходъ погребенія, и еще такого погребенія, какое развѣ токмо въ адѣ бываетъ; поелику на землѣ подобнаго не видано. Безгласна какъ гробъ была Французская живость, задумчиво легкомысліе, смиренна дерзость, одни только тяжелые вздохи слышны были при шихомъ ступаніи шествующихъ. Изрѣдка

„сѣво подѣ предводительствомъ Генерала „Груши и главнымъ начальствомъ Короля „Неаполитанскаго, не выпускало при всѣхъ „движеніяхъ изъ глазъ своего Императора „ра.“ — Сіе *святое* полчище, охранявшее *святаго* Наполеона, было оспахохъ ошъ 60000 всадниковъ, перешедшихъ лѣпомъ черезъ Немень; да и сіл конница была ужѣ нѣсколь-ко дней пѣшая, равно какъ и два на Апулейскихъ жеребцахъ великолѣпные полка Наполеоновой гвардіи, которые изъ Вильны встрѣшили Императора, или лучше сказать хощѣли встрѣшиться, попому что какъ въ день выѣзда ихъ изъ города спужа была 22 градуса, шо бѣдные сіи полуденные уроженцы хоща околѣвая ошъ холода и выѣхали за городскія ворота, но чрезъ нѣсколько часовъ прѣшья часшъ ихъ воротилась полу-мершвал назадъ съ ошмороженными руками, ногами и носами; прочіе провожали Наполеона въ послѣднемъ бѣгствѣ его чрезъ Польшу, и почти всѣ и съ лошадьми своими ошъ изнуренія и спужа испребились. Какое зрѣлище представлялось очамъ по дорогѣ между Березина и Вильны! Съ опущенными руками и закушанными лицами шли офицеры и солдаты другъ подлѣ друга

урядники распоряжали? Рядовые состояли всѣ въ одномъ лицѣ Наполеоновомъ. (Примѣч. переводчика).

въ нѣмомъ и мрачномъ одурѣніи. Не помогло и гвардіи, что она во всѣхъ сраженіяхъ была берегаема: Богъ не пощадилъ сихъ величайшихъ преступниковъ, палачей пирана. Ешлы копорые изъ нихъ опъ Маренго, Аустерлица, Эйлау, Ваграма, Талаверы, Лисабона, и уцѣлѣли, по здѣсь въ долгія ночи имѣли они довольно времени надуматься о превращенности мірскихъ вещей и о безконечномъ Существѣ, которое рано или поздно наказываетъ людскія мерзости и злодѣянія. Они теперь сравнивались съ самыми худшими, и ни чѣмъ ужѣ опъ нихъ не отличались, будучи, также какъ и шѣ, ободраны, босы, голодны и безоружны; несчастнѣе шѣхъ, копорые въ первыхъ сраженіяхъ побиты или въ полонъ взяты; ибо въ продолжительномъ бѣгствѣ долженствовали испытать надъ собою всякое бѣдствіе и срамъ, какому едва ли какое воинство когда подвергалось, должныствовали все сіе перенести, и пошѣ умереть. Весь порядокъ, всякая бодрость къ оборонѣ, миновали; одно восклицаніе: *козакъ!* приводило всѣ ряды въ шрепѣ и бѣгство, такъ что часто цѣлыя сотни ихъ немногими козаками подбираемы были въ плѣнъ. Сію едва ли не заслуженную участь претерпѣли также и многіе изъ оставшихся Баварцевъ, копорые прошивъ собственнаго опечесства

влялись очамъ ужасы неслыханныхъ зрѣлищъ, кошорымъ шопъ, кшо объ нихъ услышишъ, не повѣришъ, да и шому, кшо ихъ видѣлъ и пережилъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, будущъ онѣ казашься сновидѣніемъ. Нещасные сіи опъ Бога и опъ людей оставленные, черные, замаранные, закопѣлые, подобно мрачнымъ шѣнямъ, шашались между мершвыми сотоварищами своими, покуда сами падали и умирали. Иные босыми ногами, въ коихъ шлѣлъ уже аншоновъ огонь, брели еще по дорогѣ, не зная куда идушъ; другіе совсѣмъ потеряли языкъ и разсудокъ; а нѣкошорые опъ голода и спужи впадали въ шакое изспунленное нешповсшво, что жарили и жрали шрупы мершвыхъ своихъ собратій, или огрызали себѣ пальцы и руки. Многіе были уже шакъ слабы, что не могли собирать для себя дровъ, и шаковые, увидя гдѣ либо маленькой огонекъ, садились, шѣснясь ближе къ нему, на лежащихъ вокругъ его мершвыхъ шѣлахъ, и съ погасаніемъ онаго, сами погасали. Часто въ подобной насѣкомымъ безсмысленности, дабы скорѣе согрѣшья, вползали они въ самый пламень, и старая жужжали какъ мошки, полнищіяся вокругъ свѣша; другіе шуда же за ними ползли и шакже сгарали. Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, шѣмъ крѣпче спужа, шѣмъ чаще мершвецы,

въ пѣдѣхъ взяты. О судьбѣ Неаполишанцевъ было уже выше сего упомянуто.

Въ семь ужасномъ злополучіи и тогда, когда всѣ предосторожности были забыты, примѣчанія достойна неусыпная предосторожность военной Французской полиціи, которой всѣмъ другимъ, во время войны съ ними, надлежало бы подражать: никогда въ то мѣсто, гдѣ спяли Французскіе солдаты, не доходилъ ни малѣйшій слухъ о разбитіи Бонапартиевыхъ войскъ. Вильна, средоточіе новосоюзныхъ Польскихъ областей, гнѣздо всѣхъ Французскихъ присутственныхъ мѣстъ, и випалище чужестран-

пашла его, въ одно мгновеніе ока препратила въ подобную камню швердосъ. Здѣсь можно было видѣть на яву, что мы о превращеніи какою нибудь волшебницею людей въ ишукавы слыживали въ сказкахъ: иной съ возвышенною головою сидѣлъ облакошясь; иной лежалъ проспёртъ съ подняшою къ верху рукою; иной сдѣлалъ себѣ на снѣгу постелю и свернувшись, какъ бы спалъ на ней; иной разинувъ ротъ держалъ надъ нимъ персты свои, словно какъ бы прося пищи; иной въ бѣшенствѣ хотѣлъ вспасть, но вдругъ засмылъ, шакъ что остался ни сидчимъ, ни лежачимъ; иной, имѣя отверсые глаза, казалось еще скрежещеть зубами. Словомъ всякой былъ въ нѣкоемъ особенномъ положеніи. Почти на лицѣ каждого можно было прочиташъ послѣднія его чувствованія: на иномъ ошчапніе, на иномъ гнѣвъ, на иномъ страхъ, на иномъ лютошъ, на иномъ уныніе. На рѣдкомъ спокойствіе излечмогшаго челоуѣка. Никогда наказаніе Божіе не являлось столь страшнымъ и очевиднымъ, какъ на сихъ преступникахъ. (Примѣч. переводчика).

Ч а с ь Х.

17

съ собою одну только половину войскъ, а другую оставилъ позади себя при Смоленскѣ. 20 Ноября, день Бонапартиевой коронаціи былъ празднованъ въ Вильнѣ съ великимъ веселіемъ, танцами и освѣщеніемъ города. На балѣ Бассано чиналъ иностраннымъ Министрамъ, что Императоръ перешелъ благополучно черезъ Березину, и что разбивъ совершенно Вишгенштейна и Чичагова, приближается къ Вильнѣ. Но правда напослѣдокъ должна была открыться. Тотъже самый Бассано въ послѣдующій день шепнулъ Посланникамъ, чѣмъ они ѣхали въ Варшаву. Они тотчасъ собрались и отправились. Смятеніе, шоропливость, страхъ и бѣготня всѣхъ, кого укоряла совесть, или кто боялся вступленія въ городъ разгнѣванныхъ войскъ, были вездѣ и повсюду. 22, 23 и 24 Ноября на ближайшихъ станціяхъ отъ Вильны множество лошадей отъ скачки подохло. 25 числа наконецъ самъ Бонапарте привезъ великую о себѣ вѣсть; однакожъ онъ опасался явиться и прокрался тишкомъ черезъ городъ. 26 числа спѣшилъ онъ далѣе убраться, такъ что никто въ Вильнѣ о проѣздѣ его не зналъ, и сама гвардія его въ первые дни ничего о томъ не вѣдала. Какъ ночной, злою совѣстію гонимый тапъ, пробирался онъ чрезъ Нѣмецкую землю, и еще

*

воевашъ вселенную, достались псамъ, волкамъ, вранамъ и кладбищамъ. Ты низринуть паки въ по ничтожесство, опскуду возникъ, и низринуть со спыдомъ и срамомъ. Я не хочу напоминашь тебѣ о прежнихъ швоихъ безчисленныхъ злодѣяніяхъ, но хочу только исчислишь, сколько человѣческихъ блаженствъ и жизней ты умертвилъ кроваждаемымъ и ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ. Въ воинствѣ своемъ погубилъ ты 400,000 солдатъ, кромѣ по крайней мѣрѣ 100,000 принадлежавшихъ къ нему и сопровождавшихъ оное разнаго пола и возраста людей; въ Рускомъ ополченіи опъ болѣзней, опъ ранъ, опъ меча погибло не менѣе 200,000: эшо сдѣлаешь 700,000. Естѣли же къ сему присовокупить мирныхъ поселянъ и гражданъ Нѣмецкой земли, Польши и Россіи, по опустошеннымъ дорогамъ, по сожженнымъ городамъ и селамъ, убитыхъ, сгорѣвшихъ, изувѣченныхъ, съ голоду и опъ насклія умершихъ, также заразою и болѣзнями испребленныхъ шамъ, куда войска швои плѣнныя и бѣгущія проходили; шо по малой мѣрѣ надобно положить еще 500,000 человѣкъ: и шакъ въ одинъ сей походъ около полушора миліона людей лишились жизни; а сколько въ самомъ зарожденіи своемъ исчезло жизней и щаспія, шого никшо перечесать не можешь.

*

Исчислялъ ли ты сіе когда, Бонапарше? думалъ ли ты когда о томъ? нѣтъ, ты не зналъ, какъ всѣ люди, исчисляешь и думаешь: въ груди швоей нѣтъ ни искры чело-вѣческаго чувства. Что ты безсовѣстно, свирѣпо и сумазбродно пожертвовалъ столь-ко сотъ тысячъ, называвшихъ тебя своимъ вождемъ, ты о томъ ни одной минушы не печалился. Тебя нѣсколько недѣль огорчало и сокрушало только то, что ты срамно бѣжалъ долженствоваль. Ты до шѣхъ только поръ смущенъ былъ, покуда боялся, что тебя поймашъ или убьютъ. Послѣ Бере-зина ты оплѣ спалъ равнодушнѣ, и даже легкомысленъ; ты шушилъ надъ сочленами сопровождавшаго тебя швоего святаго ско-пища, ѣлъ, пилъ, спалъ по обыкновенному, и пріѣхалъ въ добромъ здравіи въ Парижъ. Валявшіеся вокругъ тебя шрупы были для тебя просто мертвыми шѣлами; души ихъ не беспокоивали швоего сна: для чугунной совѣсти духи и шѣни не возстають изъ ада, — ты ушелъ, ты будешь собирать новые полки людей, дабы снова начать швой кровавый промыслъ; но шрепещи! Богъ живъ, Богъ сокрушилъ тебя, и еще со-крушишь. Императоръ Наполеонъ Бонапар-ше престалъ обладать Европою: онъ и гнусные его Визири и Паши сбережены еще ошъ судьбы, но для шого шокмо, чшобъ

предъ цѣлымъ свѣтомъ созерцали въ полной мѣрѣ свое непогрѣбство, и сожигалися медленнымъ огнемъ стыда и раскаянія. Таковъ есть Божій праведный судъ.

Такимъ образомъ злонравіемъ и соблазнами одного человѣка въ шесть мѣсяцовъ увялъ лучший цвѣтъ Франціи, Италіи, Нѣмецкой земли и Польши, многія тысячи дѣшей осиротѣли, многія тысячи женъ овдовѣли, и многія тысячи родителей и невѣстъ облеклись въ черную одежду. Спось великъ и грозенъ рокъ, спось неслыханно пораженіе, спось неимовѣрно бѣдствіе, что самыя невѣрующіе вѣряшъ и восклицаютъ: *се самъ Богъ! се Божій перстъ!* Та темная и непоспимая, та безконечная надъ нами и въ насъ сила, изъ облаковъ и сердецъ нашихъ блистающая, копорую мы провидѣніемъ, судьбою, воздаяніемъ называемъ, и копорая многоимянная и многозначительная всегда въ равно спрашной отдаленности и близости насъ объемлеть, совершила свой всемірный судъ, каковаго Европа многія спольшія не видала. Порокъ и невинность, преступленіе и слабость, гонимые и гонящіе, тѣ, кои насиліе претерпѣли, и тѣ, кои насиліе дѣлали и дѣлашъ хотѣли — всѣхъ предопредѣленіе постигло и сокрушило. Кажешся виновныхъ погибло болѣе, нежели невинныхъ; но мы скажемъ: *неисповѣдимы*

лутѣ Твоѣ, Господи, и ни единый смертный
управлять ими и судить ихъ не можетъ.
Здѣсь при шель великомъ злополучіи, гдѣ
сама ненависть роняетъ жало свое и гнѣвъ
обезоруживается, гдѣ ярость молчитъ и
гордость покорствуеетъ, гдѣ дикое шигро-
сердое свирѣпство, и ненасытная волчья
жадность, въ персть низложенныя лежащъ
и испѣвающъ въ персти, здѣсь все при-
зываетъ насъ къ примиренію и миролюбію.
Здѣсь храмлетъ кирасиръ безъ лошади,
безъ меча, почти безъ крови и безъ жизни,
съ обернутыми въ лоскутья и мочала оп-
мороженными ногами, потъ самый кира-
сиръ, который въ Мазуріи, за шесть мѣ-
сяцовъ предъ симъ, ошнѣлъ у бѣднаго по-
селянина послѣдній хлѣбъ, разрѣзалъ его,
и выдолбѣя обѣ краюшки, ходилъ въ нихъ,
какъ въ деревянныхъ башмакахъ; тамъ дру-
гой, который съ свирѣпою жаждностію гра-
билъ чужое добро, носитъ обвязанныя
шляпками обѣ опрубленныя руки свои, и
пріемлетъ языкомъ испрошенный слезами,
печальный даръ соспрананія; тамъ иной,
кто у вдовы проглотилъ послѣдній кусокъ
и въ груди машери изсушилъ молоко мла-
денцу, потъ щещно молитъ о кускѣ хлѣ-
ба, и ошдаеетъ за него жизнь и члены свои
въ вѣчное рабство; тамъ иной, который
былъ бездонная хлѣбъ роскоши и корысто-

любя, лежишь спенящій на пуги, и слышишь ужё, какъ волки скрежещутъ на него зубами; индѣ простертъ безумецъ, не признававшій Бога; и пѣмъ, которые ему о семъ великомъ Міроправителѣ и праведномъ Судіи напоминали, съ глумленіемъ ошвѣчавшій: *ха, ха, ха! что такое Богъ вашъ?* но шеперь, подѣмля ослабѣвшія къ небу руки, щещно просишь, чшобъ Онъ бѣдспвенную жизнь его скорбе прекрашилъ. Тамъ иной, произносившій всегда хулы на Бога, хочешь, въ скорбный часъ послѣдняго издыханія своего, молишься, но языкъ его не можешь изречь имя Спасителя, и всѣ слова на усахъ его умирають: споль ужасно караешся злочестіе!

Такъ спонете, шакъ умираете, шакъ лежите вы шамъ, вы, которые и Нила и Эбра и Дуная и Вислы пили воды, вы, и Капишолій Рима, и Нумійскія развалины, и гордаго Филиппа Эскуріаль, и безсмершнй Фридриховъ Сансуси, и Рудольфа Габсбургскаго Столицу, и Московскіе священныя храмы, злочестивою рукою осквернившіе, се валяешесь вы, срамный, ничшожный, поруганный прахъ, надъ кошорымъ ни единая слеза не капнешъ, ни единая молишва не изречешся, но волки будутъ вышь, враны граляшь, псы лаяшь и люди проклинаяшь.

Тако судилъ и будетъ судить Богъ.

Все эшо, что въ послѣднихъ двадцати годахъ сшоль звѣрскаго и ужаснаго, и въ прошедшемъ 1812. году, шоль великаго и удивительнаго произошло, кажешся бытъ баснями и сказками, однакожь естъ правда, и правда шоль огромная и ужасная, что никогда въ точности, какъ она подлинно была, пересказать ее не возможно. Наполеонъ Бонапарте въ гордомъ помыслѣ своемъ мечпалъ не менѣе, какъ спашъ повелителемъ всѣхъ земель и народовъ, и все шо, что ему пропивустояшь будетъ, убійствомъ и мучительствомъ порабошишь. Онъ для достиженія сего упошреблялъ пронырство, насиліе, разбой, смертоубійство, лицемѣріе, ложь, и всѣ чершовскія въ адѣ шолько извѣстныя хитрости, и долго многіе слабыя и злые люди думали, что Богъ ему въ его намѣреніяхъ помогаетъ. Такимъ образомъ во Франціи многія тысячи людей заключилъ онъ въ шемницу, казнилъ, истребилъ, дабы сдѣлаться господиномъ и наконецъ назваъ себя Императоромъ. Въ Гишпаніи коварствомъ заманилъ онъ къ себѣ Короля, и низвергъ его съ престола въ зашоченіе. Италію хищною рукою взялъ, и владѣтелей ея изгналъ. Голландію разорилъ, и даже священную главу Каполической церкви Папу лишилъ въ Римѣ всѣхъ

его драгоцѣнностей, и поступалъ съ нимъ недостойно и ругательски, хоша самъ и хошѣлъ называться Каполическимъ и Христіанскимъ Императоромъ. Вольныхъ Швейцарцевъ упошреблялъ и понынѣ упошребляешъ подобно рабамъ. Соединенныя Нидерланды долго грабилъ онъ и разорялъ, пошомъ брата своего Людвига насильно посадилъ на престолю, и когда сей по справедливости и прилично Царскому достоинству управляшъ хошѣлъ, то онъ также насильно свергъ его, и Голландское Королевство, какъ бы завоеванное, посреди мира у него опнялъ, и къ Франціи присоединилъ. Всего же больше въ Нѣмецкой землѣ свирѣпствовало, древнее право Имперіи разрушилъ, и подъ именемъ Рейнскаго союза новое рабство устроилъ; Австрію и Пруссію уменьшилъ, многихъ владѣтельныхъ Князей прогналъ, а съ оспальными поступалъ, какъ съ покоренными данниками; многія земли и города насильственнымъ рукою взялъ, и братьямъ своимъ и своякамъ и Маршаламъ въ обладаніе и угнѣтеніе поручилъ. Въ сіи - то злополучныя времена многіе честные и праводушные Нѣмецкіе мужи были изгнаны, сосланы, заочены и казнены прошивъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ правъ, ширану неизвѣстныхъ. Сіе состояніе сшуда и ужаса было

такое, что самые вѣрные и добрые Нѣмцы измѣнниками и плушами, а плушы честными людьми назывались, и вмѣстѣ съ чужеземцами подъ ихъ руководствомъ всѣмъ обладали. Поелику Наполеону все удавалось, то почиая на послѣдокъ силу за право, такъ онъ превознесся, что восхошѣлъ и опдаленнѣйшую Россію покорить, и всю попомъ Европу злодѣянїями своими преисполнилъ. Но Богъ показалъ, что Онъ могущественнѣе, чѣмъ всѣ человѣческія хитрости и ковы, и въ печеніе шести мѣсяцовъ такъ его низложилъ, что онъ въ прежнее свое величіе никогда не возстанетъ.

Когда Богъ сокрушилъ его храбросцію и благочестіемъ Рускаго воинства и всего Россійскаго народа; тогда свѣтъ возвелъ опять глаза свои съ надеждою на небо; въ сердцахъ всѣхъ честныхъ Нѣмцовъ духъ бодрости воспрянулъ; они восчувствовали потерянную свободу, честь, и во многія тысячи гласовъ возопили: *война! война! мщеніе и война!* Король Прускій внялъ сему воплю, благоволилъ о немъ, и въ упованіи на Бога и на свой народъ и на правоспѣ дѣла своего, возгласилъ: *война противъ вѣроломнаго Бонапарте! война противъ коварныхъ Французовъ!* и весь Прускій и Нѣмецкій народъ возвеселился и возрадовался и возрасло сердце всѣхъ людей до самыхъ

ошдаленнѣйшихъ предѣловъ Нѣмецкой земли: и подѣ хоругвь, которую Прусскій Король, первый защитникъ Нѣмецкой свободы, высоко въ воздухѣ, яко знамя мщенія и чести, распустилъ, пошекли ошъ всѣхъ странъ многія пысячи мужей и юношей, и никто не хошѣлъ ошпашься послѣднимъ, и всякой несъ ошдашь и жизнь и все свое имущество за спасеніе ошечесшва. Они ополчились и вооружились, и нынѣ еще всякой день ополчающся и вооружающся, дабы люпосшь и гордосшь наглаго пришѣснителя усмиришь и обуздашь. Тако совокупно съ побѣдоноснымъ воинствомъ Россійскаго Императора выступило въ поле храброе Нѣмецкое воинство, и уже съ Божіею помощію далеко въ передѣ шопы свои простерло, и многіе пришѣсненные Князья и порабощенныя Нѣмецкія земли и города къ нему присшающъ, и всѣ въ окрестныхъ обласпяхъ народы горятъ желаніемъ противъ Французовъ и кровожаднаго ихъ владыки возшашъ.

Бонапарте упошребляешъ между шѣмъ всѣ свои шпарыя пронырства и лжи, ошъ коихъ никогда не можешъ онъ ошспашъ, и всегда ешъ еще измѣнники, ему помогающіе, и плушы, въ шемношѣ съ нимъ играющіе; но всѣ ихъ замыслы не успѣющъ. Онъ призываетъ шеперь небо и землю свидѣше-

лями, увѣряя, что онъ прошивъ властолюбія Россіи въ защиту Нѣмецкой земли ополчается, что за Нѣмецкую свободу и Нѣмецкихъ Князей воюешь, и что онъ желалъ и желаетъ всегда соблюдать щастіе и честь Нѣмецкой земли, какъ истинный ея Императоръ и защитникъ. Подъ симъ предлогомъ свирѣпствуетъ онъ, и думаетъ колеблющуюся власть свою страхомъ и силою удержавъ: для того честныхъ и неустрашимыхъ мужей, которые за опеченство и народъ вступающа, велишь хватать, увозить, и какъ возмущенныхъ разстрѣливать. Но всѣ его пронырства и обманы не помогаютъ, ибо никто имъ не вѣритъ, и самыя жестокости его бесполезны, потому что гнѣвъ спалъ уже силыѣ страха. Опыныи долженъ онъ не съ одними солдатами, но со всѣмъ народомъ вести войну, и злое очарованіе, которымъ онъ свѣтъ какъ бы связаннымъ держалъ, опчасу больше и больше разрушается; ибо сила, прошивуборствующая ему, велика: тамъ могущественный и побѣдоносный Россійскій Императоръ АЛЕКСАНДРЪ; тамъ Король Прускій съ знаменитымъ своимъ воинствомъ: тамъ наслѣдный Принцъ Шведскій съ храбрыми своими воинами; тамъ свободная Англія, войсками, содержаніемъ, припасами, оружіемъ и деньгами

снабжающая; памъ угнѣшеннаго отечества
 Князя и владѣльцы, къ Божиему и правому
 дѣлу обращающіеся; памъ весь Нѣмецкій
 народъ, долговременнымъ несчастіемъ на-
 ученный, что должно ему братски во еди-
 ну душу соединиться, естли не хочешь
 оспашься въ вѣчномъ посрамленіи; памъ
 наконецъ всемогущій и праведный Богъ,
 сей любящій свободу, всѣхъ величайшій,
 всѣхъ сильнѣйшій ратоборецъ, который
 не опречется бытъ за насъ, когда мы не за
 порокъ и кривду, но за честь и правду
 стоятъ будемъ.

Мы можемъ нынѣ радостными очами и
 съ упованіемъ въ сердцѣ взирашь на небеса.
 Богъ съ нами, Богъ посреди насъ, Богъ
 явнымъ образомъ вступаеиъ въ распоря-
 жене дѣяній міра. Богъ восхошѣлъ, Богъ
 хочеть, и мы должны хошѣтъ. Сей спа-
 ринный, неизмѣнный Нѣмецкій Богъ, ко-
 торый праощевъ нашихъ при толикихъ
 перемѣнахъ свѣща чрезъ не одну тысячу
 лѣтъ свободными сохранилъ, сей Богъ естъ
 съ нами и будетъ съ нами. Онъ обладае-
 лямъ земнымъ вложилъ въ сердце, что они
 за правду токмо и правдою одною могутъ
 бытъ побѣдителями. Они хотятъ только
 освободить, не хотятъ грабить и порабо-
 щать; они желаютъ предѣлы Нѣмецкой
 земли оружіемъ возвратить, царство паки

возставишь, и мирно по домамъ разои-
шишься.

Великъ Богъ, великъ и дивенъ явился онъ въ сіи послѣдніе дни; велико время и предназначеніе онаго; велико и славно будетъ то, что оно въ шемныхъ нѣдрахъ своихъ содержишь: таково будетъ оно для насъ, таково для опечесства нашего, Нѣмецкой земли, когда мы забытую Нѣмецкую добродѣтель и вѣрность паки вспомнимъ. Мы возымѣемъ тогда несомнѣнную надежду, что поль священная война благоуспѣшно и доспославно будетъ окончана, и что Нѣмецкая земля получишь образованіе, которое совокупишь ее швердѣйшими узами, и на долгія времена опъ оныхъ злощасныхъ потрясавшихъ ее бурь, содѣлаешь безопасною.

Все сіе представилъ и представляю я предъ очи человѣковъ для того, чтобъ слабые укрѣпились, лѣнныя воспрянули, робкіе ободрились, и шѣ, которыя находяшся еще въ рукахъ мучительскихъ, помышляли, гдѣ и въ чемъ состоишь ихъ истинное благо и спасеніе. Но горе не чувствующимъ нынѣ, что естъ у нихъ опечесство! горе коснящимъ въ поль священномъ прудѣ и поль прекрасной опасности приняшь учашіе! горе рабамъ къ чуждому пришѣсни-
телю еще приверженнымъ! Богъ опринулъ

ихъ, народъ опшвергаешъ, попомство опри-
нешъ. Горе шакже гнуснымъ Нѣмецкимъ
извергамъ, которые не прешаюшъ еще съ
порабощающими опечество ихъ чужеземца-
ми подъ рукою снюхивашься и сшепшы-
вашься! день мщенія наспалъ, и чесшъ
Нѣмецкая пробудилась: исчезнушъ тѣ, ко-
торые посрамляли ихъ и посрамляютъ хопѣ-
ли; спудодѣянiе ихъ падешъ на главу ихъ.
Богъ надъ злодѣями воздвигнешъ судъ свой,
какъ воздвигъ оный въ Россiи и Польшѣ.

Итакъ, народъ Нѣмецкiй, чего ты хо-
чешъ? Чего шеперь хопѣть долженъ? По-
слушай меня.

Предки твои, Германцы, прародители
твои, Нѣмцы, были за добродѣтели, за хра-
бросшъ, за свободу и справедливосшъ свою,
достойно опъ всѣхъ народовъ прославляемы
и оставили безмершную по себѣ памяшъ.
Нѣмцы! хошите ли вы чесшъ ихъ помра-
читъ спыдомъ своимъ? Хошите ли древ-
нюю Нѣмецкую свободу обезславишъ раб-
ствомъ? Хошите ли, подъ ярмомъ, скопо-
подобнымъ образомъ на могилахъ ихъ пи-
ташъся правою, доколѣ косши ихъ возмя-
нушъся гнѣвомъ и въ грозныхъ и мспишель-
ныхъ призракахъ возстанушъ изъ гробовъ
опягошишъ васъ своимъ прокляшiемъ, и какъ
презрѣнныхъ и поруганныхъ изринушъ изъ
своего бышописанiя?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Предки ваши были сильный и спраш-
ный народъ; они основали царство, копо-
рымъ подъ именемъ Императора владѣлъ
сильный Государь. Оно одно только во всей
Европѣ называлось *Имперією* и пребывало
оною въ величествѣ и чести близъ тысячи
лѣтъ. Нынѣ Французы и кровавый ихъ вождь
говорятъ объ одной Франціи своей: *великой
народъ, великое царство, великой Импера-
торъ* — вы ежедневно это слышите, и дол-
жны покланяться симъ испуканамъ. Прав-
да, вы можете щеславно позволять само-
хвальство, ибо пошъ еще не великъ, кшо
великимъ себя называетъ; но сіи инопле-
менники осмѣливаются, свободную издревле
Нѣмецкую державу своею землею, своею за-
воеванною областію называть; осмѣливают-
ся Нѣмецкое царство Францією и Нѣмец-
кихъ Князей Францускими подданными име-
новать: ихъ палачи, Генералы Даву и Ван-
дамъ, когда они въ Диссельдорфѣ, Гамбургѣ,
Брауншвейгѣ, Люнебургѣ, Бременѣ, Ольден-
бургѣ Нѣмецкихъ мужей въ шемницы сажали
и казнили, города сіи Францускими го-
родами, и сихъ несчастныхъ мужей Фран-
цускими подданными называли. Могли ли
они то смѣть? Должно ли дать имъ волю
дѣлать сіе? Хошите ли вы еще долѣе по
терпѣть?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Вы привержены къ своимъ Владѣтелямъ. Вы исполняете долгъ свой. Вы должны повиноваться шѣмъ, которыми Богъ далъ надъ вами власть. Но Князья ваши получили власть сію отъ Бога, дабы за Нѣмецкую землю, за отечество свое стояли, а не противъ онаго ратовали. Припомъже они повелѣваютъ нынѣ вами не какъ свободные мужи и обладатели, но какъ несчастные исполнители чужой злодѣйской воли. По неволѣ повинующаяся они лютому пришельцу Нѣмецкой свободы, по неволѣ ведутъ цвѣтущее юношество свое подъ Францускія знамена. Какъ можешь сердце ихъ быть Францускимъ, когда они для Нѣмецкой славы и чести рождены, и Бонапартьевы вѣроломства и умыслы ясно видятъ? ибо, если Наполеонъ въ злыхъ своихъ намѣреніяхъ успѣетъ, то конечно вскорѣ ни одного Нѣмецкаго Князя не останется, онъ всѣхъ ихъ одного за другимъ съ престоловъ свергнетъ, какъ ужѣ со многими по сдѣлалъ, и Францускіе градоначальники и Маршалы и верховные надзиратели будутъ Нѣмцами обладать и мучить ихъ. Волкъ легко найдетъ причину обвинить овцу, когда расперзаетъ ее захочетъ. Хошите ли вы быть Францускими рабами? хошите ли Францускихъ на-

Ч а с ь Х.

чалъниковъ, Францускихъ досмотрщиковъ, сборщиковъ, обдираль и душегубцовъ имѣшь господами своими? Хошите ли вы честь Княжескихъ поколѣній вашихъ увидѣшь сперва посрамленною, а потомъ уничиженною и навсегда испребленною?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Вы говорите сильнымъ, прекраснымъ, благозвучнымъ, богатымъ языкомъ, преисполненнымъ глубокомыслія и высокихъ чувствъ, полъ способнымъ къ выраженію искренности и благородства, что важешся бышь изобрѣшенъ блаженными духами свѣта, языкомъ цѣломудрымъ, мужественнымъ, простымъ, въ копоромъ горделивое, честное и чистое чувство храбрыхъ праотцевъ вашихъ созерцается. Давно ужѣ сіе блистающее свойство его вы не уважаете; давно при вашихъ дворахъ и въ бесѣдахъ, даже на улицахъ и на рынкахъ болтають по Француски; давно ужѣ сему легкомысленному и лжеблещающему чужезычію вы подражаете, и почти сныдидесь умѣшь по Нѣмецки чистахъ и пишашъ. Такъ вамъ сія иноплеменничья зараза полюбилась! шакъ вамъ языкъ сей лживый и соблазнишельный понравился! Потому что онъ легокъ и сладострастенъ, и потому что древнія Нѣмецкія добродѣте-

ли сдѣлались рѣже — и нынѣ! до чего чуждая власть простерлась? Она запрещаетъ вамъ Нѣмцамъ говорить и думать по Нѣмецки; она хочетъ вмѣстѣ съ языкомъ вашимъ послѣднюю объ васъ въ бышописаніи память и послѣднюю къ опечесству любовь погасить. Чуждые пришельцы велятъ вамъ перенимать ихъ мерзости, запирають ваши училища, даютъ вамъ Французскіе приказы и законы, спавятъ повелителями надъ вами своихъ военачальниковъ и градоправителей, чѣмъ вы были такими же, какъ они, подлыми рабами, были Французами. Нѣмцы! хотите ли вы священнѣйшій опцевъ вашихъ завѣтъ, хотите ли блистательнѣйшую память ихъ дѣяній, хотите ли корень жизни своей исторгнуть и опсѣчь: хотите ли стыдиться, что вы Нѣмцы?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Французы предусмотрительны, оборотливы, легкомысленны, себѣ и другимъ невѣрны; они съ свойственной имъ гибкостью и уловкою ко всему прилипають, и лжами и ласкательствами и услугами вездѣ вкрадываются; они все сносятъ, все дѣлають по мановенію чуждой власти, но всегда принимаютъ на себя видъ господства. Какъ языкъ ихъ въ мѣлочныхъ разговорахъ и пуспозвуч-

*

номъ болшаньи пригнушиваетъ и прикаршавливаетъ, такъ и нравъ ихъ мѣлокъ, суешенъ и хваспливъ. Недоспашокъ гордящейся собою правошы замѣняютъ они хипростію; недоспашокъ честности, лживостію; недоспашокъ справедливости, лукавствомъ: опсюду искусство ихъ, всѣ вещи и добродѣтели въ ложномъ свѣтѣ представлятъ, и прикрасами и обманами очаровываютъ, ни одному Европейскому народу такъ несвойственно, какъ имъ. Скажите, нравились ли вамъ такое сложеніе людей, такое легкомысліе и рабство? Должны ли такіе обаятели быть вашими господами? Хотите ли вы такимъ раболѣпнымъ народомъ, такою вертопрашною быть челядью? Хотите ли ложь почишатъ правошю, видъ насмѣящимъ дѣломъ, обманъ правдою, рабство свободою?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Вѣпръ есть стихія Французовъ, вода и пѣна нравъ ихъ. У нашихъ опщевъ названіе *Француской вертолпахъ* было бранное слово; и на семь-то легкомъ вѣпрѣ должна тяжелая Нѣмецкая швердосшь опочивать? Разстояніе неба отъ земли не такъ велико какъ велика была разность того, что Французы и нѣкогда Нѣмцы вѣрносію, постоянствомъ и честію называли. Пусть Фран-

дузы хвалящся своею ловкостію и любезностію, мы имъ въ помъ не позавидуемъ, когда сохранимъ въ себѣ важность и честность, копорыми Нѣмецкое имя было споль достопочщенно. Ахъ! съ Парижскими модами и нравами, съ ихъ лживымъ, обманчивымъ и сладоспраснымъ языкомъ, пришли къ намъ вершопрашество и лицеугодіе, копорыхъ праводушные предки наши не знали. Все сіе должно испребить; въ Нѣмецкомъ царствѣ обезьяничаешь и подражаешь Французамъ, по Француски говоришь, и дѣшей своихъ офранцузиваешь и разнѣмчиваешь долженъ всякъ почиашъ за сшудъ и позоръ. Вошь истинное средоспѣніе, долженствующее спояшъ между обоими народами, какъ непроницаемое забрало, охраняющее насъ отъ льсшиваго удобовползающаго зла,—или, Нѣмцы, хошите вы такими, какъ шеперь, навсегда оспашься? не ужѣ ли не хошите сдѣлашъся опашъ такими, каковы были ваши ошцы, и какими вы бышь долженствуете? Не уже ли спарая Нѣмецкая честность, праводушіе, посшоянство и справедливость, должны казашъся шокмо какъ нѣкій темный прошедшихъ временъ образъ, какъ нѣкое высокое о великихъ душахъ сновидѣніе? Не уже ли не должны они бышь живы въ сердцахъ вашихъ? Должна ли доблесь еще долѣе называшъся варварствомъ, ложъ еще долѣе

искусствомъ, вѣроломство еще долѣе любезностию? Хотите ли вы быть Французами?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хотите.

Нравятся ли вамъ новизны? Юный вашъ Рейнской союзъ? Юное ваше блаженство? Юное ваше учрежденіе правительства? Нравятся ли Францускіе законы, префекты, мэры, жандармы, всѣ Францускія шираниства, пшпы, имена? Нравится ли вся сія пришедшая къ вамъ изъ Галліи сволочь небывалаго между Нѣмцами безчеловѣчія? Нравятся ли произвольныя Нѣмецкихъ мужей заточенія, ссылки, казни, которыя доселѣ, благодаря Бога, въ священномъ Нѣмецкомъ царствѣ были нѣчто неслыханное? Нравятся ли вамъ надменныхъ Французовъ ругательные съ Князьями вашими поступки? Пріятно ли вамъ слушать, какъ писатели ваши о Бонапартѣ провозглашаютъ, что онъ освободитель свѣта, дарователь счастья, любимецъ Божій, великодушный возстановитель и основатель Нѣмецкой земли? Пріятно ли вамъ, что вѣдомости ваши величаютъ его вашимъ Государемъ, Императоромъ и защитникомъ? Словомъ, нравятся ли вамъ вся эта льстивая и ползающая и пресмыкающаяся въ прахѣ подлость? Нравятся ли вамъ сіе совокуп-

ное рабство и злодѣйство Французовъ отъ начала ихъ бышописанія съ ними неразлучныя? Хошите ли вы быть Французами? Хошите ли вы быть рабами Французовъ? Хошите ли быть рабами рабовъ?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Чуждая властъ осквернила имя честныхъ Нѣмцовъ внѣ и внутри. Нѣмцы! что съ вами дѣлается? Дѣшей вашихъ берутъ отъ васъ и гонящъ, какъ гоняющъ безсловесный скотъ. Они въ Астріи и Тиролю, въ Силезіи и Прусіи, противъ собственныхъ брашій своихъ законопреступно воевали, и чрезъ то постыдное порицаніе и справедливое проклятіе заслужили. Великосердая Гишпанія и благочестивая Россія призывали съ небесъ Божеское на Нѣмцевъ воиновъ мщеніе. Говорите! должно ли имени вашему, какъ презрѣнному и проклятому, въ бышописаніи заглухнуть? Хошите ли вы еще долѣе за чуждыхъ палачей честь свою убивать? Хошите ли еще долѣе терпѣть, чтобъ внуки державнѣйшаго въ свѣтѣ народа употребляемы были какъ рабы, и осуждались за мучителей своихъ какъ овцы бытъ ведомы на заколеніе? Хошите ли вы еще за Французовъ драться?

Нѣтъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Когда хошашъ семейство распроишъ, заводяшъ въ немъ ссоры; когда хошашъ царство погубишъ, заводяшъ въ немъ несогласіе. Наши предки были сильный народъ; мы были нѣсколько сполѣшій могущесшвеннѣйшимъ во всей Европѣ народомъ, и могли бы и понынѣ быть сильны и щасливы, естлибъ сохраняли единодушіе. Римляне первые посѣяли въ Германіи сѣмена раздора: Августъ, Тиверій, и преемники ихъ, употребляли противъ древнихъ предковъ нашихъ Германцевъ великія лукавства и хитроссти; имъ удавалось часто раздѣляшъ ихъ, но не порабощашъ: добродѣшель тогдашнихъ мужей была больше, нежели ихъ ослѣпленіе. Въ среднія времена Римскіе Папы также нерѣдко старались приводишъ насъ въ несогласіе и слабостъ. Потомъ пришли Французы. Сіи приспа лѣшъ завидуюшъ ужѣ нашей вольности, справедвости и щастію; они часто присмапривали и ловили случай хитрымъ образомъ нападашъ на насъ; нынѣ же покусились нами возобладашъ. Сіи самые люшѣйшіе враги наши, весьма хорошо знающіе нашу силу и слабостъ, зложеляюшъ намъ, какъ Римляне зложелали нѣкогда Германцамъ:

„О да пребудесть между Нѣмцами еже-
 „ли не любовь къ намъ, шо ненавишь ме-
 „жду самихъ себя.“

Такъ шочно: наше несогласіе и равно-
 душіе къ опечестиву погубили насъ и при-
 вели въ шо соспояніе, въ какомъ мы недав-
 но были, и изъ копорого милосердый Богъ
 нынѣ избавишь насъ соизволяесть. Хошимъ
 ли мы, чшобъ и впредь Нѣмецкія земли
 одна прошивъ другой раповали? Хошимъ
 ли долѣ шерпѣшь, чшобъ Нѣмцы прошивъ
 Нѣмецкой свободы выходили въ поле? Хо-
 шимъ ли, чшобъ плачевный срамъ брапо-
 убійства вѣчно осквернялъ имя наше въ
 бышописаніи? Хошимъ ли, чшобъ Нѣмцы
 Нѣмецкимъ желѣзомъ пронзаемы были? Чшобъ
 Нѣмцы праздновали побѣды надъ
 Нѣмцами, и чшобъ коварный врагъ, симъ
 единымъ надъ воинспвеннымъ и храбрымъ
 народомъ востѣржеспивовавшій, смѣлся
 шому и радовался? Хошимъ ли мы, хоши-
 те ли вы сего?

Нѣшъ, Нѣмцы, вы сего не хошите.

Нѣшъ! нѣшъ! всего эшаго вы не хоши-
 те, и не можете хошѣшь.

Чтобъ опечесство наше, Нѣмецкая земля, было сильное и пышное царство; Имперія блистательна, Императоръ могущественъ, народъ свободенъ и справедливъ: сего должны вы желать.

Чтобъ къ тому, чѣмъ предки ваши были почтенны и щасливы, и въ чемъ вы отъ нихъ опстали, къ добродѣтели, къ честности, къ праводушію, возвратившись съ любовію и вождельніемъ — сего должны вы желать.

Чтобъ смиренномудріе и страхъ Божій и небу врученное сердце, также и васъ, какъ опцовъ вашихъ, на всякій шрудъ и терпѣніе укрѣпляли и отъ спудныхъ дѣлъ и пороковъ охраняли — сего должны вы желать.

Чтобъ въ сердцахъ вашихъ пылали ненависть и гнѣвъ къ вашимъ пришѣснителямъ, ненависть и гнѣвъ къ ихъ дѣламъ, къ ихъ раболѣпству, къ ихъ языку, къ ихъ нравамъ и модамъ, ко всѣмъ ихъ прелестямъ, соблазнамъ, и ко всѣмъ шѣмъ, которые въ Нѣмецкой землѣ ихъ обезьянами и рабами остаются и оставались хотять — симъ должны вы повелѣть образумиться

и паки къ Нѣмецкой чести и народной гордости обратитесь.

Согласія, брашской любви, уваженія другъ къ другу, миролюбія, примиренія во всякой непріязни, вѣчнаго забвенія бѣдшвенныхъ распрей между Нѣмецкими поколѣніями и обласями — сего должны желашь.

Храбрымъ рашеборшвомъ, бодршвеннымъ духомъ и добровольнымъ приношеніемъ имущества и крови своей опечешву, должны вы спыдъ свой омышь, вольность возвращишь, доспославное и священное царство Нѣмецкое возшановишь, единодушно и смѣло съ упованіемъ на Бога за честь и правду оружіе свое подыашь, и враговъ, доколѣ они пребываюшъ въ предѣлахъ вашихъ, бишь и истребляшь.

Когда вы право свое чпите и соблюдашь хошите, когда къ безсмертнымъ дѣламъ и справедливости привязанность и любовь чувшвуеете, когда старую Нѣмецкую землю уважаете, шо ошнынѣ начнущся славныя для васъ времена; Богъ увѣнчаетъ васъ побѣдою, и дастъ вамъ мудрость, какъ падшее и разрушенное ваше опечество паки воздвигнушь.

Возстаньте же всѣ! Слупайте съ надеждою на Бога, подъ щиромъ чесши и добродѣтели! Слупайте съ небеснымъ оружіемъ прошивъ адскаго оружія! Опважьшесь бышь мужами; свободными, честолюбивыми мужами. Опважьшесь сравнишься съ вашими предками; опважьшесь превзойти своихъ враговъ; дерзайте побѣдитъ или умереть — и бышописаніе по долгомъ молчаніи и скрышности возгремишь! паки о Нѣмецкой чесши.

О П И С А Н І Е
РЪЗНЫХЪ ИЗОБРАЖЕНІЙ
СЪ МЕДАЛЕЙ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХЪ
ЗНАМЕНИТѢЙШІЯ ВОИНСКІЯ ДѢЙСТВІЯ,
ПРОИСХОДИВШІЯ
ВЪ 1812, 1813 и 1814 годахъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Начало сего предлагаемаго нынѣ любителямъ изящныхъ художествъ и отечественныхъ бытописаній полезнаго труда происходило слѣдующимъ образомъ: въ Іюнь мѣсяцѣ 1816 года извѣстный художественными своими работами Графъ Толстой отнесся къ Президенту Россійской Императорской Академіи Г. Шишкову съ предложеніемъ, что если Академія подастъ ему помощь и руководство свое, то намѣренъ онъ присупить къ вырѣзыванію девятнадцати медалей по образцу сдѣланной уже имъ и всѣми похваляемой медали, подъ названіемъ или надписью: *Родомыслъ девятигонадесять вѣка*. Онъ представилъ изобрѣтенные имъ рисунки сихъ медалей. Собраніе оныхъ долженствуетъ предать потомству изображеніе достопамятнѣйшихъ дѣяній, происходившихъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, а именно:

1. Народное ополченіе (въ Россіи).
2. Битва при Бородинѣ.
3. Освобожденіе Москвы.
4. Бой при маломъ Ярославцѣ.
5. Трехдневный бой при Красномъ.
6. Сраженіе при Березинѣ.
7. Бѣгство Наполеона за Нѣмень.
8. Первый шагъ АЛЕКСАНДРА за предѣлы Россіи.
9. Освобожденіе Берлина.
10. Тройственный союзъ.
11. Сраженіе на высотахъ Кацбахскихъ.
12. Бой при Кульмѣ.
13. Битва при Лейпцигѣ.
14. Освобожденіе Амстердама.
15. Переходъ за Рейнъ.
16. Сраженіе при Бріеннѣ.
17. Бой при Арсисъ-Сюръ-Объ.
18. Сраженіе при Феръ-Шампенуазѣ.
19. Покореніе Парижа.

Россійская Академія нашла сіи рисунки искусно составленными и предпріятіе таковое полезнымъ, какъ для сохраненія въ памяти толь знаменитѣйшихъ происшествій, такъ и для славы процвѣтающихъ въ Россіи

художествъ; однако, дабы еще болѣе въ томъ удостовѣриться, разсудила пригласить въ за-
сѣданія свои господъ Членовъ Академіи Ху-
дожествъ, которые собрались въ Россійскую
Академію и по разсмотрѣніи вышеозначен-
ныхъ рисунковъ изъявили письменно мнѣніе
свое объ оныхъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
„мы нижеподписавшіеся, по приглашенію
„Императорской Россійской Академіи, раз-
„сматривали изобрѣтенные Графомъ Тол-
„стымъ для медалей и для гравированія ри-
„сунки, которые въ числѣ девятнадцати
„изображаютъ знаменитѣйшія въ 1812, 1813
„и 1814 годахъ происшествія, и по доволь-
„номъ разсмотрѣніи оныхъ и при нѣкто-
„рыхъ замѣчаніяхъ находимъ: 1-е, что та-
„ковый трудъ, яко памятникъ толь досто-
„славныхъ и достопамятныхъ временъ, об-
„ращаетъ на себя особое вниманіе какъ
„Россіянь, такъ и другихъ народовъ. 2-е,
„Что оный изобрѣпателю своему, яко лю-
„бителю отечества своего и усердному о
„славѣ онаго ревнителю, приноситъ не ма-
„лую честь и похвалу. 3-е, Что собраніе
„сихъ медалей и со стороны художества,
„по искусному сочиненію, хорошему рисун-

Ч а с т ь X.

20

„ку и красота спилла какъ отличное произведение заслуживаетъ всякое уваженіе и признательность къ дарованію и талантамъ прудившагося надъ онымъ.“ Подлинное подписали: Чекалевскій, Мартошь, Щедринъ, Прокофьевъ, Угрюмовъ, Тупылевъ, Ивановъ, Шебуевъ, Егоровъ, Демуховъ, Кругъ, Келлеръ.

По семь свидѣтельствъ и одобреніи отъ Академіи художествъ, Россійская Академія положила: 1-е, употребить на производство сихъ работъ потребное по сметѣ число денегъ, а именно двадцать тысячъ рублей, изъ суммы Монаршею щедротой на ободреніе Наукъ и Художествъ назначенной. 2-е, Между тѣмъ, какъ Графъ Толстой рѣзную работу сихъ медалей продолжать будетъ, рисунки оныхъ награвировать и съ приспосойными къ онымъ надписями и описаніями напечатать. 3-е, Гравированіе оныхъ поручить извѣстному въ семь искусствъ дарованіями своими Господину Уткину. 4-е, Когда рисунки напечатаны будутъ, тогда въ пользу трудящагося открыть подписку на оныя купно съ медалями,

которыя художникъ съ неусыпнымъ раченіемъ одну за другою производить не преминетъ.

Наконецъ Академія разсудила, въ началѣ собранія сихъ девятнадцати рисунковъ и медалей, изображающихъ толь славныя и знаменитыя дѣянія, поставить прежде извѣстную тѣмъже художниковъ медаль, представляющую *Родомысла девятиугонадесять вѣка*; ибо что по истиннѣ можетъ быть приличнѣе и справедливѣе, какъ дѣлателью стоять при дѣлахъ своихъ?

*

РОДОМЫСЛЬ**ДЕВЯТАГО НАДЕСЯТЬ СТОЛѢТІЯ.**

Родомысль, по нѣкоторымъ преданіямъ, былъ Богъ древнихъ Славянъ. Главныя свойства приписывались ему: храбрость, мудрость, правда. По симъ свойствамъ въ чертахъ Благословеннаго освободителя народовъ кто не познаетъ Родомысла девятого-надесять вѣка?

ОПИСАНІЕ МЕДАЛЕЙ,
ИЗОБРАЖАЮЩИХЪ ЗНАМЕНИТѢЙШІЯ СОБЫТІЯ,
ПРОИСХОДИВШІЯ
ВЪ 1812, 1813 и 1814 ГОДАХЪ.

№ 1. НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНІЕ ВЪ 1812 ГОДУ,
СЪ НАДПИСЬЮ:

*со крестомъ въ сердцѣ, и съ оружіемъ въ рукахъ,
никакія теловѣскія силы не одолѣютъ насъ.*

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Россія обширная, мужественная, изобильная, побѣдоносная внѣ, щасливая внутри своими нравами, законами, правительствомъ, пребывала въ положеніи, въ какомъ изобразилъ ее Ломоносовъ :

Она коснувшись облаковъ,
Конца не зрѣтъ своей Державы ;
Гремящей насыщенная славы,
Покоится среди луговъ.
Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ,
Своими чистыми спруями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги проспираешь

На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
 Пространная стѣна отъ насъ;
 Веселый взоръ свой обращаетъ,
 И вокругъ довольства исчисляетъ,
 Возлегли лакшмѣ на Кавказѣ.

Два вѣка, отъ начала царствованія
 колѣна Романовыхъ, во всѣ времена гремѣла
 она въ браняхъ оружіемъ, въ побѣдахъ ве-
 ликодушіемъ, въ мирѣ чистосердечіемъ.
 Спрашная врагамъ, вѣрная союзникамъ, по-
 лезная самой себѣ, она украшалась науками
 и возвышалась силою и славою. Поля ея
 расширялись, села и веси расли, грады ум-
 ножались. Двѣ столицы ея, сѣдая Москва,
 и юный градъ Пепровъ, облекались въ ве-
 ликолѣпіе, и благоденствуя процвѣтали.
 Между тѣмъ во Франціи, послѣ многихъ
 преволненій, ужасовъ и неистовыхъ дѣлъ,
 похищитель Францускаго престола Напо-
 леонъ Бонапарте утвердился на немъ, обра-
 тилъ царство свое въ войско, дышущее за-
 воеваніями и грабительствами, покорилъ
 сосѣднія обласпи и распростеръ власшь
 свою почти на всю Европу. Сей кровожад-
 ный и вѣроломный мужъ, называя себя со-
 юзникомъ Россіи, шайно скрежеталъ на нее
 зубами и приготавливалъ ей пагубу. Наспалъ
 1812 годъ, доспомятливѣйшій въ бышопи-
 саніяхъ, громкій великими дѣлами и проис-
 шествіями, послѣдній для возраспанія силы

и власпи сего лютаго, вознесшаго къ обла-
камъ главу свою, завоеваша. Онъ, сово-
купя всѣ свои силы, какъ нѣкая грозная
рѣка, болѣе и болѣе ошъ увлеченія за со-
бою всѣхъ встрѣчающихся съ нею водъ ра-
спущая, пошекъ прямо къ предѣламъ Рос-
сійскимъ. Двадесять различныхъ народовъ
и державъ, не дерзавшихъ воспротивиться
ему, принуждены были, ко вреду самимъ
себѣ, соединиться съ нимъ и собственнымъ
оружіемъ своимъ способствовать оружію
его разрушать всеобщую свободу и незави-
симость. Тако съ двумя или болѣе тысяча-
ми огнеспрѣльныхъ орудій, и съ пѣшею-
стами тысячъ пѣшихъ и конныхъ оруже-
носцевъ, приходилъ онъ съ мирными въ ус-
тахъ словами, и съ злобными въ сердцахъ по-
мыслами къ берегамъ рѣки Немена, и въ 12
день Іюня, перешедъ черезъ нее, вторгаеш-
ся дерзновенно въ Россію. Твердящій о ми-
ролюбіи гласъ его не прежде умолкаетъ,
какъ вмѣстѣ съ пушечнымъ громомъ. Вели-
кій Императоръ нашъ, полъ, вѣроломнымъ
нарушеніемъ мира праведно прогнѣванный,
о бѣдствіяхъ народа своего сердоболѣщій,
и безсомнѣнія самимъ Богомъ вдохновенный,
находясь въ Вильнѣ, въ тошѣже самый день
во услышаніе всему изумленному и уныв-
шему свѣшу возгласилъ: не положу оружія
доколѣ ни единого непріятельскаго воина

не останется въ царствѣ моемъ. Обѣщъ сей несется къ престолу Вышняго и шамо высокимъ и превѣчнымъ судомъ его вносится въ книгу судебъ. Войска наши, собранныя не для завоеванія чужихъ земель, но шокмо для обороны собствѣнныхъ своихъ предѣловъ, хопя и находились въ знашномъ числѣ, однакожъ шоль великихъ силъ, составленнѣхъ изъ силъ почши всей Европы, встрѣшитъ не ожидали. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ Первый, предводителъшвуя ими, возбраняешъ, удерживаешъ быспрошу шопъ врага; но шоль многоводному разливу, какъ водамъ Океена, не возможно было постапвишь оплошь. Сего ради, оспановясь при городѣ Дрисѣ, вызваешъ Онъ къ обѣимъ Спаницамъ и всему царству своему: „да ополчаться, да стануть всѣ со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, шогда никакія человѣческія силы не одолѣють ихъ.“ Сей гласъ прошекъ, какъ молнія, по всѣмъ спранамъ. Монархъ, да усилишь единоподушіе и твердосшь, являешся самъ посредѣ народа Своего. Смоленскъ, Москва, Петербургъ, одушевленные взорами Его, воскипѣли мужесшвомъ. Вся Россія восшумѣла, берешъ оружіе, ополчается.

ИЗЪ ОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россія, облеченная въ одежду жсны Россіянки, возбужденная гласомъ Царя сво-

его, сѣдѣтъ на возвышенномъ мѣстѣ. Въ очахъ ея блистаетъ любовь къ отечеству. Взоръ ея помраченъ печалію, но спокоенъ надеждою на Бога и на мужество сыновъ своихъ. Одною рукою опершись на щипъ, изображающій Государственный гербъ, другою раздаетъ она мечи народу. Три, единодушіемъ соединенныя сословія, въ лицѣ дворянина, купца и поселянина, спѣшаютъ принять оружіе изъ рукъ ея, съ шѣмъ усерднымъ неперѣбніемъ, какое порѣваетъ ихъ лѣпѣтъ на службу и спасеніе отечества. Поверженные у подножія Россіи сосуды, злато и прочія драгоцѣнности, напоминая о временахъ Минина и Пожарскаго, являютъ, что и нынѣ духъ Россіяхъ, въ пожертвованіяхъ для обороны отечества имуществомъ и жизнію, не уступаетъ духу предковъ своихъ.

№ 2. ВИТВА БОРОДИНСКАЯ СЪ НАДПИСЬЮ:

Богъ мой, помощникъ мой и уповаю на него.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Послѣ многихъ частныхъ битвъ, изъ коихъ нѣкоторыя были весьма упорныя и кровопролитныя, а особливо подѣ Смоленскимъ, войска Россійскія, отчасти по причинѣ великаго въ числѣ превосходства непріятельскаго, отчасти же чѣмъбъ увеличить способы свои завлеченіемъ его внутрь Россіи, не вступали съ нимъ въ главное сраженіе; но уступая силамъ его, безъ всякаго съ своей стороны разстройства и потери орудій, принуждали его каждый шагъ покупатьъ кровію. На послѣдокъ при селѣ Бородинѣ, отстоящемъ по Смоленской дорогѣ во сѣмъ одинадцати верстахъ отъ Москвы, Главноначальствующій надъ войсками Князь Голенищевъ-Кутузовъ (названный попомъ Смоленскимъ) рѣшился дать главную битву, происходившую Августа въ 26й день. Кровавый бой сей былъ поправляющее землю непрерывное рыганіе огнедышущихъ горъ. Обѣ стороны стояли съ равнымъ упорствомъ: одна, превосходная числомъ, алчущая грабительствъ, отчаянная въ случаѣ изнеможенія въ спасеніи сво-

емъ, льстящаяся покореніемъ Москвы достигнушь конца своихъ желаній, нападала съ лютою и свирѣпствомъ разъяреннаго шуга; другая, шверже кремнистой скалы съ правосію сердца и надеждою на Бога, предъ лицомъ опечиства и подъ стѣнами древней Столицы своей, защищая ихъ, опраждала нападенія и нападала сама, съ мужествомъ кипящей гнѣвомъ львицы. Воздухъ горѣлъ, земля сползала. Восемдесятъ тысячъ жертвъ пали наслѣдіемъ рая и добычею ада. Ночь черною ризою своею покрывала сіе ужасное и плачевное зрѣлище. Непріятель лишился пятидесяти тысячъ войскъ своихъ и пятидесяти Генераловъ; но еще силенъ, еще грозенъ и дерзокъ, спремился къ исполненію своихъ намѣреній. Надлежало подъ самыми стѣнами Москвы возобновить кровавую и уже рѣшительную сѣчу. Князь Кузубовъ съ глубокимъ вздохомъ и шажкомъ въ сердце болѣзни, но съ надеждою обратишь крашкое шоржество врага въ неизбѣжную погибель, уступая ему Москву, и расположеніемъ войскъ своихъ при Тарушинѣ заслоняешь ему путь въ хлѣбородные Россійскіе края. Опшолъ съ швердымъ духомъ пишешь къ Монарху своему: *потеря Москвы не есть еще погибель Отечества.*

ИЗОВРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Руской въ бронѣ Славенина спойшъ твердо прошивъ нападающихъ на него прехъ враговъ, изъ копорыхъ единого низвергъ къ стопамъ своимъ, двухъ же другихъ сильною мышцею и крѣпкимъ щитомъ опразилъ и удержалъ на время. Три нападающихъ лица представляють върое превосходящую непріятельскую силу, изъ коей падшій воинъ показываетъ испребленную и сокрушенную часть.

№ 3. ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ, СЪ НАДПИСЬЮ:

да воскреснетъ Богъ и растопятся врази его.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Непріятель Сентября 2го числа вошелъ въ Москву, но не съ такимъ веселіемъ и шоржесшвомъ, съ какимъ вошли надѣялся. Она была унылая, пустая, обнаженная ошъ всѣхъ сокровищъ и жишелей. Вмѣсто ожидаемыхъ Наполеономъ народныхъ покорствъ и восклицаній, казалось, мрачная пустоша улицъ и домовъ пространнаго града сего швердила ему: ты погибъ! суровая душа его впервые содрогнулась ошъ спраха; онъ смутился и почувствоваль великосшь духа Россіянъ, и не съ гордымъ челомъ, но съ пошупленными взорами ѣхаль въ Кремль. Буйное войско его кинулось грабишь; Москва воспылала: огонь, убійштво, свяшопашштво, поруганіе храмовъ, оскорбленіе костей въ гробахъ, словомъ всѣ ужасы, всѣ преступленія, всѣ мерзости и неистовшва, какимъ со временъ революціи оскверняла себя Франція, свирѣпшвовали въ семъ пышномъ градѣ, болѣе половины превращенномъ въ пепель и опустошеніе. Такимъ образомъ злодѣйштво призывало на главу свою громъ правосудія небеснаго. Пламень сей

древней Столицы воспалилъ мщеніемъ сердца Россіянъ. Наполеонъ мнилъ истребленіемъ ея устрашитъ Россійскаго Монарха и принудитъ къ миру, но АЛЕКСАНДРЪ возгласилъ войскамъ своимъ и народу: *потушите пожаръ Москвы кровію враговъ.* Въ сихъ обстоятельствевахъ гладныя въ пущомъ градѣ, пишавшіяся мершвыми лошадьми, силы непріятельскія, вездѣ въ окрестностяхъ опрядами козаковъ и поселянами истребляемыя, приходили опчасу болѣе въ истощеніе, между тѣмъ какъ наши силы опчасу болѣе умножались и возрастали. Побѣда, одержанная при Тарутинѣ надъ Королемъ Неаполитанскимъ, возвѣстила Наполеону, что онъ не можеть долѣе оставаться въ Москвѣ. Яростень и лють, видя намѣреніе свое разрушаемымъ, выходитъ онъ изъ нея, и въ бѣшенствѣ и злобѣ повелѣваетъ послѣдній часъ пребыванія своего въ ней ознаменовашъ доспойнымъ себя злодѣйствомъ: подорвать Кремль. По освобожденіи Москвы наполняется она войсками и народомъ Рускимъ, шекущимъ во множествѣ, принесъ благодареніе Богу: двери соборной церкви оптверзаются, и преосвященный Августинъ, облаченный въ великолѣпныя ризы, исходитъ изъ олшаря и со крестомъ въ десницѣ возглашаетъ сіи поразительныя слова: *да воскреснетъ Богъ и растопятся врази его.*

Народъ рыданіемъ и радостными слезами изъясляешъ и воспоргъ и благодарность свою Богу Избавишелю.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Москва, въ видѣ измученной и упомяненой спраданіями жены, сѣдишь оложа престообразно руки, на развалинахъ еще дымящихся зданій. Рускій воинъ, вооруженный щипомъ вѣры, поражаетъ мучителя ея, держащаго въ рукахъ орудія злодѣйства: кинжалъ и пламенникъ. Любимый врагъ, полунегъ, изъясляющій по жалкое сословіе, въ какомъ при изгнаніи изъ Москвы находились Французы, падаетъ къ стопамъ ея. При семъ видѣ освобожденная Москва возводитъ къ небесамъ окропленные слезами благодарные взоры, и лице ея сквозь печаль просіяваетъ радостію видѣвъ себя, что она спраданіями своими спасаетъ Россію и Европу.

№ 4. БОЙ ПРИ МАЛОМЪ ЯРОСЛАВЦѢ, СЪ НАДПИСЬЮ:
тебѣ не сокрушится о скалу народной твер-
дости?

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Непріятель, при самомъ вступленіи его въ Москву, въ день величайшаго шоржества и славы своей, почувствовалъ уже, что онъ не въ ту страну зашелъ, гдѣ единымъ нанесеннымъ ударомъ усмрашишь народъ и достигнешь до конца своихъ желаній. Пустота и пишина сей древней, великолѣпной, многолюдной Столицы, оставленной ему на поглощеніе, являли въ сей великой, необычайной жертвѣ нѣкій твердый духъ, нѣкое непоколебимое, усмупившее обстоятельство мужество, но предвѣщавшее ему, что окрестъ ея скопляются шучи гнѣва и мщенія. Бонапартьево пребываніе въ Москвѣ подобно было состоянію любаго со всѣхъ сторонъ окруженнаго ловцами звѣря, который въ пещерѣ своей свирѣпствуетъ, видя, что осмашся въ ней не можешь, а выдпи изъ ней спрашишься.

Какъ пигрѣ ужѣ на копѣ хопя ослабѣваетъ,
 Однако посмопрѣ на раненый хребетъ,
 Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
 И рашовище злѣсь въ себѣ зубами рветъ.

(Ломоносовъ.)

Такъ онъ, поражаемый за'спѣнами Москвы, злился и свирѣпствовалъ въ спѣнахъ ея. Онъ долженъ былъ гордыя мысли свои о завоеваніи Россіи переѣмѣннѣ въ недоумѣніе и страхъ, какимъ образомъ выдти изъ ея предѣловъ. Возвратный путь чрезъ Смоленскъ и Вильну, имъ же самимъ опустошенный, не представлялъ ему при наступающихъ холодныхъ погодахъ ничего надежнаго къ пропитанію и укрытію голодныхъ и худо одѣтыхъ войскъ его. Колеблемый сими мрачными воображеніями выходилъ онъ изъ Москвы гнѣвенъ и лютъ. Единая еще питаетъ его надежда: онъ думаетъ прорваться въ плодороднѣйшіе края Россійскіе, дабы по крайней мѣрѣ оставшіяся отъ пораженія силы свои сохранить отъ голода, и явиться еще въ нѣкоторомъ устройствѣ предъ лицомъ Европы. Съ сими мыслями устремляется на малый Ярославецъ, но тамъ встрѣчаетъ непреодолимый оплотъ, швердую сыновъ отечества грудь. Князь Смоленскій, предусмотря намѣреніе его, преграждаетъ ему путь къ Калугу. Октября въ 13 день возгарается страшная брань. Враги силясь пройти, Рускіе не пропускаютъ. Ужасная съ обѣихъ сторонъ борьба! Ярославецъ, восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, горилъ; но соимынная ему лежащая надъ ярымъ пламенемъ его

Ча с т ь X.

слава громкою трубою своею устращенному
свѣшу гласитъ :

Не будетъ спрашныя премѣны,
И ошъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
Разсыплются проотивныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможатъ лукъ.
(Ломоносовъ.)

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Превосходная непріятельская сила представляется въ шрехъ лицахъ или часяхъ, изъ коихъ одна, пораженная, пала къ спопамъ побѣдоноснаго Россійскаго воина, спопящаго швердо съ мечемъ и со щипомъ въ рукахъ ; другая, шерзаемая настоящимъ и будущимъ спрахомъ, обращается съ ужасомъ въ бѣгство ; шрешія , напрягая всю силу руки своей для нанесенія удара , но по сокрушеніи меча своего объ мечъ Россійскій , съ пошупленной главою опрокидывается вспяшь : шако ярлящаяся волна , ударясь о каменную скалу , ошспупаетъ ошъ ней въ мелкія брызги разсыпанная.

№ 5. ТРЕХДНЕВНЫЙ ВОЙ ПРИ КРАСНОМЪ СЪ НАДПИСЬЮ:
*врагъ мой и Бога моего! поля и горы да намок-
 нутъ кровію твоею.*

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Непріятель, по тщетномъ покушеніи пройти въ плодоноснѣйшіе Россійскіе края пораженный и прогнанный опъ малаго Ярославца, принужденъ былъ возвращишься на угрожавшій ему бѣдспвіями, его же свирѣпствомъ опустошенный путь къ Вильнѣ, и шокмо помышлять о ускореніи бѣгспва своего по оному. Онъ оставляеть Смоленскъ, изрыгнувъ послѣднюю на него злобу, и спѣшишь прежде прибытія войскъ Россійскихъ пройти село Красное. Но Князь Смоленскій окольнымъ путемъ и быстрымъ изъ Дорогубужа полешомъ предупреждаетъ его пришествіе. Плашовъ и Милорадовичъ шекуть по пятамъ врага и нападаа опрываютъ опъ него пушки, обозы и людей. Ноября 3е, 4е и 5е число при Красномъ рекутъ безумолчно орудія. Здѣсь прилично вспомнишь стихи Ломоносова :

Взойди на брегъ крушой высоко,
 Гдѣ кончится землею поппѣ,
 Простри свое чрезъ воды око,
 Коль много обнялъ горизонтѣ;
 Внимай, какъ Югъ пучину давитѣ,
 Съ пескомъ мушишѣ, зыбѣ на зыбѣ ставитѣ,

*

Касается морскому дну,
 На сушу гонитъ глубину,
 И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
 Такъ Россѣ прошивныхъ низлагаетъ.

Въ сей бѣсѣ силы непріятельскія совершенно разрушаются; огнедышущія орудія его валяются въ пыли и прахѣ; грозные полки его превращаются въ жалкія толпы скипающихся съ блѣдными лицами безъ оружія людей; полководцы его, оставя порученныя имъ войска и расперявъ Маршальскіе жезлы свои, бѣгутъ за верховнымъ повелителемъ своимъ, ищущимъ спасенія въ быстротѣ конскихъ ногъ. Несомнѣнная надежда его наступитъ на выю свѣта премѣняется въ сомнительную надежду переступитъ черезъ рѣку Березину: шакъ въ гордыхъ мечтаніяхъ человѣческихъ предыдущему часу смѣется послѣдующій часъ!

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Россійскій воинъ, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ за нанесеніе шолікихъ золь опечесству его, разсѣиваетъ, караетъ прошивныя силы. Въ лѣвой рукѣ держитъ онъ испоргнутые имъ у непріятелей мечи. Правою рукою разитъ бѣгущаго съ ужасомъ и злобою врага, щещно щипомъ своимъ опъ него заслоняющагося. Позади его видны падшіе на колѣни плѣнники. У ногъ его лежатъ

шрупы, шлемы и жезль предводительствовавшего непріятельскими войсками Маршала Даву.

№ 6. СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕРЕЗИНѢ СЪ НАДПИСЬЮ:
такъ погибають враги отечества моего!

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Переходъ Французовъ 16 и 17 Ноября черезъ рѣку Березино, при деревнѣ тогожъ имени, былъ нѣкое ужасное, всѣ бѣдшвія человѣческія совокупляющее въ себѣ зрѣлище. Все, что въ полкахъ ихъ осталось еще уцѣлѣвшее отъ смерти и плѣна, вооруженное и безоружное, гонимое побѣдоноснымъ воинствомъ, удручаемое морозами, голодомъ и страхомъ, спеклось на берегу сѣя рѣки, дабы спѣша и опережая другъ друга перейшли черезъ нее по узкому не швердому мосту. Одинъ страхъ, безъ всякаго со стороны нашей пораженія, производилъ уже такое смятеніе и шѣсношу, что бѣгущіе спалкивали другъ друга въ воду. Чшожь было, когда наспигшія ихъ въ семъ положеніи войска наши пустили на нихъ градъ ядеръ и пуль? Битва сія была болѣе казнь преступниковъ, нежели сраженіе между непріятелями. Люди, лошади, пушки, ружья, знамена, повозки, обозы, снаряды, припасы, собственныя ихъ и везомыя ими изъ Москвы сокровища, все оставлено, разбросано, раздранно, побито, валлешся въ полѣ, по берегамъ, мерзнешъ, умираешъ, понешъ въ рѣкѣ!

Здѣсь уже не громъ оружія сбивалъ рогъ
гордостѣи, но небо во гнѣвѣ своемъ карало
духъ злочестія. Щасливъ былъ шопъ,
кто окончилъ дни свои; злополученъ, кто
остался живъ, дабы послѣ нѣсколькихъ дней
спраданія умереть отъ хлада или голода.
Здѣсь, смотря на погибель шоль многихъ
людей, можно было словами Державина ска-
зать, что блѣдная смерть, шрепешъ еспе-
сшва и спрахъ, глядишь,

Глядишь на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ Державу тѣсны міры;
Глядишь на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядишь на прелестъ и красы,
Глядишь на разумъ возвышенный,
Глядишь на силы дерзновенны,
И шочитъ лезвее косы.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Рускій воинъ, смотря на повсемѣшную
окресъ себя погибель и разрушеніе, уже не
шолько съ воспламененнымъ отъ гнѣва,
сколько съ сокрушеннымъ отъ жалости
сердцемъ восклицаетъ: *такъ погибаютьъ*
враги Отчества моего!

№ 7. БѢГСТВО НАПОЛЕОНА ЗА НЕМЕНЬ СЪ НАДПИСЬЮ:
бѣжитъ! громомъ паденія силъ своихъ устрашенный.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Наполеонъ, ускользнувъ отъ общаго всѣхъ войскъ своихъ при Березинѣ жребія, въ простой повозкѣ, подъ сокрытымъ именемъ проѣзжаетъ Вильну, шотъ городъ, гдѣ недавно предъ симъ, окруженный силою и пышностію, мечталъ онъ себя бытъ обладателемъ свѣта. Днесъ бѣжитъ за Немень, спѣшитъ вырваться изъ предѣловъ Россіи. При переходѣ его съ огромными силами чрезъ сію рѣку громъ и молнія возвѣщали ему гнѣвъ Божій, но люшый сердцемъ завосащель не слышитъ ни прещенія небесъ, ни гласа совѣсти, ни спона смершныхъ. Онъ внемлетъ единому шокмо алканію ненасытныхъ своихъ желаній. Червь собственными своими, исполинъ подвластными ему силами, онъ забываетъ въ себѣ человѣчество и хочетъ бытъ Богомъ, но не тѣмъ благимъ, которой лучами солнца согрѣваетъ вселенную, а тѣмъ адскимъ божествомъ, которое дышетъ испребленіемъ и смертію. Человѣкъ, сказалъ Державинъ,

Есть гордость съ бѣдностію совѣстна,
 Сегодня Богъ, а завтра прахъ.

Наполеонъ, возвысясь изъ ничего, былъ разорителемъ царствъ. Всякая минута жизни его окроплена кровію и слезами несчастныхъ. Въ пять мѣсяцовъ принесъ славою своему болѣе полумиліона жертвъ, се бѣжитъ онъ поруганный и посрамленный. За нимъ льется рѣка крови человѣческой. Бури на черныхъ крыльяхъ своихъ несутъ къ нему облака дыма, клубящагося отъ сожженныхъ градовъ и селъ. Въ слухъ ему гремитъ проклятіе народовъ. О человѣкъ! отколѣ въ сердцѣ твоёмъ столько злоба къ подобнымъ тебѣ?

ИЗЪ ОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Увѣнчанный осокою баснословный спарецъ, опершійся на урну, изъ которой льется вода, представляешь рѣку Немень. Оковы его показываютъ, что она въ сіе время покрыта была льдомъ. Наполеонъ едва обернувшись въ легкое развѣваемое вѣтромъ одѣяніе пересступаетъ чрезъ нее. Позади его на берегу рѣки видны шлемъ, щитъ и мечъ его, въ знакъ совершенной потери всего, что съ нимъ въ предѣлы Россійскіе вступило. Онъ съ ужасомъ озирается вспять, и при первой надеждѣ спасенія своего, какъ бы отъ страшнаго сна пробужденный, едва случившемуся съ собою можешь вѣришь.

№ 8. ПЕРВЫЙ ШАГЪ АЛЕКСАНДРА ЗА ПРЕДѢЛЫ
РОССІИ СЪ НАДПИСЬЮ;

Благословенъ грядый во имя Господне.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Несмѣшныя силы Наполеоновы, пѣхота, конница, пушки, снаряды, обозы, все легло на поляхъ Рускихъ жершвою огня, меча, копья, сѣкиры; часть опдалась въ плѣнъ; часть испреблена мразами и голодомъ; сама малѣйшая часть полумертвая спаслась бѣгствомъ. Богъ благоволилъ совершиться обѣщанію Царя: *ни единъ непріятельскій воинъ не остался на землѣ Руской*; или (что еще болѣе) остались почти всѣ, но мертвыми и плѣнными. АЛЕКСАНДРЪ могъ вложить мечъ свой и сказать Европѣ: „возстань и свергни съ себя иго зависимости; Россія даруетъ тебѣ возможность и способъ.“ Но Онъ зналъ, что многія Европейскія Державы находились еще подъ непосредственною властію Французовъ, и что преобладаніе ихъ надъ ними, при новыхъ угрозахъ и предпріимчивостяхъ Наполеона, не взирая на данный Россіею могущество его смертоносный ударъ, не дастъ имъ соединиться для освобожденія своего духомъ согласія и мужества. При таковыхъ обстоятельствеяхъ Монархъ Россійскій, по совершенномъ низ-

ложеніи врага, хощя и могъ ошъ нападеній его бытъ безопасенъ, и хощя потерпѣвшая ошъ многочисленныхъ и люпыхъ непріятелей внушренность царства его и прѣбовала нѣкоего ошъ напряженія силъ своихъ опдохновенія; но между тѣмъ какъ съ одной стороны удерживало его чадолубивое о подданныхъ своихъ попеченіе, съ другой:

Европа упомянена въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ нему свои простерла длани,
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
(Л. Моносовъ.)

Великодушный Обладатель Сѣвера внимашъ шайному ея воздыханію: „великому дѣлу, говоришъ онъ въ сердцѣ своемъ, положено великое начало; надлежитъ увѣнчашъ оное соотвѣствующимъ ему великимъ концемъ. Народъ мой сокрушилъ союзъ двашцаши царствъ, пришекшихъ низринуть его въ уничиженіе и рабство; народъ мой, единъ, да шечешъ со мною избавить сіи царства ошъ насильственной власши и возвращишъ имъ свободу. Тако да воздашъ, по слову Спасителя, за зло добромъ, и купишъ себѣ прочный миръ и славу.“ Съ сими во груди чувствованіями Монархъ Россійскій (Генваря въ первый день 1813 года) высшупаетъ изъ предѣловъ своей области.

ИЗ ОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

АЛЕКСАНДРЪ Первый, облеченный силою и доблестію, на быспромъ конѣ, попирающемъ шипящихъ змѣй зависши и злобы, съ обнаженнымъ въ десницѣ мечемъ и съ окомъ Провидѣнія на щипѣ, пушеводимый мудросію и правдою, лепишь за предѣлъ Россіи. Слава, подвиги Его увѣнчивать спѣшащая, едва въ слѣдъ за нимъ успѣваетъ.

№ 9, ОСВОБОЖДЕНІЕ БЕРЛИНА СЪ НАДПИСЬЮ:
возстани и ходи.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Пруссія спѣшенная Франціею изнемогала подѣ насильственной ея рукою. Всѣ главные города и крѣпости ея находились въ рукахъ у Французовъ, сдѣлавшихся подѣ именемъ союзниковъ полновластными надѣ нею господами. Народъ воздыхалъ, но не имѣлъ силы освободиться отъ ихъ власти. Совершенное истребленіе войскъ Французскихъ въ Россіи, срамное и жалкое бѣгство не многихъ оставшихся изъ нихъ чрезъ Пруссію земли, и слухъ о порожественномъ послѣ громкихъ подвиговъ шествіи къ нимъ Россіянъ, хотя и возраждали въ сердцахъ ихъ нѣкую радостную надежду, но еще колеблемые сомнѣніемъ не смѣли они съ полною довѣренностію ей предаться. Наконецъ приближеніе къ предѣламъ ихъ осіянаго славою Императора АЛЕКСАНДРА Перваго съ побѣдоноснымъ воинствомъ Своимъ, и проспертіе къ нимъ дружеской длани, представляло имъ возможность свергнуть съ себя тяжкое иго порабощенія, и воспалило въ нихъ прежній духъ мужества и чести. Города ихъ одинъ по одному освобождаются: Французы бѣгутъ изъ нихъ,

Рускіе вступають. Жители просируютъ къ нимъ руки и радостными воспорами и празднествами изъясляютъ свою благодарность. Сокрывая подъ личиною чувства обнажаясь, притворство уступаетъ мѣсто чистосердечію, и между нѣмъ какъ съ одной стороны невольная съ Рускими вражда претворяется въ добровольную дружбу, съ другой изъ насильственнаго съ Французами союза рождается брань и война. Вся Пруссія вооружается, кипитъ благороднымъ гнѣвомъ, и вмѣстѣ съ избавителями своими, храбрая и надежная на дружество храбрыхъ, печется спастись опечесство свое и Европу.

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россіянинъ поднявъ мечъ разитъ падашаго на колѣно и заслоняющагося щитомъ своимъ Француза; гонитъ его изъ Берлина, Прусской Столицы, которая, въ видѣ жены, опирающаяся съ ужасомъ ошъ лютаго притѣснителя своего, и просируетъ съ радостію руки свои къ пришекшему на помощь ей Избавителю.

№ 10. ТРОИСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ, СЪ НАДПИСЬЮ:

Во имя Святыя Троицы.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Ужѣ Обладатели великихъ царствъ, Императоръ Россійскій и Король Прусскій, съ войсками своими приехали въ Саксонію, ужѣ Дрезденъ, Столица Саксонская, отворила имъ съ радостію, какъ избавишелямъ, враша свои. Путь ихъ былъ поржешественное шествіе : повсюду воздухъ наполнялся плесками восхищеннаго народа ; вездѣ брошенные рукою дѣвъ цвѣтны и вѣнки лежали подъ ихъ шпоами ; вездѣ огни веселія освѣщали вышавленные въ честь имъ иносказательныя изображенія съ изліянными на нихъ чувствомъ благодарности словами и надписями. Казалось всѣ города и села радостію цвѣли и рѣки Висла, Одеръ и Эльба въ зеленѣющихъ берегахъ своихъ шекли играя и веселяся. Всеобщая радость сія помрачена была единою шокмо, но великою печалію : побѣдоносный вождь Россійскихъ силъ, Князь Купузовъ Смоленскій, кошораго чело увѣнчано было шоликими лаврами, достигнувъ до Бунцлау, занемогъ, и по крашкой болѣзни преселился опъ временной жизни въ вѣчную, оставя громкими подвигами и спасеніемъ Ошечесшва своего безмершную

по себѣ память. АЛЕКСАНДРЪ Первый воз-
вѣстивъ о сей потерѣ достойнымъ Себя и
Полководца Своего образомъ. Нѣкто изъ
списхошворцевъ нашихъ, оплакивая смерть
его, справедливо о немъ сказалъ :

Плачетъ Россія плачемъ великимъ,
Плачетъ о сынѣ, данномъ ей свыше,
Жизнь и свободу матери дасть.

Между тѣмъ Наполеонъ съ собранными
вновь силами явился опять препоясаннымъ
на брань. Люцинскія и Будисинскія поля
дымилась дважды кровію воиновъ. Переми-
ріе прервало на время громъ орудій. Австрія,
мнившая Наполеона преклонить къ миру, по
долгомъ и щещномъ покушеніи вступается
на послѣдокъ въ союзъ съ Россією и Пруссією.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Императоръ Россійскій АЛЕКСАНДРЪ
Первый, сопрягшійся уже дланію дружбы
съ Королемъ Прускимъ Вильгельмомъ третъ-
имъ, оба приѣмлютъ простершую къ нимъ
десницу Австрійскаго Императора Франца
перваго. АЛЕКСАНДРЪ въ знакъ правоспи-
дѣла и чистоты намѣреній своихъ возди-
гаетъ на небо руку. Тако при вѣнценосца,
сильнѣйшихъ въ Европѣ, внемля гласу Божію
во гласъ народовъ своихъ, заключаютъ во
имя Святыхъ Троицы неразрывный, свыше
благословляемый тройственный союзъ.

№ 11. СРАЖЕНІЕ НА ВЫСОТАХЪ КАЦБАХСКИХЪ
СЪ НАДПИСЬЮ :

пойдемъ дружно по трупаѣ и костяѣ ихъ.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Всѣ предложенія Австрійскаго Двора о возстановленіи тишины въ Европѣ Наполеономъ опровергнушы. Съѣздъ въ Прагѣ посланниковъ по долгомъ преніи разрушился. Срокъ перемирія истекъ. Австрійскій Императоръ приспаетъ къ двумъ высокимъ союзникамъ и объявляетъ войну Франціи. Россійскія и Прускія войска вступаютъ въ Богемію, гдѣ вмѣстѣ съ новыми своими союзниками располагаютъ вести наступательную противъ Французовъ войну. Наполеонъ собираетъ войска свои и утврждаетъ въ окрестностяхъ Дрездена, отколѣ часть оныхъ посылаетъ по пути къ Берлину, гдѣ соединенно съ Россійскими и Прускими войсками находился Шведскій Наслѣдный Принцъ Бернадопъ, опразившій Августа 11 числа нападеніе ихъ при Требинѣ, и взявшій въ плѣнъ болѣе двухъ тысячъ человекъ съ двадцатью пушками. Другую часть подъ начальствомъ Маршала Макдональда отправилъ Наполеонъ противъ Силезіи, которую охранялъ Прускій Генераль Блюхеръ, подкрѣпляемый значными силами

Ча с т ь X.

22

Россійскихъ войскъ. Движеніе главной союзной арміи къ Дрездену не позволяло Наполеону усиливать сіи отряды, дабы самому не ослабнуть. Августа 14 числа, въ день черныхъ тучъ и проливнаго дождя, возгорѣлась въ Силезіи при рѣкѣ Кацбахѣ сильная брань между войсками, состоявшими подъ предводительствомъ Блюхера и Магдональда. Россіянѣ и Прусакѣ одержали совершенную надъ Французами побѣду: сіи послѣдніе въ крайнемъ разстройствѣ предались наконецъ бѣгству, и гонимые непріятельскимъ огнемъ и бурею, въ разлившейся отъ наводненія рѣкѣ Кацбахѣ бѣдственно утонули, оставивъ, при великомъ числѣ убитыхъ, въ плѣнъ побѣдителямъ одного Генерала, пять тысячъ рядовыхъ со многими Шнабъ и Оберъ-офицерами, и 86 пушекъ.

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Два ополченные воина, Россіянинъ и Прусакъ, первый въ одеждѣ Славянина, второй въ броне древняго Германскаго рыцарства, поправъ непріятелей, текутъ по трупамъ ихъ дружно къ новымъ подвигамъ и побѣдамъ.

№ 12. БОЙ ПРИ КУЛЬМЪ СЪ НАДПИСЬЮ:

отдай мѣсто твоей! и вступи въ Прагу не побѣдителемъ, но пленнымъ.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Послѣ бывшаго на Дрезденѣ покушенія, Наполеонъ опредѣлилъ Генерала своего Вандама съ осмьюдесятью орудіями и сорокою тысячами пѣхоты и конницы ворваться въ Богемію и овладѣть Прагою. Вандамъ успѣлъ уже придвинуться къ Теплицамъ и при урочищѣ Кульмъ встрѣтился съ Россійскою гвардіею, состоявшею въ осьми тысячахъ человекъ подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Графа Остермана. Опредѣль сѣй, малый числомъ людей, но великій твердостью духа, не устрашился противустать превосходящему въ пять кратъ противъ себя непріятелю, дополняя недостатокъ силъ своихъ избыткомъ храбрости. Августа 16 и 17 числа происходилъ между ими жестокий бой, о которомъ можно сказать стихами Тасса:

Come pari d'ardir, con forza pare
Quinci Austro in guerra vien, quindi Aquilone,
Non ei fra lor, non cede il cielo o'il mare;
Ma nube á nube, e flutto a flutto opone;
Così nè ceder qua, nè là piegare
Si vede l'ostinata aspra tenzone.

S'affronta insieme orribilmente urtando
Scudo a scudo, elmo ad elmo, e brando a brando.

шо естъ :

„Подобно какъ равные силою и быспро-
„шою вѣтры, одинъ опъ Юга, другой опъ
„Сѣвера, срѣшающся, и ни они, ни небо, ни
„море, другъ другу не уступаютъ; небо
„лучи прошивъ пучъ, море волны прошивъ
„волнъ спавишь; ничто ни шуда ни сюда
„не подается: тако двѣ сопротивныя ра-
„пи съ ужаснымъ воплемъ и шумомъ, шлемъ
„со шлемомъ, щипъ со щипомъ и мечъ съ
„мечемъ спираются.“

Сколь ни малочисленно было наше гвар-
дейское воинство, но оно не уступило ни
на шагъ напору сильнаго непріятеля. Графъ
Ошерманъ съ неисцѣлѣвшею еще въ груди
раною, полученною имъ во время сраженія
подъ Бауциномъ, былъ снова раненъ: ядромъ
отпорвало у него руку. Онъ поручилъ началь-
ство по себѣ храброму Генераль-Лейшенан-
ту Ермолову. Уже побѣда, не взирая на пре-
восходство силъ непріятельскихъ, склоняла
вѣсы свои на нашу сторону, уже гордый
врагъ начиналъ ужасаться пролишой крови
своей, какъ вдругъ подоспѣли еще наши ар-
мейскія войска и часть Прусаковъ: тогда
непріятель разбитъ былъ совершенно: де-
сятъ тысячъ войскъ его положено на мѣ-

спѣ, пять тысячъ съ главноначальствующимъ Генераломъ Вандамомъ и многими другими начальниками взяты въ плѣнъ; всѣ 80 орудій, 2 орла, 2 знамя, 200 зарядныхъ ящиковъ и весь обозъ, достались въ руки побѣдителямъ. Знаменистая побѣда сія, къ вѣчной славѣ участвовавшихъ въ ней сподвижниковъ, останется навсегда достопамятною въ бытописаніяхъ воинскихъ.

ИЗ О В Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Россійскій воинъ съ великимъ напряженіемъ силъ, каковое долженъ былъ имѣть при одержаніи побѣды надъ столь превосходѣйшимъ противъ себя непріателемъ, вырываетъ мечъ у поверженнаго имъ врага, мечпавшаго войши въ Прагу съ побѣдоносными войсками, но посланнаго чрезъ нее плѣннымъ въ Москву.

№ 13. БИТВА ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ СЪ НАДПИСЬЮ:
се рѣшена участь Европы и свобода цѣрствъ.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Послѣ трехъ одержанныхъ союзными войсками въ разныхъ сѣранахъ и въ краткое время знаменитыхъ побѣдъ, Наполеонъ оставляесть Дрезденъ и соединяетъ всѣ свои силы подъ сѣбнами Лейпцига. Союзные Монархи, всегда сами при войскахъ своихъ присутствовавшіе, повелѣвають разнымъ частямъ оныхъ отъ разныхъ сѣранъ притечь и окружить непріятеля. Малая окрестность Лейпцигскихъ полей обременяется огромною тягостію разнообразныхъ войскъ, просѣпировавшихся съ обѣихъ сторонъ до полу-миліона пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Брань возгораесть. Тысячи мѣдныхъ жерлъ ревуть и рыгають пламень, земля стонетъ и небо тьмится. Три дни, начиная отъ 4 Августа, густой градъ ядеръ и пуль не престаесть сыпаться и носить смерть. Мечи и штыки обогрѣются кровію. Наконецъ по долгомъ и упорномъ сраженіи Французскія силы ослабѣвають, приходятъ въ изнеможеніе и рассыпаются. Великое число знаменъ, орудій, полководцевъ, начальниковъ, воиновъ илѣ, предаются въ руки побѣдителей. Остальные бѣгутъ,

ищутъ укрѣпиться въ стѣнахъ града; но АЛЕКСАНДРЪ съ побѣдоноснымъ воинствомъ своимъ вышѣсился на опутѣхъ. Король Саксонскій, ставъ военнопленнымъ, прибѣгнулъ подъ Его покровъ. Наполеонъ съ разбитымъ остаткомъ войскъ своихъ, ища спасенія въ быстротѣ бѣгства, сибѣжитъ къ Франкфурту, гдѣ при Ганау встрѣченный и пораженный еще Баварскими войсками, обезсиленный, изнуренный, потерявъ всю свою прежнюю гордость и власнь, вноситъ со вслушеніемъ своимъ во Францію униженіе и стыдъ. Въ тогдашнихъ о семъ славномъ и знаменитомъ сраженіи извѣстіяхъ сказано: „тако рѣшилась жалкая, воцаряющая правду, всѣ племена и народы воскрешающая битва! плоды ея нечисленны, слѣдствія спасительны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣчества. Очарованіе разрушено, гордость низринута, слѣпога умовъ и слѣпыхъ сердецъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непріятель съ малыми остатками изнуренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы на берегу Рейна и Европа освобождена.“ Сей, послѣ великихъ подвиговъ и ободрившаго всѣхъ примѣра, былъ не тщеславный, но правдивый гласъ Россіи!

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Всѣ непріятельскія силы низложены, истреблены, пали подѣ свинцовою палицею мужественной руки. Поле сраженія покрыло горами тѣлъ. Россіянинъ стойше твердо, возвышаясь какъ кедръ посреди низверженныхъ бурей вокругъ его деревьевъ. Въ одной рукѣ держише онъ опущенный послѣ побѣды мечъ, въ другой сидящаго на щитѣ двуглаваго Россійскаго орла, въ знакъ избавленія и покрова народамъ, по его подвигу и мановенію возникшимъ, и при его помощи успремившимся, да свергнуше съ себя иго, подѣ коимъ угнѣждаемы были преобладающею надѣ ними силою и властію.

№ 14. ОСВОБОЖДЕНІЕ АМСТЕРДАМА СЪ НАДПИСЬЮ:
подъ щитомъ моимъ успокойся.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Голландія, общимъ жребіемъ постигнутая, спсрадала подъ игомъ приѣхшншея царствъ. Законные обладатели ея принуждены были изъ ней удалиться. Поборающія по ней морскія воды не могли раздѣліемъ своимъ защитишь ее отъ нашествія ино-
 племенныхъ. Чуждая власъ просперла надъ нею желѣзную руку владычества. Мужес-
 свенный Россіанинъ, по низложеніи дер-
 знувшаго вступишь въ царство его сильного и надъ всѣми гордую главу свою возносившаго врага, шесвуешь, побѣдоносный, въ чуждыя земли, не для покоренія, но для освобожденія ихъ; онъ, уѣхшая присушствіемъ своимъ народы, являешся и предъ стѣнами Амстердама, гдѣ нѣкогда Великій ПЕТРЪ въ видѣ просшаго плотника учился строишь корабли. Храбрые Голландцы, примѣромъ приехшаго къ нимъ великодушнаго Росса возбужденные, и силою его вспомо-
 щесвуемые, возстающъ, соединяющся съ нимъ, изгоняющъ отъ себя враговъ своихъ, и призвавъ изъ Англіи пребывавшаго шамъ законнаго Обладателя своего, освобождающъ отъ чуждой угнѣтавшей ихъ власи.

ИЗОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Вооруженный мечемъ Рускій воинъ, сдвигною рукою поражая поверженнаго къ ногамъ своимъ врага, другою. держащею щипъ, дружественно покрываетъ подносящую ему ключи отъ града Голландскую въ видѣ жены столицу, и утѣшая вѣщаеиъ ей: *подъ щипомъ моимъ успокойся.*

№ 15. ПЕРЕХОДЪ ЗА РЕЙНЪ СЪ НАДПИСЬЮ:

*иду, несу мѣтъ мой, да сокрушу дѣхъ брани и
водворю миръ въ людяхъ.*

Безпримѣрное въ войнѣ сей всепородушіе Россійскаго Монарха, и соотвѣтствующее тому поведеніе войскъ его, по неспиннѣ достойно прославляющся. Прекратитъ вражду между народами, возвратитъ каждому свое, водворитъ въ Европѣ миръ и спокойствіе, были единственнымъ его желаніемъ. Безкорыстный и только на благо человѣчества основанный союзъ его съ другими государствами былъ твердъ и вѣнокъ общаго къ нему довѣренности. И могла ли она не быть? Державы, хотя и принужденно прогнали Россію воевавшия, но по меньше того наносившія ей зло, вдругъ, никогда не чая, увидѣли вступавшія въ предѣлы ихъ побѣдоносныя войска ея не только не раздраженныя гнѣвомъ и местию, но великодушно, кротко и чистосердечно предлагающія имъ руку помощи. Тамъ уснарялись проливать кровь ихъ и разорять селенія и грады, а сіи, обуздавъ ихъ стремленіе, пришли проливать кровь свою за нихъ и защищать ихъ имущество и свободу. Тоже самое было и при вступленіи во Францію. Казалось воинство наше въ одной рукѣ

несло мечъ, а въ другой мирныя оливы: мечъ для смиренія гордыни беззаконнаго правительства, наносившаго столько же зла самой Франціи, сколько и другимъ державамъ; оливы для Французскаго народа, такъ что можно было по всей справедливости сказать: Россійскія войска идутъ во Францію не для нанесенія ей вреда, или опмщенія за себя, но для избавленія благомыслящей части народа ихъ отъ неблагомыслящей; идутъ, жертвуя собою, воздашь добромъ за зло. Толь съ одной стороны злонамѣренной и лютой, а съ другой великодушной и кропкой войнѣ, едва ли въ бышописаніяхъ міра найдутся нѣкошорыя подобія. Переходъ союзныхъ войскъ за Рейнъ происходилъ въ Базелѣ, въ присутствіи прехъ Монарховъ, Генваря 1 го числа 1814 года, день, въ который, ровно годъ тому назадъ, побѣдоносныя войска наши, выступая за предѣлы Россіи, перешли въ Меричахъ чрезъ Нѣмень.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Россійскій воинъ съ поднятымъ къ небу мечемъ, призывая въ помощь Бога, взирающаго на него съ высоты намѣреній, пересукаетъ твердою ногою съ одного берега Рейна на другой. Рѣка сія изображена текущею изъ урны, обвитой лозою винограда, въ знакъ главнѣйшаго произрашенія на берегахъ оной.

№ 16. СРАЖЕНІЕ ПРИ БРІЕНЬ СЪ НАДПИСЬЮ:

поражая спасаю тебя.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

По вступленіи союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, Наполеонъ съ собранными имъ вновь войсками являешся подъ Бріеною. Городъ, въ кошоромъ онъ воспишывался и провелъ первые дни своей юности, щедрою Короля Францускаго помѣщенный въ бывшее тамъ училище. Здѣсь по долгомъ и кровопролитномъ сраженіи съ Россійскими и Прусскими войсками наконецъ принужденъ онъ былъ опстшупить, и дабы бѣгство свое на время прикрыть, велѣлъ городъ сей, гнѣздо и колыбель молодости своей, предать огню и разрушенію.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И .

Поверженный къ ногамъ Рускаго воина непріатель закрываетъ себя щитомъ отъ наносимыхъ ему ударовъ. На щитѣ его въ видѣ женщины изображенъ городъ Бріена или самая Франція, воспишывающая дракона. Побѣдоносный воинъ прободаетъ копіемъ своимъ сего угнѣздившагося въ ней змія, да разрушеніемъ силы и власши его освободитъ отъ него Францію.

№ 17. ВОЙ ПРИ АРСИСЬ-СЮРЬ-ОВЪ СЪ НАДПИСЬЮ:

Погибни вражда и зломыслие.

ОПИСАНІЕ СЛУЧАЯ.

Уже солнце Наполеонова щастія было на закатѣ и день славы его примѣнно вечерѣлъ. Однакомъ послѣ разбитія войскъ его подъ Бриеною, онъ снова собрался съ силами, и движимый больше опчаяніемъ, нежели храбростию, метался повсюду и нападалъ на союзныя войска. Нѣкоторые одержанные имъ частныя и маловажныя успѣхи потчасъ возраждали въ немъ прежнюю гордость, и онъ забывалъ настоящее состояніе свое, мнилъ еще быть повелителемъ свѣта. Осьмое число Марша прибылъ онъ съ важными силами къ городу Арсену на рѣкѣ Оби, и на другой день произошло между имъ и союзными войсками кровопролитное сраженіе. Онъ снова былъ разбитъ и прогнанъ.

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Рускій воинъ въ образѣ Геркулеса, не видя конца враждѣ и зломыслию сегоглавой безпрестанно возраждающейся въ силахъ своихъ гидры, оцѣрся въ неперивѣдн мечъ свой и копіе, беретъ палицу, и мощными руками поражаетъ всеобщаго врага, тщетно сисящагося возмашъ и безполезно подставляющаго подъ удары его хрупкій свой щитъ.

№ 18. СРАЖЕНІЕ ПРИ ФЕРЬ-ШАМПЕНУАЗЬ
СЪ НАДПИСЬЮ:

*да лягутъ буйство и гордость подъ копытами
коня моего.*

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Наполеонъ, глава и предводитель сплѣ, изложенныхъ ужѣ и сокрушенныхъ, но силлящихся еще возстать. понушается снова испытать щастія своего на полѣ брани. Тяжко ему распаться съ надменностію и владычествомъ. Онъ мнитъ кровію войскъ своихъ искупить себя изъ угрожающей ему напасти. Въ силѣ мечтаніяхъ, больше предпріимчивъ и дерзокъ, нежели великъ и грозенъ, является со всѣми остальными полками своими на поляхъ Шампенуазскихъ. Хочетъ остановить приближающееся къ столицѣ союзное воинство, хочетъ удержатъ еще исполинскій свой видъ и отворачиши висящую надъ главою его бурю; но гордости положенъ предѣлъ, до котораго возвысясь, упадаетъ она въ ничтожество. Здѣсь послѣ сильнаго и рѣшительнаго сраженія, въ которомъ наиболѣе содѣйствовала храбрая Россійская конница, утекаетъ онъ, отчаянный и лишенный всякія надежды, съ малою частію окружающей его дружины. Прочія войска его побиты, потоптаны, развѣяны

какъ прахъ. Побѣда сія открыла союзнымъ войскамъ путь къ Парижу.

ИЗЪВРАЖЕНІЕ МЕДАЛИ.

Россійскій воинъ на конѣ топчетъ и попираетъ поверженнаго врага. Съ презрительною на лицѣ улыбкою пронзаетъ онъ громоноснымъ копіемъ своимъ щипъ и грудь падшей, но еще скрежещущей на него злобы. Валяющіеся въ прахѣ шлемы, щипы и пруты, являють великость дѣлъ его и подвиговъ.

№ 19. ПОКОРЕНИЕ ПАРИЖА СЪ НАДПИСЬЮ:
пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

О П И С А Н І Е С Л У Ч А Я .

Марша 18-го числа союзныя войска приближающся къ Парижу. Пропивъ ихъ подъ предводительствомъ Мармонша и Мортье выходящъ не малыя силы. Брань возгорающся подъ самыми стѣнами столицы. Окрестныя высоты Монмартра и Бельвиля, защищаемыя съ упорностію, уступающя наконецъ силѣ и храбрости. Вершины и подшвы ихъ устилаются безчисленными трупамы пораженныхъ и разбѣянныхъ непріятелей. Россійскія орудія востекають на крутизны ихъ, и уставя спрашныя жерла свои прямо на средину града гонимы посыпашъ на него пыскы разрушающихъ перуновъ и смертей. Спрахъ и смятеніе возникли въ обиталищѣ роскоши и гордости. На другой день, то есть 19 числа, день вѣчнопамятный для славы Россіи, смирившаяся и утраченная столица присылаетъ посольство съ ключами и прозьбою о пощаде града и жителей. АЛЕКСАНДРЪ Первый съ побѣдоноснымъ воинствомъ своимъ вступаютъ въ оный, пробѣждаетъ въ устройствѣ и порядкѣ по великолѣпнымъ его спогнамъ, сопровождаемый несмѣтнымъ множествомъ

Часть X.

23

пекущихъ за нимъ зришелей, крошкими его взорами ободренныхъ и веселящихся. Вскорѣ вмѣсто плача и рыданія повсюду раздаются радостные вопли и восклицанія. Наполеонъ Бонапарте низвергается съ престола. Народъ провозглашаетъ на оный законнаго Короля своего Людовика XVIII. Россійскіе священнослужители посредъ града при великомъ спеченіи почти всѣхъ Европейскихъ Царей, Князей, Вельможъ, войскъ и народовъ, совершаютъ, по обрядамъ Грекороссійской церкви благодарственное молебствіе дарованію побѣдъ, всемогущему Богу. Умолкаетъ война. Миръ на сушѣ и водахъ. Великодушіе, забывая оскорбленія свои, даруетъ смиреннейшей враждѣ пощаду и благоденствіе.

ИЗ О Б Р А Ж Е Н І Е М Е Д А Л И.

Россіянинъ съ копіемъ въ рукѣ подноситъ падшей на колѣни предъ нимъ Французской столицѣ маслячную вѣщъ. Усѣянное вокругъ нея мертвыми тѣлами и сокрушенными оружіями поле являетъ бывшее предъ тѣмъ жестокое сраженіе. Вмѣстѣ же сіи пожатые имъ лавры съ оливою показываютъ, что колько гнѣвъ его спрашенъ въ брани, толико духъ его крошокъ въ побѣдѣ.

Конецъ десятой части.

66 425 A A 3048

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 05282 3906

